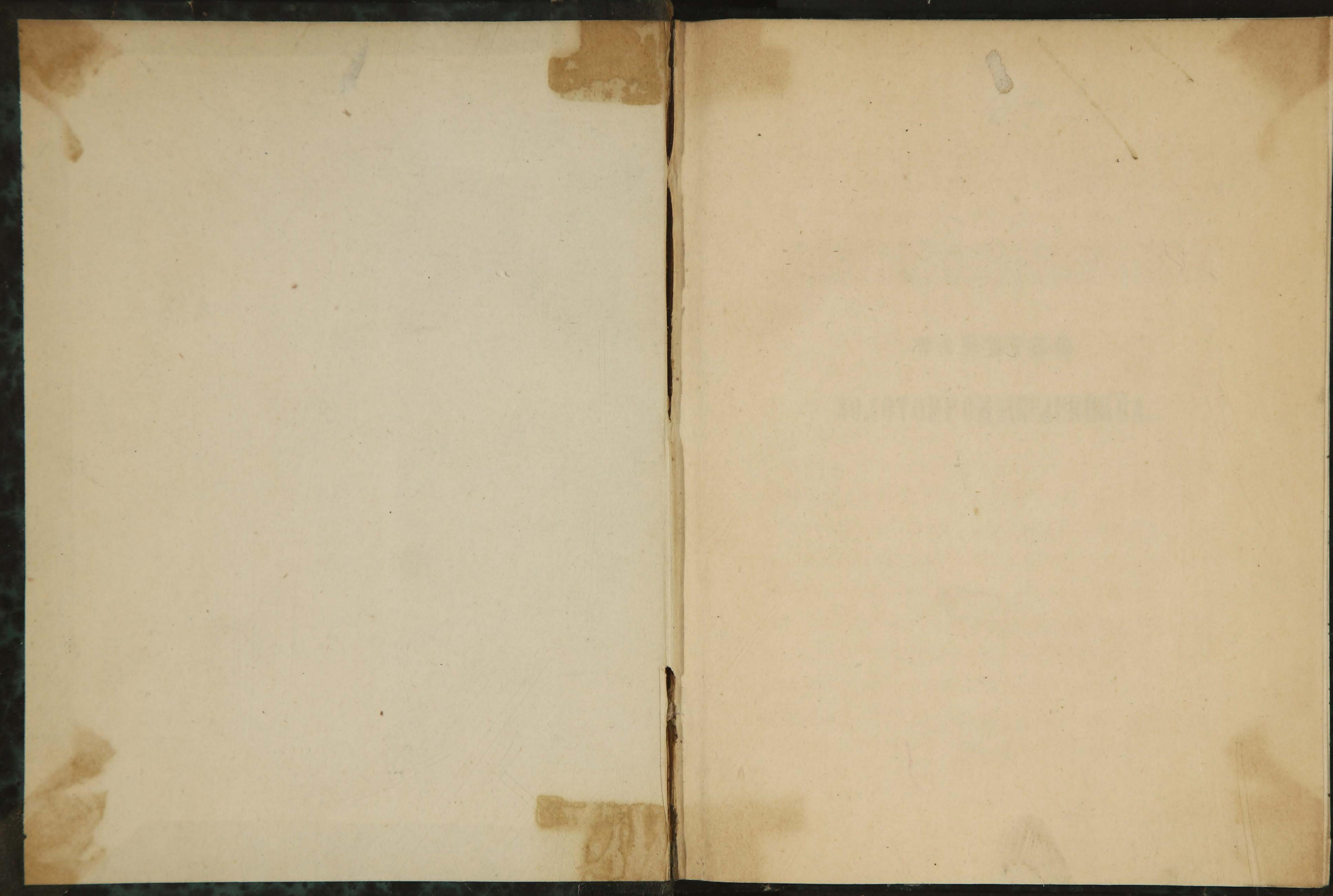
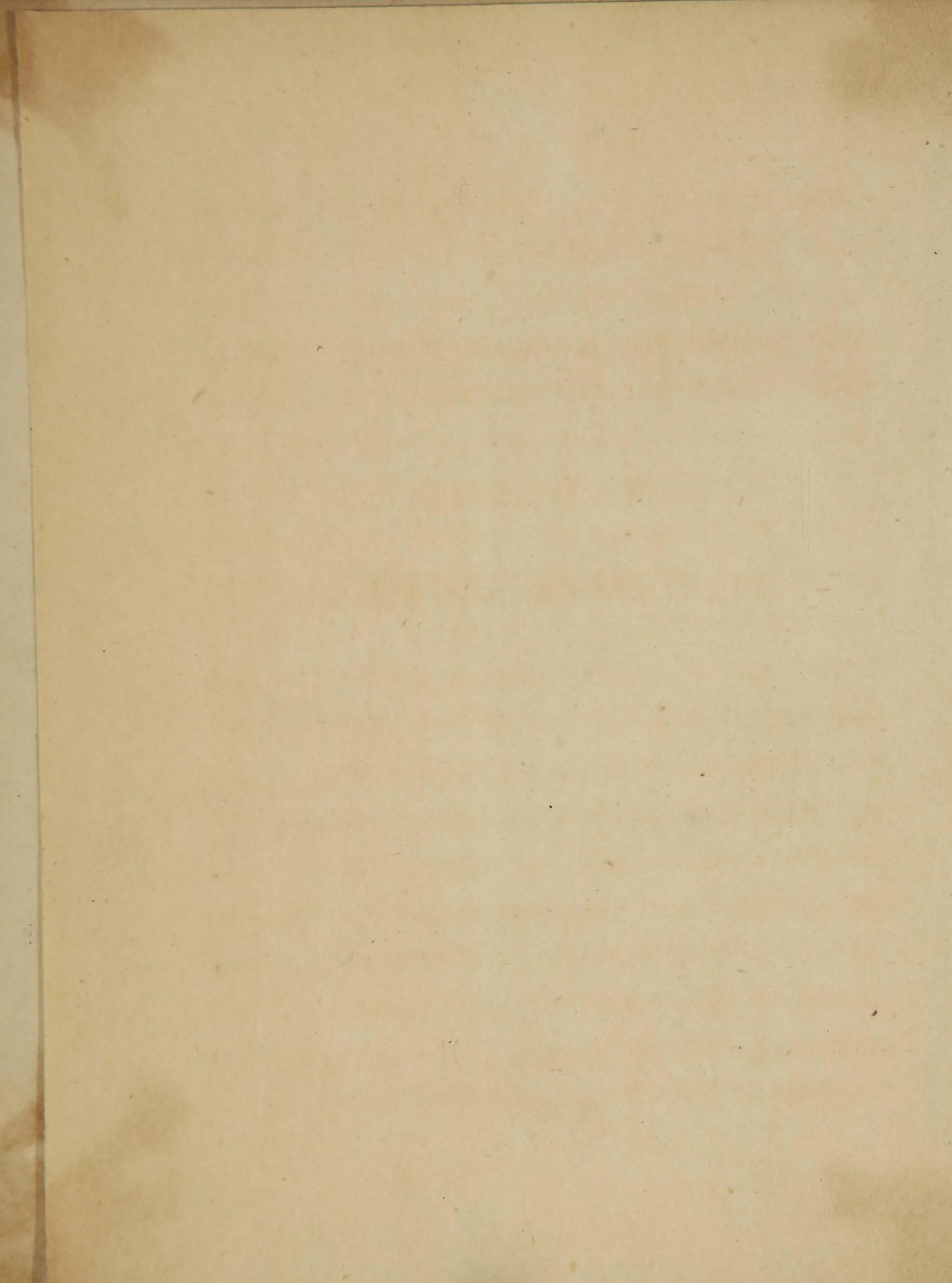

3288.
R.

542.

ЗАМЪТКИ
ЗОЛОТОПРОЫШЛЕНІЯ.

1860-1862
БАНКЕТЫ

1860-1862

МАТАРЕЛ

САМЫЕ ПОДРОБНЫЕ

ЗАВ

ЗАМѢТКИ

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКА

В. А. Скарѣтина.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

ЧАСТЬ II.

Библиотека Императорского
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

39

ИАТФИА8

АДИДЕЧНЫЙ ПОТОЛОВ

Одобрено ценсурою. С. Петербургъ. 10 октября 1862 года.

74620

ИДТОАР

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

— 8 —

ЗАМЪТКИ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКА.

III.

Но что же такое, наконецъ, эти золотые пріиски или промыслы, столь часто упоминаемые, столь заманчивые для сотенъ, тысячи людей и достающіеся лишь немногимъ счастливцамъ?... что такое этотъ пріискъ, столь сильный своимъ животворнымъ вліяніемъ, дающій жизнь всему окружающему его на многія сотни, даже тысячи верстъ? гдѣ же, наконецъ, это эльдорадо, это золотое руно, и въ чёмъ оно заключается?

Если вы, читатель, одарены крѣпкимъ сложеніемъ и рѣшимостію выносить всякия трудности и лишенія,—встрѣчать смѣло всякия препятствія, разстаться съ комфортомъ кабинетнымъ и подружиться съ комфортомъ тайги, имѣющимъ также свою прелестъ: — пылающій костеръ вмѣсто камина, вѣковой пень, или сваленное бурею дерево, вмѣсто туровскаго кресла; если, словомъ, вы способны вынести въ теченіи дней, а въ розыскахъ въ теченіи недѣль и мѣсяцевъ, верховую Ѣзду (впрочемъ, нынче есть уже пріиски, на которые можно проѣхать чуть-чуть не въ каретѣ), не разбирая погоды, черезъ горы и лѣса, болота и горные потоки; если, при томъ, не боитесь отдать себя на съѣденіе миriadамъ насѣкомыхъ, особенно сибирской мошки, этого истиннаго бича божія; если не боитесь встрѣчи съ господи-номъ Таптыгинымъ, какъ величаютъ сибиряки своего земляка медвѣдя,—то садитесь на сно-

сливаго бойкаго коня съ твердою ногой и быстрою ступью, и поѣдемъ вмѣстѣ. Все это можете вы замѣнить, разумѣется въ нѣкоторой только весьма слабой степени, рѣшимостію слушать терпѣливо мой довольно длинный разсказъ. Впередъ же! я покажу вамъ этотъ дикий и суровый, но чудный край.

И такъ, переправились черезъ быстрый, широкій Енисей или другую рѣку, — на коня! и вотъ она завѣтная, безмолвная тайга, столь полная какой-то особенной прелести для каждого истиннаго сибиряка; полная какого-то таинственнаго шопота вѣковыхъ лѣсовъ и потрясающаго душу рева потоковъ, посреди скаль и сдавленныхъ ущелій. Переваливаешь черезъ высокіе хребты, ъдешъ кедровыми и лиственничными лѣсами; взираешься и поднимаешься по крутымъ подъемамъ и спускамъ, такимъ иногда крутымъ, что духъ захватываетъ, какъ взглянешь внизъ; ъдешь тропой, пробитой по

косогорамъ и кручамъ, на краю пропастей, гдѣ невѣрный шагъ коня, вырвавшійся изъ подъ копыта, не выдержавъ напора, камень — и къ чорту и конь и всадникъ! Їдешь черезъ болота, въ которыхъ лошадь тонеть по брюхо въ тинистой грязи; переправляешься въ бродъ, а, случается, и вплавь, черезъ бѣшеные горные потоки, иногда сбивающіе съ ногъ выочныхъ коней; скакешь черезъ деревья, поваленные бурей, лѣснымъ пожаромъ или свалившіяся просто отъ старости; подвергаешься всѣмъ прихватамъ таѣжной погоды, то ливню, грозѣ съ частыми ударами молніи, расщепливающими столѣтніе кедры, съ раскатами грома, потрясающими окрестность и гуломъ отдающимися по горамъ и ущельямъ; или, наконецъ, мелкому дождю, хуже всякой грозы и хуже всякого ливня, который частить непереставая цѣлыя недѣли, а иногда и мѣсяцы, проникая до костей.

Повторяю, можно проѣхать на колесахъ на

нѣкоторые пріиски, напримѣръ къ группѣ пріисковъ Южной системы Енисейскаго округа и можно проѣхать безъ особыхъ затрудненій даже на славящіеся богатствомъ пріиски Сѣверной системы, гдѣ десятки ихъ сгруппировались на самомъ незначительномъ пространствѣ, на какойнибудь сотнѣ или двухъ верстъ, и притомъ съ такимъ громаднымъ развитіемъ работъ, что стоило устроить и поддерживать, съ большими расходами, нѣсколько очень порядочныхъ дорогъ. Но все это явилось очень недавно, а прежде, да и теперь, гдѣ пріиски стоять одиноко, какъ оазисы въ африканской пустынѣ, гдѣ вообще не стоитъ устраиватъ прочныхъ дорогъ, или не устроены онѣ по недостатку капитала, соображенія, риска или другимъ причинамъ, тамъ надоѣхать верхомъ, подвергаясь всѣмъ трудностямъ и вкушая всѣ прелести таѣжнаго пути.

Ѣдешъ съ ранней зари и до поздняго ве-

чера. Въ полдень привалъ, располагаешься обѣдать гдѣ нибудь подъ кедромъ. Къ вечерней зарѣ усталые, дымящіеся кони, всѣ въ поту и мылъ, торопливымъ шагомъ, наостривъ уши, фыркая, храпя и обгоняя другъ друга, подходятъ къ мѣсту ночлега. Въ первый день едва достаетъ силы слѣзть съ сѣдла, сведенныя ноги отказываются служить, кости всѣ ломитъ, члены не разгибаются; на другой день уже далеко легче, а на третій и вовсе привыкаешь.

Сѣдла и вьюки долой. Вечеръ. Солнце садится, озаряя кровавымъ свѣтомъ великолѣпный ландшафтъ. Кругомъ дикіе фантастической формы утесы, выдаваясь то голыми, то яѣсистыми зубьями, башнями и бойницами, рвутъ несущіяся надъ ними то сѣрые, то багровые облака. Поодаль, въ сторонѣ, золотая луна, дрожа на поверхности воды, въ купѣ съ миріадами звѣздъ, купаетъ свои блестящіе рога въ потокѣ, гдѣ онъ, послѣ рѣяныхъ, безум-

ныхъ прыжковъ, вырвавшись наконецъ изъ ущелья и раздавшись въ широкій плесь, тихо и плавно катить мутную воду, лишь длиною полосою пѣны напоминая о бѣшенствѣ своемъ за полверсты.

На крутомъ обрывистомъ берегу потока, бунтующаго внизу по валунамъ и переборамъ, то ниспадающаго каскадами, то вращающагося въ быстромъ, ревущемъ, бросающемъ облако брызгъ водоворотѣ, — подъ густымъ, приникшемъ къ землѣ раскидистыми вѣтвями кедромъ, — торопятся развести костеръ, бросая въ него смолистыя вѣтви и всякую сушь, какая попадетъ подъ руку. Медвѣжью шкуру, или персидскій, а за неимѣніемъ персидскаго, тюменскій коверъ разстилаютъ поверхъ высокой травы и торчащихъ камней. Походный, закоптѣлый чайникъ виситъ надъ пламенемъ костра; удалось подстрѣлить дикаго гуся, утку, бекаса, дупеля—сейчасъ же на вертелъ, тутъ же сдѣ-

ланый ножемъ; неудалось—чай, кусокъ ростбифу, бутылка рому, шампанскаго; спирту — конюхамъ, и потомъ сѣдло подъ голову, пыжовую доху (*) сверху и засыпаешь богатырскимъ сномъ, какой исходитъ лишь на человѣка, проѣхавшаго часовъ пятнадцать верхомъ по трудной таѣжной дорогѣ. Грезишь разными грёзами про золото въ фунтъ содерjanія, про дворцы въ Большой Морской, про Парижъ и Лондонъ и разныя другія прелести далекаго міра, открывающіяся на горизонтѣ за фунтовымъ содерjanіемъ золота и каторжной, преисполненnoй неудачъ и разныхъ треволненій работой вѣсколькихъ лѣтъ. Засыпаешь подъ музыку боталовъ и колокольцевъ, мотающихся на шеяхъ стреноженныхъ коней, подъ ржаніе жеребцовъ и дикій, рѣзкій крикъ кабарги. Лошади тутъ же, спасаясь отъ мошки, уtkнули свои морды въ дымъ костра.

(*) Доха — родъ шубы, перстью вверхъ.

Съ ранней зарей, когда чутъ чутъ брезжащіе лучи солнца едва проникаютъ облака густаго, прохватывающаго сыростію насквозь до костей тумана, — вьючать коней; въ дорогу, и опять также исторія! Дикая, трудная, но чудная жизнь, не лишенная своеобразной поэзіи; полная энергіи и какой-то особенной прелести. Одно скверно: мошка одолѣваетъ, особенно съ непривычки; лѣзетъ и въ ротъ и въ носъ и въ глаза; не дастъ чаю порядкомъ напиться; возмешъ стаканъ подъ волосянную сѣтку, накинутую на голову — и то не помогаетъ: заберется и туда «будь она проклята, гнусъ!» какъ выражаются сибиряки. Закаленные таёжники конюха пренебрегаютъ сѣткой и спасаются отъ мошки, вымазавъ руки и лицѣ дегтемъ; средство, какъ видитъ читатель, не очень пріятное.

Тдешъ иногда черезъ пріискъ, брошенный по бѣдности содержанія, или гнѣздовитости золота, или за совершенною выработкою. Груст-

ное, тяжелое впечатлѣніе производятъ эти брошенныя, разваливающіяся зданія и машины, валяющіеся куски желѣза, инструментовъ, колесь, тачекъ, обвалившіяся канавы, заросшій дикой травой разрѣзъ, гдѣ кипѣла работа; весь этотъ брошенный городъ, покрытый сжимающимъ сердце безмолвіемъ тайги, вмѣсто прежнихъ криковъ, бѣготни, стука, грохота и веселыхъ пѣсенъ. И думается — гдѣ-то ты, хозяинъ? урвалъ ли тутъ миллионъ, воздвигъ палаты гдѣ нибудь на Невскомъ и потѣшаешь публику, опаивая и окормливая французскими произведеніями всякую сволочь и выкидывая разныя нелѣпѣйшія штуки, какія откалывалъ въ свое время еще неопамятошійся отъ барышей цаловальникъ, или, положивъ тутъ рубашку и хлѣбъ твоихъ дѣтей и пустивъ по миру десятокъ-другой кредиторовъ, сидишъ за желѣзной рѣшеткой, или въ канцеляріи и пописываешь разныя предписанія? и защитила тебя отъ тюрь-

мы и всякаго купецкаго напастья общая мать
наша дворянская служба, и вычитаютъ изъ тво-
его жалованья по два съ полтиной въ годъ на
удовлетвореніе долговъ; или иначе рѣшился ты
расчитаться съ кредиторами, пустивъ себѣ пу-
лю въ лобъ или перерѣзавъ горло острою
бритвой?

Изрѣдка попадаются «зимовья, » т. е. избуш-
ки, сложенные для отдыха или складовъ, гдѣ
нибудь на берегу рѣки или ручья.

Разъ, сойдя съ лошади и войдя въ одно та-
кое зимовье въ Канскої тайгѣ, я увидѣлъ тамъ
свѣжую шкуру медвѣдя и прикащица, уѣхав-
шаго съ пріиска днемъ раньше меня. Приказ-
чикъ лежалъ на печи, трясясь какъ въ лихо-
радкѣ и былъ въ такомъ испугѣ, что не могъ
говорить. Старикъ зимовщикъ, по фамиліи Сѣ-
дыхъ, объяснилъ:

«Утрясь пошелъ я къ рѣчкѣ умыться; глядѣ-
а на той сторонѣ Михайла Иваныча страш-

нѣющій. Я — Николай Григорьевичу; а они ухвати винтовку, да словно бѣлены обѣлись — на берегъ. Таптыгинъ переправься, да прямо на нихъ; а они приложились, да какъ хватаютъ! звѣрь и ноги кверху. Да вотъ съ самой съ той поры и трясетъ ихъ, опомниться не могутъ.»

Какъ взглянулъ я потомъ на пятицѣлковую винтовку, съ замкомъ привязаннымъ веревочкой, да на ободранная мускулистая лапы лежавшаго на берегу звѣря, да какъ вообразилъ хрустъ человѣческихъ костей отъ мощныхъ объятій этихъ лапъ, такъ и не удивлялся, что Николай Григорьевичъ не могъ долго опомниться.

— За чѣмъ же лѣзъ, если трусишъ? спросилъ я его.

— Богъ его знаетъ, Владимира Дмитричъ; какъ Сѣдыхъ крикнулъ — медвѣдь! ну такъ весь и затрясся, всѣ жилки даже заговорили, кровь прилила; самъ ничего не вижу, въ глазахъ темень, въ ушахъ шумъ, ухватилъ ружье, да и

побѣгъ, а самъ отродясь и не стрѣливалъ! а ужь потомъ когда убилъ — и Богъ его знаетъ, какъ потрафилъ: должно, Господь пулю донесъ — вдругъ вздумалось: ну, а кабы промахъ? какъ пришла мнѣ эта самая мысль въ голову, волосы торчъмя такъ и встали, да вотъ все и думается — смерть.

Въ то время какъ мы, стоя на берегу и глядя на ободраннаго медвѣдя, разсуждали такимъ образомъ, а я не могъ объяснить себѣ — какимъ образомъ человѣкъ можетъ испугаться уже минувшей опасности, — вдругъ слухъ нашъ поразили страшные вопли. Мы оглянулись: изъ устья Пезо вынесло на Канъ двухъ человѣкъ на плотикѣ изъ четырехъ или пяти бревешекъ. Люди стояли на колѣнахъ, плотишко ходилъ ходуномъ на мутныхъ волнахъ Кана. Протягивая къ намъ руки, они вопили:

— Спасите! батюшки, спасите!... батюшки, отцы родные, кормильцы!

— Наши! крикнулъ прикащикъ; Оська Непомнящій и Ванька Неизвѣстный. Такъ я и зналъ!... говорилъ Степанъ Иванычу, что удерутъ безпремѣнно; говорилъ, чтобъ ихъ шельмовъ.... Вотъ и удрали, прибавилъ онъ съ огорченіемъ. Но вдругъ онъ ожиль и заметался на берегу:

— Сѣыхъ, лови варнаковъ!... давай лодку!...

— Что вы, Николай Григорьевичъ, отвѣчалъ зимовщикъ, бѣлены что-ли обѣлисъ?... чего тутъ дѣлать?... ишь быстрядь какая: — такъ и рветъ и мечеть, а вы ловить! да и лодченка самая плевая.

Да и неохотникъ былъ Сѣыхъ ловить своего брата бѣглаго рабочаго.

Власть управляющаго пріискомъ велика для лица неофиціального; иначе и быть не можетъ при удаленіи отъ полиціи и ничтожныхъ средствахъ, представляемыхъ для ра-

справы нѣсколькими козаками. Но рабочіе, если имъ приходится плохо отъ управляющаго, умѣютъ противупоставить ему наилѣйтѣльнѣйшую оппозицію въ побѣгѣ съ пріиска.

По окончаніи работъ, поужинавши, рабочій уходитъ на ночлегъ въ избушку, откуда до лѣсу — рукой подать, а тамъ и слѣдъ простылъ, лучше и не посытай въ погоню, только напрасная трата времени: и на сѣверъ, и на югъ, и на западъ и на востокъ, вездѣ дорога, а тайгу не обшаришь! Понятно, какой страшный убытокъ наносятъ побѣги промышленнику, когда капиталъ уже затраченъ, машины построены, припасы, инструменты, все, до гвоздя и шампанского, завезено на пріискъ; лошади — тутъ; а руки нѣть и взять ихъ негдѣ.

Весь отлично устроенный, тонко расчитанный механизмъ пріисковаго хозяйства если не-

останавливается вовсе, то разстраивается, задерживается. Потому-то съ рабочими, за немногими исключеніями, обращаются весьма хорошо. Тутъ, конечно, не филантропія, а просто коммерческій расчетъ, который, какъ известно, всегда оказывается надежнѣе филантропіи.

Побѣги сильны въ первой половинѣ лѣта, когда рабочій еще не отработалъ денегъ, забранныхъ въ задатокъ; когда онъ состоить еще въ долгу золотопромышленнику. Принимались разныя мѣры противъ задолженія рабочихъ; напримѣръ, обязывали золотопромышленниковъ не выдавать рабочему задатку болѣе семи рублей и т. п. изобрѣтенія казенаго воображенія, нисколько не препятствуя выдавать задатку, вмѣсто семи, семьдесятъ и даже болѣе рублей. Гнетъ обстоятельствъ всегда сильнѣе чиновничьяго генія и законъ умѣютъ обходить, если нельзя иначе.

А какъ сдѣлаете вы иначе, если и мнѣ и ста другимъ нужны рабочіе и всякий наперерывъ передъ другимъ старается заманить ихъ къ себѣ?

Побѣги рѣдки весною, когда обнаженный лѣсъ и еще покрытыя снѣгомъ горы не даютъ надежнаго убѣжища бродягѣ, а скованныя льдомъ рѣки не помогаютъ бѣгству; тогда легко настичь бѣглаго на лыжахъ, да и видно кругомъ, слѣдъ остается, а по снѣгу, безъ дороги, безъ лыжъ далеко не уйдешь.

Побѣги почти вовсе прекращаются во второй половинѣ лѣта; тутъ бѣжать ужъ не расчетъ; бѣжитъ развѣ какой шальной, или такой, которому бродяжество слаше меду; — которому оно, вслѣдствіе долголѣтней привычки, вошло въ плоть и кровь. Душно такому господину даже и въ вольной тайгѣ, даже и подъ коммерческою властію; бѣжитъ еще иногда и такой, который по болѣзни или другимъ причинамъ не успѣлъ отработать долга.

Во второй половинѣ лѣта большинство рабочихъ уже отработали не только задатокъ, полученный при наёмкѣ, но и заборъ одежды, табаку, чаю и проч. и следовательно рабочій видитъ заманчивое полученіе денегъ на руки къ 10 сентябрю, когда кончаются работы на всѣхъ пріискахъ. Одно время мѣстное начальство, заботясь о томъ, чтобы рабочіе изъ ссыльныхъ не прошивали заработанныхъ денегъ, тотчасъ же по выходѣ съ пріисковъ въ жилыя мѣста, — распорядилось было, чтобы золотопромышленные конторы денегъ рабочимъ на руки не выдавали, а отсылали бы ихъ въ волостныя правленія. Само собою разумѣется, что золотопромышленники сдѣлали все возможное, чтобы уклониться отъ исполненія такого распорядка; да оно и понятно: побѣги съ пріисковъ развились бы въ громадные размѣры, еслибы рабочій зналъ, что самъ денегъ не получитъ, а какъ то тамъ черезъ посредство,

заботящагося о его нравственности, волостнаго писаря. Впрочемъ, надо сказать правду, побѣги все-таки наносятъ весьма чувствительный вредъ золотому промыслу, но весьма трудно придумать какія либо дѣйствительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ сообразныя съ духомъ нашего времени мѣры для ихъ прекращенія.

Здѣсь будетъ, быть можетъ, кстати сказать нѣсколько словъ о побѣгахъ съ казенныхъ заводовъ каторжныхъ, которымъ денегъ за работу не платятъ. Люди эти бѣгутъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ, съ заводовъ Нерчинскаго, Петровскаго и другихъ. Меня увѣряли, что бѣглые каторжные ухитряются переплыть Байкалъ, который только въ географіи называется озеромъ, а въ народѣ слыветь — и весьма справедливо, по своимъ бурнымъ качествамъ — моремъ; переплываютъ его на украденныхъ лодченкахъ и даже на плотикахъ, и, разумѣется, гибнутъ десятками.

Между забайкальскими каторжными ходить трогательное повѣrie о томъ, что на берегу Байкала пасется какой-то благодѣтельный пѣгій быкъ, который всегда ожидаетъ бѣглыхъ и переправляетъ ихъ на своеи хребтѣ черезъ бурное море. Быть можетъ болѣе столѣтія истекло съ тѣхъ поръ, какъ пущено въ ходъ преданіе, а добрый быкъ все еще живеть и въ зимніе, долгіе и томительные вечера, утѣшаетъ чающихъ весны — поры побѣговъ.

Весною бѣглецы, которымъ такъ или иначе, на плоту, или на пѣгомъ быкѣ, посчастливились переплыть Байкалъ, проходять черезъ всю Сибирь по главному Иркутскому тракту, заходя въ деревни и села, гдѣ ихъ не только не ловятъ, но называя несчастнѣкими, кормятъ и одѣляютъ старымъ платьемъ; а когда въ рабочую пору весь народъ уходитъ въ поле, оставляютъ пищу бродягамъ подъ окнами; и бродяга не войдетъ въ домъ и не тронетъ ничего, кромѣ

выставленной пищи. Расчетъ съ обѣихъ сто-
ронъ: одни боятся поджога, а другіе — погони
и задержки въ пути къ далекой цѣли. Полиція
тоже мало обращаетъ вниманія на бѣглыхъ ка-
торжныхъ, развѣ случатся воровство, убийство,
грабежъ, совершенныя по большей части вовсе
не каторжными, а засѣдатели (становые) усерд-
ствуютъ по своему похвальному обыкновенію
забирать и засаживать всякого попавшагося на
глаза, если случилось «происшествіе.» Въ та-
комъ случаѣ дѣлаютъ облаву и каторжныхъ,
какъ звѣрей, выгоняютъ изъ кустовъ, хлѣбовъ,
роща и прочихъ убѣжищъ и забираютъ десятка-
ми. Въ острогъ, и пошло дѣло гулять по судамъ.

Мнѣ случалось очень часто разговаривать съ
бѣглыми каторжными, проходившими черезъ
мою пріисковую резиденцію (*) партіями чело-

(*) Резиденція — складъ припасовъ и товаровъ, мѣсто зимняго
жительства управляющаго, конторы, вообще пристанище въ ближай-
шемъ отъ пріиска жиломъ мѣстѣ. Моя пріисковая резиденція была

вѣкъ въ 15—20. На вопросъ: куда же вы идете? каторжные, изъ десяти девять отвѣчали:— въ Бухарію, черезъ Киргизію.

въ Покровской заимкѣ знаменитаго таѣжнаго Наполеона Г. Ф. Мошарова, котораго можно считать истиннымъ типомъ золотопромышленника первого периода. Я платилъ что-то 400—500 рублей въ годъ за огромный домище, съ стеклянными галереями, съ крытыми ходами и т. п. барскими затѣями. Самъ стариkъ, бросавшій еще недавно десятки тысячъ и угощавшій въ этихъ самыхъ пала-тахъ всякую братію, чающую водки, шампанского и золота, помѣщался при мнѣ во флигелькѣ! Часто по вечерамъ, приходилъ онъ ко мнѣ и, сѣвъ на ступени балконной лѣстницы, наводилъ грусть рассказами о падшемъ величіи. Вотъ тутъ училище предполагалось для крестьянскихъ мальчишекъ; а тамъ церковь каменная на диво Томскому архіерею и всему окружающему населенію; а тутъ вотъ оранжереи съ ананасами и камеліями, дальше какая-то невѣроятная фабрика, чуть ли не венецейскаго барха-ту..... слезы дрожали на его длинныхъ рѣсницахъ и слышались въ грубомъ голосѣ; но юношескимъ огнемъ загорались его сѣрые гла-за и страсть оживляла его суровыя, рѣзкія черты, когда съ энер-гическими жестами, божбами и проклятіями, начиналъ онъ пере-сказывать свои таѣжные походы.

— Связанъ, заперли, будь они прокляты! заканчивалъ онъ, ма-нувъ рукой.

— А знаете вы -- гдѣ Бухара и что тамъ такое?

— А Богъ его знаетъ, батюшка; такъ ужъ изъ поконъ вѣку все нашъ народъ идетъ въ Бухарію, а знать не знаемъ. Васька Безноз-дрый, говорятъ, былъ; — сказывалъ — хорошо. Наши вишъ все въ генералы попадаютъ; ихній-то народъ, сказываютъ, все ледяющій, нехит-ростный.

— Ну ладно, положимъ; да вѣдь рѣдкій же изъ васъ попадетъ туда; девять десятыхъ попа-дутся, передерутъ плетьми и назадъ въ каторгу.

— Это точно такъ, передерутъ безпремѣнно.

— Такъ чего же васъ тянетъ?

— А Господь его знаетъ, ваше благородіе; какъ дхнетъ на тебя весной, пойдетъ трава-мурава, пахнетъ тебѣ лѣсомъ зеленымъ.... та-кая духота на сердцѣ станетъ, на душѣ такое сдѣлается!... ну и дашъ тягу; а это точно, плетей не миновать.

Не далъе, какъ черезъ два днѧ, мой собѣдникъ былъ пойманъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, и посаженъ въ тюрьму. Я поѣхалъ взглянуть на него: куда дѣвалась словоохотливость! совсѣмъ сталъ другой человѣкъ: въ цѣпяхъ смотрѣлъ онъ звѣремъ изъ подлобья и не хотѣлъ узнать меня.

Въ старые годы, не очень впрочемъ старые, матушка Волга, удалая бурлацкая артель, принимали бѣглаго каторжнаго въ свои широкія объятія. Теперь — не то: пароходы, цивилизация, плохо уживающаѧ съ дикой волей, стерли историческую удаль Волги и заставили бѣглаго каторжнаго искать мѣста по дичѣ; и пошли въ Бухару черезъ степь Киргизскую.... Впрочемъ, не только до Бухары, но даже и до Киргизской степи добраться удается рѣдкому, развѣ добудетъ фальшивый паспортъ, или, разжившись деньжонками, припишется, чрезъ посредство волостного или сельского писаря, въ

какую нибудь деревню, на мѣсто умершаго общественника, который и продолжаетъ такимъ образомъ свое земное странствіе, въ образѣ бродяги; а двойникъ шляется по пріискамъ, не показываясь, разумѣется, въ деревню и выписывая видъ черезъ почту, пока неудастся уйти за границу.

Быть можетъ читатель спросить — почему же забайкальскіе каторжные не бѣгутъ черезъ Амуръ въ Америку? Я убѣжденъ, что теперь они пустятся этою дорогой, а прежде тамъ вѣдь не было ни «Бухаріи,» ни «Киргизіи,» а были только китайскіе монголы, стрѣлявшіе по нашимъ бѣглецамъ, какъ по звѣрю; да къ тому же и кормиться было нечѣмъ, съ голоду помрешъ; а теперь, по всему Амуру есть наши, которые и напоять, и накормить и благословятъ на дорогу.

Препятствія и трудности пути велики: вѣдь надо пройти насквозь всю Сибирь, и пройти въ

одно лѣто; настала зима, и каторжному приходится самому отдаваться въ руки полиціи, потому что пріютиться зимой негдѣ. Въ старые годы, т. е. въ дозолотопромышенные еще годы, нѣкоторые изъ старожиловъ сибиряковъ выходили на бродягъ, какъ на звѣря, съ винтовкой и острымъ ножемъ; убивали ихъ, чтобы покорыстоваться обрывками ихъ жалкой одежды. Это былъ промыселъ своего рода.

Мнѣ рассказывали страшную участь, постигшую одного изъ такихъ охотниковъ на человѣка. Онъ поселился въ ущельи, чрезъ которое пролегала обыкновенно дорога бѣглыхъ каторжныхъ; выстроилъ избушку съ бойницами и будучи хорошимъ стрѣлкомъ и запасшись нѣсколькими винтовками, встрѣчалъ бродягъ пулами на большомъ разстояніи. Говорятъ, злодѣй этотъ всегда старался только ранить пулѣй свою жертву, и потомъ мучилъ раненаго, находя въ этихъ мукахъ какое-то звѣрское наслажденіе.

обыкновенно приговаривая: « а!... варнаки — утекать!... начальства ослушиваться, христопрода́вцы! »... И потомъ, натѣшившись вволю, доканчивалъ бродягу. Впрочемъ, не лишалъ ихъ христіанскаго погребенія, съ молитвою и крестомъ зарывая тѣла убіенныхъ.

Нѣсколько лѣтъ продолжалъ онъ свой мирный промыселъ, наконецъ, на заводахъ узнали о немъ отъ возвращенныхъ товарищѣй и поклялись доканать его. Партия бѣглыхъ, человѣкъ пятнадцать, собралась въ вершинѣ ущелья. Ее велъ Кузька Галованъ, мужикъ вершковъ одинадцати, въ плечахъ косая сажень; рожа съ провалившимся носомъ и изрытая оспой. Человѣкъ былъ нрава твердаго, рѣшительнаго и при томъ силачъ, гнувший подковы.

Выборъ мѣста для крѣпостцы показывалъ, въ охотникѣ, способности инженера. Она стояла на вершинѣ холмика; ни кустика, ни прутика, для прикрытия подходившаго; рѣчка опо-

ясывала холмикъ спереди. Пять, шесть чуткихъ собакъ были на сторожѣ, и визгомъ, лаемъ и воемъ предупреждали охотника объ опасности и добычѣ. Видно, дошлый Сибирякъ былъ комендантомъ! Оставивъ партію въ вершинѣ ущелья, Кузька Голованъ отправился на рекогносцировку. Возвратясь, объявилъ товарищамъ немедленный штурмъ.

Все оружіе шайки заключалось въ тупомъ топорѣ, да въ ножѣ. Одинъ изъ товарищей заикнулся было, что «народу перестрѣляетъ много; лучше бы обгодить на ночь», но Кузька такъ взглянулъ на него, что у оратора душа ушла въ пятки, а атаманъ спокойно сказалъ:

— Нельзя на ночь откладывать; можетъ домой уйдеть собака, да и не воротится; тогда пиши пропало! да и припасу вовсе нѣту, не жить же здѣсь мѣсяцъ; а до Киргизіи еще 3671 верста. Маршъ за мной! впередъ, ребята! не выдавай!

Шайка бросилась бѣгомъ, въ разсыпную, въ рѣчкѣ. Выстрѣль, другой, третій.... пять! Четверо убито на повалъ.... но Кузька Головень, съ раздробленнымъ лѣвымъ плечомъ, размахивая топоромъ въ правой рукѣ, уже перебрался черезъ рѣчку и кричитъ: « впередъ, ура!... наша взяла!... съ нами крестная сила! »

Охотникъ былъ взятъ живой, успѣвши переранить еще нѣсколько человѣкъ ножемъ и прикладомъ винтовки. Онъ подвергся страшнымъ истязаніямъ: говорятъ, ему ломали кости на рукахъ и ногахъ, но суровый Сибирякъ не испустилъ ни одного крика, ни одного стона, а только приговаривалъ: « варнаки, каторжники, христопродавцы!.. бѣгать вы мастера, а работать васъ нѣтъ, разбойники. »

Ему забивали деревянные гвоздики подъ ногти, содрали кожу, когда онъ еще дышалъ, и потомъ бросили на пылавшій костеръ, при звѣрскомъ хохотѣ и прибауткахъ бродягъ.

Не ручаюсь, разумѣется, за справедливость этого рассказа, но слышалъ его въ Енисейской губерніи отъ семидесятипятилѣтняго старика, бывшаго каторжнаго и потомъ выпущенаго на поселеніе. Нѣчто въ этомъ же родѣ рассказы-вали мнѣ въ большомъ Нерчинскомъ заводѣ.

Въ старые годы побѣги каторжныхъ съ завodовъ были очень выгодны, ибо попавшійся бѣглецъ, если успѣлъ вытравить клейма, показывался не помнящимъ ни имяни, ни отечества, ни рода, ни племени, и за тѣмъ его ссылали на поселеніе; нынѣ же 1217 ст. уложенія о наказаніяхъ гласитъ: «бродяга, называющій себя непомнящимъ, назначается въ солдаты, если годенъ, или въ арестантскія роты отъ 10 до 12 лѣтъ.»

Вследствіе этого-то обстоятельства, нынѣ бродяги, пойманные полиціей, и тѣ изъ нихъ, которые вынуждены сами отдаваться въ руки власти, когда обнаженные лѣса, выпавшій снѣгъ

и морозы мѣшаютъ имъ достичнуть теплой «Киргизіи», — вынуждены прибѣгать къ другой тактикѣ. Приводятъ бѣлага каторжнаго къ допросу и между нимъ и чиновникомъ начинается — послѣ обычныхъ распросовъ объ имени, отечествѣ, исповѣди и святомъ причастіи — слѣдующій оригинальный разговоръ:

ЧИНОВНИКЪ.

Ну ты, конечно, непомнящій?

КАТОРЖНЫЙ.

Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; пустой только разговоръ; какъ себя не помнить? пустяки только болтаютъ шельмецы. А есть я Иванъ Петровъ сынъ, Кулебакинъ, помѣщицій крѣпостной, помѣщика Петра Федоровича Кондырева дворовый человѣкъ, Херсонской губерніи, а уѣздъ Тираспольскій.

ЧИНОВНИКЪ.

Врешь ты, такой сякой немазаный!

КАТОРЖНЫЙ.

Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; мнѣ зачѣмъ же вратъ? вѣдь справку навести можно.

ЧИНОВНИКЪ (*по молодости и неопытности надѣется сбить съ толку допрашиваемаго*).

Ну а жена у него есть?

КАТОРЖНЫЙ.

И жена есть, Лизавета Ивановна, бѣлолицая такая; кровь съ молокомъ. И дѣтки тоже есть, Ваничка десяти лѣтъ, Петрушинька....

ЧИНОВНИКЪ.

Ну ладно.

Запираютъ каторжнаго въ острогъ, а чиновникъ, хотя и искренно убѣжденъ, что вся эта исторія — чистая выдумка, пишеть, дѣлать нечего, отношеніе.

По справкѣ оказывается, что Елизавета Ивановна точно есть, да только не Кондырева, а Перфильева; помѣщица же Кондырева въ Тираспольскомъ уѣздѣ вовсе не обрѣтается, а между

тѣмъ въ перепискѣ прошелъ чуть не цѣлый годъ.

Опять разговоръ:

чиновникъ (*подпершиесь обѣими руками и покачивая головой.*)

Бестія ты, бестія!... никакого Кондырева вовсе и не бывало; совралъ ты, подлая рожа!

КАТОРЖНЫЙ.

Точно такъ, ваше благородіе, совралъ.

чиновникъ.

Изъ какого же ты завода, ракалія?

КАТОРЖНЫЙ.

На изъ какого я завода, а есть я мѣщанинъ города Баки на Кавкаси.

Опять въ острогъ, и опять переписка на годъ. Иногда, впрочемъ, декорациі мѣняются, если наскочить на *опытнаго* чиновника, который познакомить допрашиваемаго и съ селкой и съ розгами и съ прочими средствами

допытаться истины. Впрочемъ, это случается рѣдко, ибо допрашиваемый на этотъ разъ ничего не укралъ и никого не убилъ, а потому чиновникъ и не лѣзетъ изъ кожи, чтобы отличиться открытиемъ преступленія, и оставляетъ каторжнаго спокойно сидѣть въ острогѣ. Правда, переписка увеличилась, ну, да вѣдь безъ нее все равно не обойдешся.

А между тѣмъ каторжный уже обжился въ острогѣ и пріобрѣлъ авторитетъ между острожной публикой, его всѣ знаютъ, его величаютъ Иванъ Петровичемъ, съ нимъ совѣтуются, когда надо идти на допросъ. Онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ острожною прислугой и даже ему позволяетъ попотчивать табачкомъ гарнизоннаго унтеръ-офицера, а по вечерамъ занимаетъ онъ внимательную аудиторію рассказами о Байкальскомъ пѣгомъ быкѣ, на спинѣ кото-раго переплылъ самолично; или преданіемъ о какомъ нибудь сказочномъ герое съ рваными

поздрями, который былъ прикованъ ъ стѣнѣ
семью цѣпями и заперть семью замками, но
досталъ разорви-траву и размыкай-листокъ,
ушелъ съ завода и сдѣлался атаманомъ гроз-
ной шайки, грабившей кяхтинскихъ купцевъ,
или завелъ въ горахъ, въ пещерѣ, надъ рѣкой
фабрику фальшивыхъ ассигнацій и паспортовъ,
и снабжаетъ ими бѣглую братію, для прохода
въ Киргизію; наконецъ, бѣжитъ снова, улучивъ
удобную минуту, или до того надѣсть ему
острожная жизнь, что рѣшается онъ принять
плети и отправиться въ свой заводъ, съ намѣ-
реніемъ бѣжать при первомъ же удобномъ слу-
чаѣ. Вотъ и извольте дознаваться истины при
слѣдствії! извольте собрать требуемыя зако-
номъ доказательства!

Убѣжденія священника, при открытыхъ дверяхъ, разная обстановка для того, чтобы по-
дѣйствовать на совѣсть допрашиваемаго; самыя
явныя улики, вся ловкость слѣдователя —

тщетны, жалки, часто смѣшны съ людьми бойкими, знающими законы, характера твердаго и рѣшительнаго, для которыхъ всякий острогъ сталъ родиной. Что станете вы дѣлать съ человѣкомъ, который, видя, что начинаетъ путьтаться въ отвѣтахъ, останавливаетъ слѣдователя такими, напримѣръ, словами:

— Вы, ваше благородіе, дѣлаете пристрастный допросъ.

— Какъ?

— Да какъ же, ваше благородіе, сами знаете: насѣли на меня — отвѣчай, да отвѣчай!... опомниться не дадите; вѣдь тоже, поди, полѣтода, больше прошло; запамятовалъ маленько; видите — въ дряхлость прихожу, болѣзнями одержимъ. — Да и не отвѣчаетъ ни слова, пока не сообразить до нитки всего предыдущаго со всѣмъ послѣдующимъ.

Однакожъ, возвратимся на Канъ, на берегу котораго лежитъ ободранный трупъ мед-

вѣдя и по которому несло на плотикѣ бѣжавшихъ съ моего пріиска рабочихъ. Не только ловить, но и спасти ихъ мы не могли: Канъ несется въ этомъ мѣстѣ съ страшною быстротою; плотикѣ съ рабочими только промелькнуль передъ нашими глазами и скрылся за крутымъ поворотомъ рѣки. Впрочемъ, люди выплыли благополучно въ жилыя мѣста и одинъ изъ нихъ мѣсяца черезъ три безъ всякой церемоніи явился ко мнѣ въ резиденцію, ванялся снова и былъ очень хорошимъ конюхомъ.

Что касается до медвѣдей, то ихъ множество въ Канскої, да и вообще въ Сибирской тайгѣ. Помню, что осенью, во время Крымской войны, звѣрь былъ особенно лютъ. Въ городѣ Канске убили медвѣдя на улицѣ; другой забрался въ ограду Красноярского городского кладбища и тамъ палъ подъ ударами солдатъ; въ деревни звѣрь являлся очень часто и, наконецъ, остервенелъ до того, что нападалъ

на людей. Простой народъ объяснялъ эти явленія, какъ знаменіе Божіе, предвѣщавшее бѣдствія войны; мы же, доискивающіеся всему естественныхъ причинъ, утверждали, что медведю лѣтомъ былъ плохой ловъ, отчего онъ сдѣлался сердитъ, долго не ложился въ берлогу и шатался по деревнямъ, въ надеждѣ погужинать передъ зимнимъ сномъ.

Въ туже осень была и у меня встрѣча съ этимъ звѣремъ какой не дай Богъ ни другу, ни недругу. Во второй половинѣ сентября 1855 года ѿхалъ я съ пріиска. По гольцамъ уже лежалъ глубокій снѣгъ. Спустившись съ гольцевъ, перѣхавъ Туманжу, взобравшись на высокую Агульскую гору и потомъ спустившись ея девятиверстнымъ спускомъ къ Агулу, я перѣхалъ его въ бродъ и, приподнявшись въ польгоры праваго его берега, поѣхалъ внизъ по теченію къ Пезо. Тропа извидалась въ крутомъ косогорѣ, пролегая по глухой, темной

тайгъ; кедръ, сосна, пихта, ель стояли кругомъ высокою стѣною и накрывали все пространство темною шапкою раскидистыхъ вѣтвей; свѣтъ едва пробивался черезъ этотъ густой покровъ. Кошки скребли у меня на сердцѣ: работы кончены, промывка золота зашабашена, а по счетамъ оказывались только убытки. Цѣлый годъ счетовъ, расчетовъ, соображеній, мечтаній, труда, нетерпѣливаго, страстнаго ожиданія — все ушло! Настало роковое 10 сентября ⁽¹⁾, въ банкѣ ⁽²⁾ — наводящая тоску пустота; начинай сначала!

⁽¹⁾ 10 сентября на всѣхъ пріискахъ кончается промывка, хотя вода еще не замерзла. Законъ установилъ этотъ общиій срокъ потому, что были случаи, что рабочіе, отправлявшіеся съ пріисковъ позже, не успѣвали выдти въ жилое мѣсто и гибли въ дорогѣ. Мнѣ кажется, что законъ этотъ могъ бы быть отмѣненъ теперь, когда вездѣ почти устроены хорошия зимовья, т. е. станціи, гдѣ рабочій можетъ переночевать и отдохнуть; а недѣли двѣ лишней промывки могли бы сдѣлать огромную разницу въ пріисковомъ хозяйствѣ.

⁽²⁾ Золото ссыпается въ желѣзнную или мѣдную банку.

Вообразите, читатель, что поставили вы на одну карту все ваше состояніе, все до копѣйки; мало того, закредитовались по горло и вамъ мечутъ одну талію цѣлый годъ! цѣлый годъ вы волнуетесь въ томительномъ ожиданіи; цѣлый годъ карта ваша не выходитъ и вдругъ — убита! Такова участъ золотопромышленника съ гнѣздовою (*) розсыпью. Кромѣ того, дѣло и шло крайне неудачно и ведено было очень дурно: денегъ, муки, овса не хватило; приходилось возить припасы лѣтомъ на вьюкахъ, чрезъ Агульскія топи, черезъ Агульскую гору и Хайдамжинскіе гольцы, 120 верстъ! овесъ обходился до трехъ рублей серебромъ за пудъ. Изнуренные лошади, со сбитыми спинами и

(*) Гнѣздовою розсыпью называется такая, въ которой золото разсыпано не ровно, не постоянно, а залегаетъ гнѣздами, такъ что въ одномъ мѣстечкѣ много, а рядомъ ничего. Развѣдка такой розсыпи требуетъ и значительныхъ средствъ и большой опытности. Въ Канскої тайгѣ такія розсыпи попадаются часто, напротивъ, розсыпи Енисейскаго округа отличаются постоянствомъ.

боками, дохли каждый день. Трупы ихъ, разбросанныя тамъ и сямъ по тропѣ, наводили уныніе, напоминая, на каждомъ шагу, неудачу. Моросиль отвратительный сѣногной. Сверху темный лѣсъ, съ боковъ лѣсъ; вездѣ какая-то наводящая тоску темень; подъ ногами — буйный Агулъ реветь и рветъ каменистые берега.

Сдѣлавъ крутой заворотъ по тропѣ и выѣхавъ изъ-за огромнаго, нависшаго надъ рѣкою камня, я былъ пораженъ зрѣлищемъ дотолѣ мною невиданнымъ: на самой тропѣ, на трупѣ павшей лошади, сидѣлъ огромный медвѣдь. Никогда до тѣхъ поръ не видаль я этого звѣря на свободѣ. Я былъ одинъ, конюхи мои почему-то отстали далеко. Обыкновенно бралъ я съ собою пару хорошихъ пистолетовъ и кинжалъ; на этотъ разъ, какъ на грѣхъ, ничего, кроме нагайки!

Медвѣдь, увидѣвъ меня, бросился бѣжать въ гору. Мнѣ рассказывали, что медвѣдь вооб-

ще — трусь, и что стоитъ только крикнуть, чтобы онъ побѣжалъ безъ оглядки. Я закричалъ. Не знаю отчего — оттого ли, что звѣрь былъ въ ту осень особенно лютъ и свирѣпъ; остерь-венился ли онъ оттого, что я потревожилъ его и согналъ съ лакомаго трупа, къ которому въ ту минуту уже подъѣхалъ, — только звѣрь не только не побѣжалъ далѣе, послѣ моего крика, а напротивъ — вдругъ остановился, посмотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ и потомъ крупною иноходью бросился ко мнѣ съ горы. Подѣ-жавъ на разстояніе двухъ-трехъ сажень, онъ наскочилъ передними лапами на лежавшее на полъ-аршина отъ земли и раздѣлявшее насъ, сваленное бурею дерево. Разинувъ пасть, фыр-кая и храпя, потрясалъ онъ воздухъ своимъ ужаснымъ ревомъ. Такова была магическая сила этого рева, что не только лошадь, на которой я сидѣлъ, но и двѣ вьючныя, шедшія около меня на свободѣ, остановились какъ вкопанныя.

Въ одну секунду пережилъ я нѣсколько лѣтъ; съ быстротою молніи пробѣжали черезъ голову и родимыя Тамбовскія поля и все милое сердцу. Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я и теперь еще помню живо до послѣдняго движенія сердца всѣ ощущенія, пережитыя въ эти немногія минуты. Странное существо человѣкъ! когда прошло первое впечатлѣніе смертельнаго ужаса, съ какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ наслажденія — смѣси страха, любопытства и страсти видѣть трагедію и принимать въ ней участіе — смотрѣлъ я на этого великолѣпнаго звѣря. Кто это выдумалъ называть медвѣдемъ увальня, неповоротливаго пентюха? видно изобрѣтатель этого выраженія видѣлъ только медвѣдей, которыхъ водятъ на цѣпи и заставляютъ плясать или показывать, какъ мальчишки горохъ крадутъ. Ничего общаго не было между подобными медвѣдями и вольнымъ звѣремъ въ темномъ лѣсу, посреди необъятной дикой тайги.

Черный какъ смоль, громадныхъ размѣровъ, лютый и остервенѣлый; ухватившись передними лапами за дерево; вытянувшись въ струну; съ разинутою красною пастью; полный кровожадной страсти; порывающійся поминутно впередъ, черезъ раздѣлявшее нась дерево, но колеблющійся между остервѣніемъ, жаждою человѣческой крови и страхомъ; дрожа каждою жилкою и облизываясь, рвалъ онъ дерево въ куски своими желѣзными когтями и потрясалъ воздухъ своимъ дикимъ, свирѣпымъ ревомъ. Картина!

Когда, опомнившись, подумалъ я о спасеніи, первымъ моимъ движеньемъ было соскочить съ лошади, въ надеждѣ, что медвѣдь бросится сначала на нее и такимъ образомъ дастъ мнѣ время забѣжать за толстое дерево и тамъ, по обычаю сибиряковъ-охотниковъ, выдержать осаду.

Подѣхали конюхи. Одинъ изъ нихъ, Вишнѣ-

вешкій, сосланный полякъ, лихой таёжникъ, сказалъ мнѣ:

— Напрасно слѣзли, Владимиръ Дмитричъ.

— Попробовали бы вы не слѣзть, когда медведь тутъ, а я одинъ и безоружный.

— Не называйте ваше благородіе! крикнулъ другой конюхъ: не любить, а просто — звѣрь, или Михайла Иванычъ, или Таптыгинъ. Богъ съ тобой, иди, иди, мы тебѣ не мѣшаемъ, иди! увѣщевалъ онъ медведя, который однакоже не трогался съ места.

— Садитесь, сказалъ Вишневецкій.

Сталъ садиться, но стоя подъ горой, ниже лошади, не могъ достать ногой стремяни. Конюхъ подалъ мнѣ руку черезъ сѣдло и я вскарабкался кое-какъ; вдругъ сѣдло на бокъ! подпруга лопнула. А звѣрь тутъ въ восьми шагахъ, реветь во всю пасть, плюетъ, фыркаетъ, бросаетъ въ насъ землю и куски дерева и

страстно порывается къ намъ, да только духу не хватаетъ.

Долго держалъ онъ насть, долго, на пространствѣ болѣе версты, преслѣдовалъ горячими атаками, сдерживаемый страхомъ въ рѣшительную минуту и наконецъ отсталъ, но поселился у рѣки и выходилъ на тропу закусывать.

Партія рабочихъ въ пятьдесятъ человѣкъ, проходившая два дня позже, застала медвѣдя на томъ же мѣстѣ; звѣрь остановилъ полъ-сотни людей, и смѣло смотрѣлъ имъ въ глаза. Но они ухитрились, зашли съ боку и стали рубить дерево, чтобы свалить его на медвѣдя. Онъ беспокойнымъ взоромъ слѣдилъ за работой, но когда сосна, подрубленная у корня, закачала вѣтвями, — бросилъ свое блюдо и отошелъ въ сторону.

Прослышавъ о стойкомъ медвѣдѣ сибирякъ охотникъ, крестьянинъ Гладковъ, сухой, жи-

денькій, ростомъ съ небольшимъ двухъ аршинъ, отправился на страшнаго звѣря со своимъ семидесятилѣтнимъ отцемъ. Сдѣлали по выстрѣлу и звѣрь упалъ, но когда Гладковъ подошелъ, чтобы попользоваться его шубой, медвѣдь вдругъ вскочилъ и бросился на охотника. Сибирякъ успѣлъ отскочить и засѣсть за большую сосну; медвѣдь обхватилъ дерево лапами и кружась около него старался поймать одежду охотника. Старикъ отецъ, плохо надѣясь на свою дрожащую отъ старости руку и боясь задѣть пулей сына, не рѣшался стрѣлять. Мѣсто было тундристое, нога охотника провалилась и застяла между корней. Медвѣдь облапилъ его и началъ пожимать. Гладкову пришлось не въ терпѣжъ.

— Бачька, смерть приходитъ; спасай! крикнулъ онъ.

Тогда старикашка, котораго, казалось, можно было убить щелчкомъ, бросился на медвѣдя и *

вонзилъ ему ножъ прямо въ сердце. Звѣрь рявкнулъ и упалъ бездыханный, но передъ смертью успѣлъ схватить старика лапой и швырнулъ его о пень. По счастію пень оказался совершенно сгнившимъ. Гладковъ сыпъ вылежалъ одинадцать мѣсяцевъ на печи, охая и стоная.

Однакожъ, я заболтался, вспоминая еще недавніе походы. Признаюсь, мнѣ нѣсколько разъ приходила въ голову мысль — не слѣдуетъ ли вычеркнуть всю эту болтовню? Но, во первыхъ, наши путешественники по Америкѣ описываютъ же всякую мелочь и ихъ читаютъ съ интересомъ; во вторыхъ, во всѣхъ этихъ, по видимому только до меня лично относящихся мелочахъ, обрисовывается болѣе или менѣе характеръ нѣкоторыхъ сторонъ сибирской жизни. Я не брался и теперь не берусь написать полную картину этой жизни. Я просто рассказываю на память и на досугъ, что осталось въ головѣ,

въ надеждѣ, что эти рассказы могутъ ознакомить читателя хоть немного съ жизнью золотопромышленного люда. Къ тому же мнѣ просто весело писать, вспоминая старое; а кому «не любо, не читай....» Само собою разумѣется, что я и не подумалъ бы издавать въ свѣтъ моихъ замѣтокъ, еслибы существовало полное и систематическое описание золотопромышленности, но — «на безрыбъи и ракъ рыба».

Къ дѣлу, мы ѿдемъ на пріиски. Тdешъ самую дикою мѣстностю; пустыня охватываетъ тебя со всѣхъ сторонъ, по обѣ стороны — горные потоки, горные хребты; иногда, на плоскихъ вершинахъ гольцевъ, попадаются огромной величины камни, представляющіеся настроенному воображенію какими то исполинскими жертвениками, поставленными титанами для своихъ жертвоприношеній. Карагазъ Иванъ, грекороссійской вѣры, но шаманъ, чувствовавший ко мнѣ самую нѣжную дружбу, по случаю

фляжки съ ромомъ, висѣвшей постоянно у меня въ торокахъ, — увѣрялъ, что это дѣйствительно жертвенники, поставленные прежними народами.

— Большой былъ народъ, другъ, большой! больше кедры. А что?... дай водка, дай табакъ, другъ. Хи, хи, хи... хорошъ водка?

Взберешься на самую высокую гору самого высокаго хребта. Не одаренный желѣзною крѣпостію нашихъ закаленныхъ таѣжниковъ, я никогда почти не хаживалъ пѣшкомъ и даже предпочиталъ рисковать шеей, спускаясь съ кручеї, чѣмъ слѣзть съ сѣдла, но къ концу девятиверстнаго крутого Агульскаго подъёма поневолѣ идешъ пѣшкомъ: жаль неизмѣннаго друга коня (¹).

(¹) Кстати о конѣ. Былъ у меня знаменитый конь, уходившій ступью до 8 верстъ въ часъ, и вотъ какъ онъ мнѣ достался: мнѣ нужно было проѣхать на пріиски очень скоро, а потому наканунѣ выѣзда, я велѣлъ отправить пару лошадей на подставу верстъ за тридцать. Самъ я не посмотрѣлъ лошадей, а конюховскій староста вѣроятно позавтракалъ въ ближайшемъ кабакѣ и потому, долго не

Устанешь и разгориша страшно, а тутъ на самой вершинѣ бѣть изъ камней ключъ ледяной воды. Бутылку вина въ воду. Никогда, ниже на самыхъ наимягчайшихъ диванахъ какого-нибудь пале-рояльского Вефура, не пивалъ я шампанскаго съ такимъ наслажденіемъ, какъ на этихъ высяхъ, посреди суровой природы,

думая, поймалъ арканомъ двухъ лошадей изъ табуна, купленнаго за нѣсколько дней у Минусинскихъ скотогоновъ, и отправилъ ихъ на подставу. Когда мы прїхали къ мѣсту и пришлось сѣдлать, то оказалось, что одна лошадь смирна, а съ другой сколько ни бились, а осѣдлать не могли: бѣть и задомъ и передомъ и кромѣ того кусается. Я ѿхалъ вдвоемъ съ моимъ лакеемъ, совершеннымъ Санхо-Пансо, котораго никакимъ образомъ нельзя было посадить на дикаря. Дѣлать нечего, притянули лошадь за шею къ дереву и потомъ другою веревкою подвѣсили заднюю ногу къ шеѣ. Такимъ образомъ удалось осѣдлать; за тѣмъ, когда я сѣлъ, отрѣзали веревки и дикарь мой пустился бить. На пространствѣ 20 верстъ онъ однакожъ уходилъ и пошелъ было отличною, очень покойною ступью. Я пересталъ быть на сторожѣ, но лошадь вдругъ испугалась чего то и шарахнулась въ сторону, а я шлепнулся въ другую. До зимовья оставалось еще верстъ 10, которыхъ моему Санхо-Пансо пришлось пройти пѣшкомъ. Между тѣмъ лошадь, которую прозвали

сидя на обрывкѣ утеса, покрытомъ сѣдымъ мохомъ, вмѣсто ковра. Да и не мудрено! только въ дикой пустынѣ и вслѣдствіе сильнаго контраста оцѣняешь вполнѣ всю прелесть роскоши.

Ученые говорятъ, будто чѣмъ выше, тѣмъ дыханіе становится труднѣе. Мнѣ, напротивъ, дышалось какъ то вольнѣе на этихъ крутыхъ, подоблачныхъ высяхъ Канскої тайги, когда

послѣ Черкесомъ, ушла въ горы, вмѣстѣ съ сѣдломъ и висѣвшими въ торокахъ фляжками. Слишкомъ три мѣсяца прогуляла она тамъ на волѣ, наконецъ къ зимѣ вышла въ жилыя мѣста, была поймана, выѣзжена и вышла отличнымъ таѣжникомъ, и за тѣмъ мы уже не разставались. Разъ мнѣ пришлось переплыть Пезо. Вода, была сильно на прибыли; потокъ ревѣлъ и рвалъ берега; огромные валуны, уступая напору, медленно ворочались въ этомъ кипѣніи. Я торопился съ пріиска домой, погода была скверная, дождь лилъ какъ изъ ведра; жить на берегу, въ ожиданіи убыли воды, не приходилось. Черкесъ упирался и не шелъ въ воду; нѣсколько нагаекъ, и онъ, взвившись на дыбы, прыгнулъ въ рѣку; фыркая и хрюпая, боролся онъ съ потокомъ; нѣсколько разъ вода казалось захлеснетъ его уши, но Черкесъ не выдалъ и вынесъ на берегъ къ зимовью. А тутъ — костеръ на берегу, подъ густымъ зонтикомъ кедра, котораго не пробьетъ никакой ливень; чай, ромъ, дикая коза на вертель, всѣ радости таѣжной жизни.

подъ ногами хребты и высокія макушки горъ тонутъ въ густыхъ волнахъ тумана. Въ самый яркій, ясный день, все внизу подернуто какоюто бѣлесоватою пеленою, тонетъ въ переливахъ легкаго, облачнаго тумана. Вдали, на пятидесяти, семидесяти верстахъ, виднѣются ближайшія къ тайгѣ села и деревни какими-то тусклыми облачками. Прощаешься наконецъ, и съ этими послѣдними знаками осѣдлой цивилизаци; а впереди—необъятная, невѣдомая тайга: нескончаемые боры, да нагроможденные хребты, да синѣютъ все дальше и дальше макушки горъ, и нѣтъ имъ конца до самого океана!

Какъ же хороша ты, съ высей, тайга сибирская, хвойною шапкою накрытая, золотымъ зерномъ посыпанная! Какъ привольно въ тебѣ вольному Сибиряку, потомку Ермака и Пугача, предпріимчиваго удальца и удалого вора и разбойника! Здѣсь, посреди твоихъ суровыхъ скалъ, дремучихъ лѣсовъ и бунтующихъ рѣкъ,

какъ бойко размахнулось наше русское моло-
дчество! Не блестишь ты яркостю невидан-
ныхъ красокъ; пышная роскошь цвѣтовъ и
растеній не убираетъ твоихъ долинъ и гор-
ныхъ хребтовъ; но что же влечеть къ тебѣ?
почему тоскуетъ по тебѣ сердце, когда гу-
ляешь гдѣ нибудь тамъ на дальнемъ югѣ, подъ
сводомъ безоблачно-лазурнаго неба, въ тѣни
раскидистыхъ дубовъ и платановъ? что за таин-
ственно-манящая прелесть скрыта въ твоемъ
суворомъ величіи?

Ѣдешъ дремучими хвойными лѣсами, съ со-
творенія міра нетронутыми топоромъ и оттого
гніющими безъ пользы. Не веселый видъ лѣ-
сковъ и рощъ странъ цивилизованныхъ пред-
ставляютъ эти темные боры, а какую-то угрю-
мую, печальную картину собственного разру-
шенія. Валежнику — горы; есть мѣста, гдѣ цѣ-
ликомъ не уѣдешь десяти верстъ во весь день.
Гніѣтъ себѣ лѣсь, изъ года въ годъ, изъ вѣка

въ вѣкъ, сваленный свирѣпой бурей, или вѣковою старостію, никому ненужный, ни кѣмъ не тронутый; по сучьямъ, стволамъ и корнямъ разостлался мохнатый, сѣдой мохъ; подъ деревьями — нетвердая тундристая почва, трясучее болото. Тоскливая картина! сердце щемитъ, а разстаться жаль, и не промѣняешь этой дикой природы на самый веселый видъ оживленнаго города.

Что за чудныя, поражающія взоръ своею суровою прелестію есть мѣста въ сибирской тайгѣ! Мне часто случалось Ѣздить по Янгѣ, на которой разорился окончательно одинъ изъ первыхъ (по времени) золотопромышленныхъ дѣятелей, Красноярскій мѣщанинъ (впослѣдствіи купецъ) Коростелевъ. Я самъ принимался раза три пробовать Янгу; все влекла необыкновенная чистота золота: 94³/₇ пробы! но за-то гнѣздовое и разработки рѣшительно не стоило. Впрочемъ и Янгу будутъ разрабатывать скоро, бла-

годаря способу промывки, изобрѣтенному г. Пакулевымъ, а можетъ и теперь уже разрабатываютъ: искусство разработки ростетъ съ каждымъ годомъ.

Янга широкимъ, болотистымъ устьемъ впадаетъ въ Канъ. Мѣсто поражаетъ своею дикостію даже посреди этой дикой Канской тайги. Съ крутой высокой горы, темнымъ, хвойнымъ лѣсомъ спускаешься къ Кану, который бунтуется внизу, ворочая каменные глыбы. Спускъ такъ крутъ, что бросивъ поводья и упервшись обѣими руками въ переднюю луку сѣдла, едва успѣваешь удержаться, чтобы не сползти чрезъ шею лошади, которая просто катится на заду, упираясь передними ногами. Потомъ бродъ по шею лошади, а если чуть воды прибыло, то и вплавь. На другомъ берегу непролазныя болота, поросшія тальникомъ, камышемъ и дикою травой. Потомъ извилистая тропа, пробитая по крутымъ берегамъ Янги, подъ навѣ-

сомъ мрачныхъ скаль. Высокою нависшею стѣной стоять онъ вокругъ, уходя въ обла-ка вершинами столѣтнихъ кедровъ и сосенъ. Вся истрескавшаяся стѣна какъ будто сложена нарочно руками изъ громадныхъ темно-багря-ныхъ каменныхъ глыбъ, до того правильно рас-положеніе трещинъ! Стѣна просто висить надъ головою и Богъ знаетъ почему эти каменные глыбы, ни чѣмъ не спаянныя по своимъ тре-щинамъ, не обрушиваются на всадника! развѣ только привычка стоять тутъ неподвижно на одномъ мѣстѣ сотни лѣтъ удерживаетъ ихъ отъ обвала. Но что за видъ по ту сторону бѣшеной Янги! Ключъ взялся изъ самой вер-шины совершенно голой, мѣстами темно-сѣрой, мѣстами буро-красной скалы, и, рьяно ринув-шись внизъ, извившись змѣй по крутымъ бокамъ горы, узкою полосою, потерявшею и видъ и цвѣтъ воды и обратившеюся, отъ бѣ-шенаго стремленія, въ серебристую, искря-

щуюся на солнцѣ, пѣнистую ленту, низвергается съ ревомъ въ Янгу, весь въ облакѣ водянистой пыли и брызгъ.

Рѣка бѣшено рвется между мрачныхъ утесовъ. Безпрерывные броды, на пятнадцати верстахъ ихъ сорокъ два, и какие! духъ захватываетъ, когда опытный конь медленно, осторожною стопой идетъ по каменистому дну рѣки, которая вся обратилась въ кипѣніе. Валуны огромныхъ размѣровъ ворочаются медленно, какъ бы нехотя уступая силѣ потока; глухой шумъ, грохотъ, каскады, фонтаны, какъ будто какой исполинскій котелъ кипятку! Въ двухъ шагахъ ничего не слышно, хоть кричи въ рупоръ. Кругомъ—покрытыя хвойнымъ лѣсомъ горы; кедры и сосны, вырванныя потокомъ, лежать по дну и берегамъ и торчать къверху тысячами переплетшихся корней. Мрачно-величественная, чудная картина! Растительность не роскошна: все хвоя, да хвоя, иглы, да иглы.... но какое-то необыкновенное

впечатлѣніе производить на душу эта суровая природа; сердце давить, но какимъ-то особеннымъ гнѣтомъ; тоска, а все тянеть въ тайгу!

Но вотъ крутой заворотъ и вдругъ, мгновенно декорація мѣняется, глазъ отдыхаетъ на веселомъ, смѣющемся ландшафтѣ: свѣтлая лента рѣчки, прижавшись подъ нависшую, покрытую зеленью гору, оставляетъ по ту сторону обширное мѣсто для роскошнаго луга. Весь лугъ версты на три представляется ковромъ изъ розоваго шиповнику и зелени травы и кустарника. Что за гармонія пестроты!

Чу!... выстрѣль посреди этой дикой пустыни? Вотъ и тонкая струйка дыму вьется промежъ высокихъ стволовъ. Стало быть жилье, человѣкъ!... Подъѣзжаемъ, юрта Карагаза: грязь, вонь, мерзость.... только образъ человѣка, да и то скверный... сухой, хилый, на искривленныхъ ноженкахъ, тонкихъ какъ жердочка, но прытихъ, которымъ ни по чѣмъ тундра и пяти-

аршинные снѣга. Вѣчный дымъ и смрадъ въ юртѣ; постоянный костеръ горитъ внутри и дымъ пробирается черезъ верхнее отверзтіе. Обрадуешся и этому дыму, какъ завидиша его; все же человѣкъ, жизнь посреди этого мертваго безмолвія вѣчно живущей природы.

Надъ огнемъ внутри юрты висить закоптѣлый котелокъ, въ которомъ варятъ и рыбу и молоко и мясо, и изъ котораго їдятъ и люди и собаки. Хлѣбъ — роскошь, рубашка — еще большая, и ужъ ежели разжился ею, то не только никогда не моетъ ее, но и не сниметъ, пока она, вся пропитавшись грязью и потомъ, истлѣеть на тѣлѣ и развалится сама собою. Убилъ звѣря, ни за что въ свѣтѣ не тронется съ мѣста; лежитъ въ дымной, вонючей юртѣ, посасывая коротенькую трубочку, пока есть табакъ, мясо и вонючая рыба. Ни за какія деньги не заставиша работать.

Когда у меня на пріискѣ не хватило прина-

совъ, я послалъ приказчика къ Карагазамъ, кочевавшимъ по соседнимъ хребтамъ, — на- нять возить муку и овесь на оленяхъ. Къ ве- черу приказчикъ воротился одинъ.

— Что же?

— Нейдутъ собаки. Набили сохатыхъ (осо- бый родъ лося), лежать задравши ноги, и раз- говоривать не хотятъ. Не *прожрались* еще анафемы.

— Да ты вѣрно дешево давалъ?

— Хоть по пяти цѣлковыхъ дайте, ни одна шельма не повернется.

Недѣли черезъ двѣ «прожрались», какъ вы- разился приказчикъ, пріѣхали сами наниматься и взяли половинную цѣну, только перепились все мертвецы и я долженъ былъ велѣть за- переть въ чуланъ не только князя Петра съ княгиней Ариной, но и друга моего шамана Ивана, чтобы избавиться отъ буйства и поца- луевъ, съ которыми лезли ко мнѣ эти друзья

въ припадкахъ нѣжности, возбужденной сладкою надеждою получить еще бутылочку спирту. За то приказчикамъ, не брезговавшимъ, на голодный зубъ, ни смрадною вонью, ни тулупами, обратившимися въ гнѣзда вшей, было раздолье, по тому случаю что княгиня прѣхала съ цѣлою свитою отвратительнѣйшихъ дѣвокъ, которые разумѣется перепились не хуже ея сіятельства.

Дичь, пустыня во всемъ ихъ безобразіи и красотѣ! но взъѣхали на гребень послѣдняго хребта и, какъ будто силою магического жезла, перенесены вы вдругъ, въ одно мгновеніе, на многолюднѣйшій заводъ. Внизу, въ долинѣ, подъ ногами вашими стелятся золотые пріиски, гдѣ все кипитъ жизнью и дѣятельностію цивилизациіи. Бѣшевая, прыгающая, по валунамъ и переборамъ, разбивающаяся въ пѣну и брызги рѣчка перехвачена, сжата плотинами и канавами. Июогда ей создано — трудомъ, искусствомъ,

капиталомъ — новое русло, ибо въ прежнемъ таится золото. И все это сработано людьми и лошадьми, кормимыми мукой, овсомъ, сѣномъ — до двухъ цѣлковыхъ за пудъ! Дома, госпитали, аптеки, казармы, конторы; есть пріиски, на которыхъ выстроены церкви Подъѣзжайте ближе — сотни, тысячи рукъ сгруппированы на самомъ маленькомъ пространствѣ. Работа кипитъ, машины въ движениі, истинный муравейникъ! глубокія канавы, широкіе разрѣзы, иногда желѣзныя дороги и паровыя машины. Таратайки, иногда вагоны, нагруженные золотоноснымъ пескомъ, тянутся длинной вереницей къ машинѣ. Все движется быстро, расчитано, ибо всякая остановка, всякая задержка, запаздываніе таратайки и т. п. наносятъ убытокъ, давая неправильный ходъ промывкѣ. А вотъ и она, бочешвая машина, этотъ центръ, къ которому устремляется все: и рабочій, и лошадь съ драгоценнымъ грузомъ и сердце и всѣ по-

мысли хозяина. Лошадь всходитъ по наклонному помосту на досчатыя палати, подъ которыми вертится бочка и останавливается надъ люкомъ; свальщикъ, при помощи вошика, проворно опрокидываетъ таратайку на оси и сметаетъ песокъ, непопавшій прямо въ люкъ. Таратайка отъѣзжаетъ прочь, а на ее мѣсто поступаетъ тотчасъ же другая, и такъ непрерывною цѣпью, часовъ съ четырехъ утра и до поздняго вечера; отдыхаютъ только въ завтракъ, обѣдъ и паужинъ.

Сваленные въ люкъ пески поступаютъ въ бочку, гдѣ и отбиваются промывкой отъ золота; окончательная отбивка производится въ ручную на важгерть, но обѣ этомъ послѣ.

Я хотѣлъ бы познакомить читателя, хоть самымъ поверхностнымъ образомъ, съ ходомъ работъ на золотомъ пріискѣ. Само собою разумѣется, что я пишу не для золотопромышленниковъ: что нового могу я сказать, въ

этомъ отношеніи, людямъ закаленнымъ опы-
томъ, изъ которыхъ нѣкоторые составили себѣ
состояніе, начавши съ приказчика и даже
съ того, что работали собственоручно кайломъ
и лопатой? Нѣтъ, я обращаюсь къ публикѣ,
которая не имѣеть ни малѣйшаго понятія о
золотомъ пріискѣ и которой, можетъ быть,
любопытно узнать хоть кое-что объ этомъ
дѣлѣ.

Пріисковые рабочіе дѣлятся обыкновенно на
три категоріи: въ первой — разночинцы, т. е.
промывальщики, кузнецы, плотники, хлѣбопеки,
кашевары, конюхи и т. п. Во второй катего-
ріи находятся рабочіе, которые ставятся «на
пески», т. е. добываютъ золотоносные пески,
накладываютъ ихъ въ таратайки и подвозятъ
къ машинѣ. Третья часть рабочихъ занимается
вскрышею турфовъ.

Поверхность мѣста, гдѣ находится золото-
носная розсыпь, не представляетъ непривычному

глазу никакихъ рѣзкихъ особенностей. Это самыя обыкновенныя долины, лощины, лога по берегамъ горныхъ рѣкъ и ключей. Есть нѣкоторые наружные признаки, по которымъ *предполагаютъ* присутствіе золота; есть каменныя породы, которыя всегда сопутствуютъ золоту, напримѣръ кварцъ, желѣзняки, зеленый камень и другія; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что золото есть непремѣнно подъ тою мѣстностію, на поверхности которой находятся эти породы; — по крайней мѣрѣ золото, стоящее разработки. Породы служать лишь указаніемъ, что золото тутъ *можетъ быть и есть* и что, слѣдовательно, можно, при извѣстныхъ условіяхъ, и пошурфовать, т. е. попробовать мѣстность.

Всякій русскій подданный, удовлетворяющій требуемымъ закономъ условіямъ, можетъ ходатайствовать о выдачѣ ему свидѣтельства на право искать золото на казенныхъ земляхъ и разрабатывать найденныя розсыпи.

Получивъ такое свидѣтельство, золотопромышленникъ формируетъ поисковую партію и отправляется самъ съ нею въ тайгу, или посыдаетъ приказчика.

Найдя подходящую мѣстность, партія останавливается и пробуетъ ее. Пробу производятъ посредствомъ шурfovъ, т. е. колодцевъ, которые роютъ въ нѣсколькихъ пунктахъ мѣстности, на поверхности которой найдены породы-спутники золота. Всегда почти въ шурфахъ встрѣчается притокъ воды, которую откачиваютъ колѣчатыми помпами изъ котельного желѣза. Помпы эти возятся партіей съ собой. Сухие шурфы очень рѣдки. Притокъ воды въ шурфѣ бываетъ иногда столь силенъ, что невозможно откачать воду, и въ такомъ случаѣ шурфъ приходится бросать и закладывать другой.

Между тѣмъ, какъ одни рабочіе откачиваютъ воду, другие работаютъ на днѣ шурфа, углубляясь все болѣе и болѣе и доставляя землю

со дна шурфа наверхъ, гдѣ ее тотчасъ же и промываютъ и такимъ образомъ обнаруживаютъ присутствіе золота, если оно заключается въ шурфуемой мѣстности; если же — неѣтъ, партія снимается и идетъ дальше искать счастья.

Когда наконецъ найдутъ розсыпь, стоящую разработки, подаютъ обѣ этомъ объявленіе въ земскій судъ и просятъ обѣ отводъ площади. Пріѣзжаетъ чиновникъ, повѣряетъ поданное въ земскій судъ объявленіе и дѣлаетъ отводъ площади, простирающійся до 250,000 квадратныхъ сажень. За тѣмъ выдаютъ планъ отведенной мѣстности и актъ на владѣніе, и розсыпь принадлежитъ на вѣчныя времена золотопромышленнику, если онъ исполняетъ требуемыя законами условія.

Золотоносный пластъ залегаетъ всегда на нѣкоторой глубинѣ, иногда весьма значительной, аршинъ въ 15 — 20 и даже болѣе.

Правда, бывали такие счастливцы, которые находили золотоносный пластъ прямо подъ тундрой, но это рѣшительное исключеніе. Обыкновенная же толщина турфа, т. е. наноснаго, верхняго, пустого пласта, покрывающаго золотоносный, — отъ двухъ, трехъ аршинъ до четырехъ — пяти.

Подъ турфомъ лежитъ золотоносный пластъ, т. е. слой земли, въ которомъ разсыпанъ золотой порошокъ. Толщина этого слоя, какъ и турфа, разнообразна до чрезвычайности, даже на одномъ и томъ же пріискѣ; случается, что отъ нѣсколькихъ аршинъ пластъ сходитъ на нѣтъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ толще пластъ и чѣмъ тоньше турфъ, тѣмъ пріискѣ лучше. На знаменитомъ Гавриловскомъ пріиску К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова, по Огне, толщина пласта доходила до тридцати двухъ аршинъ и, въ бытность мою въ Сибири, еще не было известно, на сколько онъ углу-

бится еще. По этому то пріискъ этотъ счи-
тается неисчерпаемымъ богатствомъ, несмотря
на то, что по содержанію золота, онъ усту-
паетъ многимъ прежнимъ пріискамъ, какъ напри-
мѣръ Платоновскому, Ольгинскому, К° Щеголе-
ва и Кузнецова по Мурожной (названія не помню)
и другимъ; въ Гавриловскомъ пріискѣ содер-
жаніе золота не превышаетъ полутора золотника
(а нынче, говорятъ, и еще меньше) отъ ста
пудъ песку; но К° Рязановыхъ, ставя тысячу
рабочихъ и намывая ежегодно болѣе ста пудъ
золота, уходитъ впередъ по длинѣ площади
очень не много, благодаря именно этой необыкно-
венной толщинѣ пласта; а длина пріиска около
пяти верстъ. Сколько же десятковъ лѣтъ будуть
они вынимать по сту пудъ золота изъ этого сундука!

Длина и ширина розсыпи также различны;
первая иногда тянется на десятки верстъ; ши-
рина же рѣдко превышаетъ сто сажень, да и
то — истинная рѣдкость.

Вмѣстѣ съ толщиною пласта и шириной и длиною розсыпи, важнѣйшую роль играетъ содержаніе золота, которое считается по количеству его въ каждыхъ ста пудахъ песку. При открытии пріиска, первый вопросъ — какъ содержаніе?

Въ старые годы, т. е. еще въ сороковыхъ годахъ, содержаніе золота въ Енисейскомъ округѣ считали нѣсколькими золотниками; нынѣ же, когда богатѣйшія розсыпи уже выработаны, съѣхали на доли золотника и пріискъ доль въ семьдесятъ, при выгодныхъ отношеніяхъ турфа и пласта, считается выгоднымъ. А было время, когда на содержаніе въ золотникъ не обращали никакого вниманія.

Постоянство розсыпи, при нынѣшней системѣ разработки, играетъ также одну изъ важнѣйшихъ ролей. По качеству этому розсыпи раздѣляются на постоянныя, въ которыхъ золото разсыпано ровно, по всей длинѣ и ширинѣ по-

чи одинакового содержанія, и гнѣздовыя, въ которыхъ встрѣчается гнѣздо съ содержаніемъ въ нѣсколько золотниковъ, а тутъ же, рядомъ — пустота, или самое слабое содержаніе. Розсыпи Енисейскія отличаются постоянствомъ; напротивъ Канскія — гнѣздовыя. Эти послѣднія — самыя убийственныя для промышленника, и съ нихъ то и идутъ по міру. Тутъ никакой точный расчетъ невозможенъ, часто даже и тщательная шурфовка не помогаетъ. На одномъ изъ пріисковъ, въ Канской тайгѣ, мнѣ случилось вести штрекъ, т. е. канаву поперегъ площади, вмѣсто шурfovъ; по всей длинѣ штрека содержаніе оказалось около двухъ золотниковъ. Я расчитывалъ на баснословные барыши, потому что развѣдка штрекомъ, вмѣсто шурfovъ, казалось не обманетъ; и что же? подхожу разрѣзомъ къ самому штреку — 30 доль, вмѣсто двухъ золотниковъ; дальше — тоже 30 доль! что за чудо? надо же такое по истинѣ невѣ-

роятное несчастіе, чтобы штрекомъ попасть
имяно на ту узенькую полоску, въ которой
содержаніе было въ два золотника! А между
тѣмъ, я рвался разрѣзомъ къ этому мѣсту и
долженъ былъ работать почти пустое мѣсто, въ
надеждѣ что вотъ вотъ пойдетъ въ два золот-
ника. Время пропало даромъ, а на пріискѣ,
больше чѣмъ гдѣ нибудь, *time is money*. Про-
мывка продолжается съ небольшимъ сто дней
въ году.

Подъ золотоноснымъ пластомъ находится по-
чва, постель, на которой лежитъ пластъ.
Иногда это — плитнякъ, иногда ребровикъ,
иногда почва — мягкая, охристая глина.

Турфъ состоитъ изъ тундры, земли, мелкаго
камня (попадаются и довольно большие камни),
 песку, глины, ила.

Составъ золотоноснаго пласта также весьма
различенъ. Однакожъ, я кажется вдаюсь въ
подробности очень мало интересныя для пу-

блики: вѣдь я не читаю лекціи горнаго дѣла, а хочу лишь набросать хоть поверхностный очеркъ практической стороны золотопромышленнаго дѣла, а потому не стану утомлять читателя подробнымъ изложеніемъ свойствъ напластованія. Предоставляю это людямъ, занимающимся наукой; я не ученый горный инженеръ, а просто золотопромышленникъ, пустившійся въ тайгу, не видавъ прежде ни одной книги о горномъ дѣлѣ, да и послѣ мало ихъ читавшій; пусть же читатель и не требуетъ отъ меня многаго; я рассказываю, что видѣлъ, слышалъ, или испыталъ на себѣ. Единственная цѣль этого сочиненія — ознакомить хоть немного съ золотопромышленностю публику, большинство которой имѣть лишь весьма смутныя понятія какъ о золотомъ промыслѣ, такъ и о Сибири.

Для золотопромышленника свойства золотноснаго пласта важны въ слѣдующемъ отношеніи: пластъ бываетъ промывистый «до воды»,

какъ выражаются золотопромысленники, т. е. такой, на который стоитъ только пустить воду, чтобы его размыло тотчасъ же, и — мясниковатый, т. е. глинистый, который не поддается иногда никакимъ усилиямъ промывки и разбивки.

Бываетъ еще одна весьма тяжкая особенность какъ пласта, такъ и турфа, это такъ называемая вѣчная мерзлота. Попадаются такія мѣста, которые зимою остаются непокрытыми снѣгомъ, потому что его выносить вѣтромъ; такимъ образомъ земля, промерзши глубоко во время зимы, не успѣваетъ оттаять въ теченіи короткаго лѣта; нижній слой остается мерзлымъ и такимъ образомъ земля, вымерзая постепенно изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, обратилась ваконецъ въ сплошную вѣчную мерзлоту, которая даже въ самое жаркое лѣто отходитъ сверху только аршина на полтора, много на два. Такимъ образомъ объяснялъ я себѣ это явленіе, когда встрѣтилъ на пріискѣ мерзлоту

въ шестнадцать аршинъ толщиною и бился съ нею дни и ночи. Впрочемъ можетъ быть такое объясненіе и невѣрно, можетъ быть наука иначе рѣшаетъ этотъ вопросъ.

Разрабатывать вѣчную мерзлоту крайне трудно, разводятъ на ней костры, благо лѣсъ подъ рукой и не стоитъ ничего, кроме труда срубить и подвезти; лить горячую воду, рвать порохомъ, но всѣ эти мѣры оказываются мало дѣйствительными, и самыми практическими способами разработки мерзлоты признаются — лѣтомъ постепенное оттаиваніе дѣйствіемъ солнца, т. е. въ теченіе сутокъ мерзлота отойдетъ на вершокъ или два; оттаившее сгребутъ и опять оставляютъ таять и т. д. Очевидно, что работа идетъ крайне медленно; пройдетъ много времени, пока доберутся до золота и получить его. Для золотопромышленника богатаго это — ничего, но для такого, который нуждается въ деньгахъ, это препятствіе разстраиваетъ иногда

всѣ расчеты: деньги нужны до зарѣзу и золото есть, да достанешь его, а слѣдовательно и деньги получишь, мѣсяцемъ, двумя позже. Въ мартѣ и апрѣлѣ мерзлоту раскалываютъ жѣлѣзными клиньями и разрабатываютъ кайлами и ломами. Дѣло идетъ особенно успѣшно, если мерзлота состоять изъ ила; онъ откалывается очень хорошо большими глыбами.

Какимъ образомъ образовались золотоносныя розсыпи? Я опять долженъ сознаться, что не имѣю никакого понятія о томъ, какимъ образомъ вопросъ этотъ разрѣшенъ наукой, но передамъ то, что говорятъ обѣ этомъ золотопромышленники. Не знаю степени высоты, на которой вообще стоитъ горная наука относительно отысканія золотоносныхъ розсыпей, но судя по практикѣ, думаю, что ученый горный офицеръ не имѣть почти никакого преимущества передъ малограмотнымъ приказчикомъ. Можетъ быть я ошибаюсь, говоря такимъ обра-

зомъ, но известно, что всѣ розыпи въ Восточной Сибири открыты такими людьми, какъ Гаврила Машаровъ, Ивановъ, Шипилинъ, Жмаевъ, Фамильцевъ и другіе, изъ которыхъ навѣрное никто не читалъ ни одной горной книги, за исключеніемъ горнаго устава нашего Свода Законовъ и то вовсе не съ цѣлью почерпнуть изъ него указанія для усиленія розыска золотоносной розыпи, а для изученія всѣхъ формальностей, какими законъ окружаетъ заявку и отводъ площади. Кварцы, зеленый камень, желѣзняки, разломы горъ, направлениe русла рѣки и уваловъ — вотъ весь кодексъ свѣдѣній предводителя поисковой партии.

Говоря такимъ образомъ, я какъ будто возстаю на науку и защищаю невѣжество; нѣтъ! но можетъ быть горная наука, по части отысканія розыпей, находится въ такомъ младенчествѣ, что не выработала еще важныхъ для практика указаний. Покрайней мѣрѣ есть факты,

доказывающіе, что неучи открыли розсыпи на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде ихъ ученые горные офицеры только сѣяли казенныя деньги.

Однакожъ, я хотѣлъ передать то, что думаютъ золотопромышленники объ образованіи золотоносныхъ розсыпей: золото когда-то, въ допотопные времена, заключалось въ кварцовыихъ горахъ, прорѣзывая ихъ жилами. Произошло землетрясеніе, разрушеніе, и золото, истертое въ порошокъ и мелкіе кусочки, сбросило съ горъ и понесло, потоками воды, въ долины и лощины, гдѣ оно, по тяжести своей, засѣло въ пескѣ и образовало золотоносный пластъ, надъ которымъ со временемъ образовался слой пустой земли, называемый турфомъ. Вѣроятность этого предположенія подтверждается фактомъ: известно, что и теперь находятъ куски кварца съ прожилками золота; известно также, что если кварцъ истолочь, то получается золото.

Такимъ-то образомъ говорятъ въ Красноярскѣ и Енисейскѣ обѣ образованіи розсыпей; не знаю, можетъ быть тоже самое говорить и наука.

Я уже говорилъ выше, что рабочіе раздѣляются на три категоріи — на разночинцевъ, на рабочихъ вскрывающихъ турфъ и наконецъ на рабочихъ добывающихъ и промывающихъ пески. Рабочіе приходятъ на пріиски въ мартъ, когда промывка еще невозможна за неимѣніемъ воды, и тогда занимаются такъ называемыми приготовительными работами, т. е. исправленіемъ зданій, машинъ, канавъ, плотинъ, сплотокъ и т. п. Всѣ остальные за тѣмъ рабочіе ставятся на вскрышу турфа, т. е. снимаютъ этотъ пустой, наносный пластъ, отвозятъ его прочь и такимъ образомъ обнажаютъ пески золотоноснаго пласта.

Добыча песковъ золотоноснаго пласта, изъ подъ турфа, производится двоякимъ образомъ:

или ортами, или открытыми работами. Въ первомъ случаѣ ведутъ подземныя галлерей, укрѣпля ихъ сверху и съ боковъ лѣсами, чтобы земля не обваливалась, и освѣща орты свѣчами; за тѣмъ пески доставляютъ на поверхность земли. При открытыхъ работахъ весь турфъ вскапывается и отвозится прочь.

Казалось бы, ортовыя работы гораздо выгоднѣе открытыхъ, ибо избавляютъ отъ необходимости свозить огромную массу турфа, но золотопромышленники, люди вообще весьма практическіе, рѣшительно предпочитаютъ открытые работы.

Ортами работаютъ весьма и весьма рѣдко; не знаю, есть ли теперь во всей Енисейской губерніи хоть одинъ пріискъ, гдѣ работали бы ортами. Дѣло въ томъ, что въ ортахъ очень трудно услѣдить виляющую розсыпь; золота пропадаетъ много, работать приходится въ узкихъ галлереяхъ, при скверномъ освѣщеніи и т. п. неудобства.

Промывальныхъ машинъ очень много: бутары, чаши, бороны, но въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ бочка взяла рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими; впрочемъ теперь и ее грозятъ вытѣснить извѣстныя Пакулевскія сплотки.

Бочка есть желѣзный, бездонный, усѣченный конусъ — почти цилиндръ, такъ мало наклонны бока этого конуса — съ часто и мелко продыривленными боками, вращающейся на горизонтальной оси. Длина бочки аршина четыре съ половиною и болѣе. Пески, ссыпаные въ люкъ, попадаютъ прямо въ узкое отверстіе бочки и — по весьма мало наклоненнымъ ея бокамъ — скатываются постепенно и довольно медленно къ широкому отверзтію. По внутреннимъ бокамъ бочки набить такъ называемый наборъ, т. е. различныхъ видовъ желѣзныхъ штучки, зубцы, гвозди и т. п., для того, чтобы во время вращенія бочки, пески

разбивались бы объ этотъ наборъ. Кромѣ того, въ отверзтія бочки пущено три-четыре струи воды, бьющихъ фонтаномъ. Такимъ образомъ посредствомъ воды и сильнаго вращенія, разбиваются и размываются куски золотоносныхъ песковъ (*), засыпанныхъ въ бочку.

Операциѣ промывки разбивается на три части: во первыхъ, надобно растереть, разрыхлить, разбить, размыть ту массу земли, въ которой заключается золото, такъ чтобы зерна его, хотя и находясь еще въ этой массѣ, не были бы болѣе соединены съ составными ея частями, и слѣдовательно могли бы свободно изъ нея выдѣляться, когда масса эта будетъ под-

(*) Пусть читатель не думаетъ, что золотоносные «пески» въ самомъ дѣлѣ песокъ; напротивъ, тутъ есть и иль, и мѣлкіе камни и глина весьма трудно разбиваемая и размываемая; но золотопромышленники называютъ общимъ именемъ «песковъ» тотъ пластъ земли (каковъ бы ни былъ его составъ), въ которомъ заключается золото.

вергнута дѣйствію водяного тока. Цѣль эта достигается въ то время, когда пески, засыпанные въ бочку, врашаются внутри, бываютъ о наборъ ея боковъ и подвергаются сильному дѣйствію воды изъ пущенныхъ въ бочку фонтановъ. Исполненіе этой части операциіи надъ песками мясниковатыми, т. е. глинистыми — крайне затруднительно, тутъ бочка, превосходная при пескахъ промывистыхъ по огромному количеству промываемыхъ песковъ (до 35,000 пудъ въ одинъ день и даже болѣе), — рѣшительно уступаетъ чашѣ и боронѣ, которые даютъ возможность размыть мяснику; въ бочкѣ же, напротивъ, мясника скатывается только въ комъя.

И такъ, пески разбиваются и размываются внутри врачающейся бочки, сползая постепенно отъ узкаго отверстія бочки (въ которое ихъ засыпали) къ широкому. Но не вся масса сползаетъ къ этому широкому концу и выва-

ливаются вонъ, а только гальки (довольно крупные камешки), и неразбившіеся куски мясники и изрѣдка попадающіеся самородки (крупные куски золота), словомъ, все, не могущее провалиться въ мелкія дырочки, которыми усыяны бока бочки. Все это, какъ я уже сказалъ выше, сползаетъ къ широкому отверстию и вываливается само собою въ подставленный ящикъ, гдѣ стоитъ рабочій и отбираетъ самородки золота и куски мясники, въ которыхъ можетъ заключаться золото; галька же вываливается изъ ящика въ таратайку и отвозится прочь.

Межу тѣмъ мелкое золото вмѣстѣ съ пескомъ, мутью (грязь), ефелями (мелкій камешникъ), шлихами (жѣлѣзо въ видѣ опилокъ, всегда сопутствующее золоту) и водою проваливаются на шлюзъ сквозь дырочки бочки. Тутъ начинается вторая часть операциіи промывки, основанная на томъ, что золото тяже-

лѣе всего находящаго вмѣстѣ съ нимъ въ мутi.

Горизонтальная ось бочки расположена аршинахъ въ пяти надъ поверхностю мѣста, гдѣ поставлена машина. Шлюзъ или лодка есть досчатая плоскость (ширина ея немного болѣе длины бочки), подставленная подъ всю бочку и направленная наклонно отъ бочки до земли. Верхъ этой плоскости, находящійся подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ вертится бочка, называется головкой; нижній же конецъ, упирающійся въ землю,—хвостомъ. Весь шлюзъ, между головкой и хвостомъ, раздѣленъ поперегъ ви- зенькими порожками, или плинтусами, которыхъ бываетъ отъ шести до девяти и даже болѣе.

Цѣль шлюза заключается въ томъ, чтобы обогатить провалившіеся на него пески, т. е. изъ двадцати, тридцати и даже болѣе тысячи

пудъ песковъ, засыпаемыхъ въ бочку въ течениі дня, оставить на шлюзѣ только сотню, двѣ пудъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы все золото, заключавшееся въ десяткахъ тысячъ пудъ песковъ, осталось въ этихъ сотняхъ, засѣвшихъ за плинтусами; словомъ цѣль шлюза — уменьшить, сократить количество песковъ, оставивъ въ нихъ все, или почти все золото.

Читатель помнитъ, что въ то время, какъ пески проваливаются черезъ дырочки бочки на шлюзѣ, проливается туда же вмѣстѣ съ ними и вода, такимъ образомъ во всю ширину шлюза образуется широкій и сильный токъ воды, который и уноситъ все, что полегче, а золото, шлихи, ехеля и другія тяжелѣйшія части песковъ засѣдаютъ за плинтусами. Естественно, что оставшіеся за плинтусами пески богаче въ нѣсколько сотъ разъ тѣхъ песковъ, которые были засыпаны въ бочку.

Теперь остается третья и послѣдняя часть

операций промывки: остается окончательно отбить золото отъ оставшихся песковъ. Тутъ уже невозможно машинное производство и оставшіеся пески промываются въ ручную. Окончательная промывка производится на важгерть.

Важгерть есть первообразъ шлюза, т. е. тоже наклонная плоскость, на которую засыпаются взятые съ шлюза обогащенные пески. Разумѣется, что важгерть очень не великъ и съ нимъ управляется одинъ рабочій. Сверху пускается токъ воды и промывальщики съ гребкомъ и щеткою въ рукахъ промываютъ пески окончательно, и такимъ образомъ получается золото.

Шлюзъ, т. е. наклонная плоскость, служить и будетъ служить основаніемъ всякой золотопромывальной машины. Бутара, борона, бочка и даже вновь изобрѣтенный Пакулевскія сплотки, о которыхъ я поговорю въ

своемъ мѣстѣ, всѣ основаны на наклонной плоскости, на которую кладутся пески и по которой пускается токъ воды уносящей все легчайшее золота, а это послѣднее остается вслѣдствіе своей тяжести. Всѣ же различныя прибавленія, прилагаемыя такъ или иначе къ шлюзу, служать только для удобнѣйшихъ разбивки и размывки песковъ.

Весьма важно, для чистой промывки песковъ на машинѣ, чтобы токъ воды былъ равномѣрный во всю ширину шлюза и вмѣстѣ съ тѣмъ не очень сильный и не очень слабый. При очень сильномъ токѣ будетъ выбивать изъ-за плинтусовъ пески, а съ ними и золото: при слабомъ токѣ будетъ засаривать, затягивать плинтусы и опять — сносъ золота.

Сносъ золота со шлюза все таки существуетъ какъ бы отлично ни была устроена машина и какъ бы тщательно ни наблюдали за равномѣрностію водяного тока; машина — не рука, и

все таки остается машиной; да и кромъ того есть частицы золота необыкновенно легкія (разумѣется, отъ той формы, которую прияяли эти частицы). Какъ это ни покажется страннымъ, но я рѣшаюсь сказать, что видѣлъ собственными глазами плавающее золото.

Снось, однакоже, не великъ при хорошемъ устройствѣ бочки и при тщательномъ наблюденіи за правильностю тока; всего доль десять или пятнадцать золотника со ста пудъ песковъ.

Въ предупрежденіе и этого сноса придумали амальгамировать золото съ ртутью. Я не стану впрочемъ распространяться объ этомъ способѣ, ибо онъ до того еще не совершененъ, что къ дѣлу нейдетъ, и если нѣкоторые богатые пріиски израсходовались на его устройство, то болѣе для того, чтобы потѣшить нѣкоторыхъ горныхъ чиновниковъ, которые требуютъ амальгамаціи съ тѣмъ большимъ рвеніемъ къ распростране-

нію науки, что одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ выхлопоталъ въ пользу горнаго ревизора какой-то сборъ съ каждого пуда золота, спасенаго амальгамацией. Предписанія, разумѣется, сыплются на голову золотопромышленниковъ, но подвергаются участіи всѣхъ безвредныхъ и невинныхъ предписаній. Гораздо лучше дѣло это оставить на произволъ золотопромышленниковъ: усовершенствуется способъ амальгамациіи, будетъ выгодно — никто себѣ не врагъ; а спасать золото, вопреки волѣ хозяина пріиска, нѣтъ никакой основательной причины.

Что касается до таёжныхъ чиновниковъ, то я и тутъ расхожусь во взглядѣ съ г. Небольсинымъ. Вотъ его слова: « Въ представителяхъ мѣстной власти я нашелъ то, что можно, казалось, встрѣтить только въ Петербургѣ, только въ министерствѣ и только въ канцелярии министра: самую вѣжливую предупредительность,

самую внимательную заботливость, самое горячее стремлениe къ уничтоженю всего, что можетъ наводить на мысль о неудачѣ на успѣхъ праваго дѣла, грозу неправды, безпощадную кару зла ».

Что касается до вѣжливости, доведенной до степени канцеляріи министра, то обѣ этомъ я спорить не стану; да и право, мудрено быть невѣжей съ людьми, на счетъ которыхъ и въ ихъ же дому, пьешь, ъшь, жуируешь съ мая по сентябрь включительно и ежегодно, и съ которыми , кроме того , играешь въ карты ежедневно и еженощно. Извѣстно, что за карточнымъ столомъ смягчаются даже самые суровые, смахивающіе на тучегонителя, боги. Ну, а вотъ о «грозахъ неправды, безпощадныхъ карателяхъ зла» и т. п. — блаженъ кто вѣрюетъ! а я не вѣрю.

Памятны всѣмъ эти каратели въ давно, правда, минувшихъ перемѣркахъ Платоновскаго пріиска

по повѣркѣ граней и т. п. подвигахъ. А поголовная щодать, а разъезды съ пріиска на пріискъ на двадцати, тридцати лошадяхъ (въ самое горячее время работъ) не только съ семьей, но даже (я на себѣ испыталъ это) и съ жидовскимъ оркестромъ и т. п.

Баснь эту можно бы и больше пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Но воротимся къ машинѣ. Шлюзъ огороженъ высокимъ, досчатымъ заборомъ; для входа же на него сдѣланы, у хвоста, широкія рѣшетчатыя ворота, чтобъ видно было, что дѣлается на шлюзѣ. Во все время промывки ворота заперты на замокъ и кромѣ того приложена печать управляющаго, чтобы кому нибудь не вздумалось прогуляться по шлюзу, заѣпить въ карманы обогащенаго песочку и промыть его на досугѣ.

Но вотъ наступаетъ время съемки золота, — торжественная минута! Промывальщики съ яндо-

вами (*), управляющей, становой, всѣ приказчики и самъ хозяинъ, если только онъ находится на пріискѣ, собираются около завѣтныхъ воротъ.

Странное дѣло, но я испыталъ это на себѣ: собственно говоря, хозяину при хорошемъ управляющемъ на пріискѣ дѣлать рѣшительно нечего. Встанешь часовъ въ пять утра и снуешь цѣлый день по разрѣзу, въ ожиданіи съемки золота, а скучи начувствуешь! Дѣло въ томъ, что самъ по днямъ и часамъ наблюдаешь, какъ твоё состояніе или созидаешься или разрушается и весь поглощаешься страстью пріобрѣтенія; видишь по часамъ или свой ростъ, или свою собственную погибель.

Стопъ машина! шумъ прекращается, замокъ и печать долой, ворота — вастежъ, и вся пріисковая аристократія устремляется по шлюзу,

(*) Янда — деревянный ящикъ, въ которомъ чески относятъ соплаzu на вахтеръ.

попирая ногами почтенный металль, которому суждено уѣхать куда нибудь въ Петербургъ, или дальше въ Гамбургъ, Лондонъ, Парижъ. Аристократія аристократіи, самая сливки, т. е. хозяинъ, управляющій и становой (*), въ сопровожденіи двухъ промывальщиковъ, забираются въ самую головку шлюза взглянуть и забрать пески, засѣвшіе за первыми плинтусами. Если промывка богата, то сквозь слой песковъ проступаетъ и блестить золото. Между тѣмъ, хвостъ аристократіи, т. е. прикащики и остальные промывальщики, располагаются на серединѣ и хвостѣ шлюза и забираютъ уже бѣднѣйшіе пески. Прикащики присутствуютъ при съемкѣ для того, чтобы смотрѣть за промывальщиками, дошедшими въ искусство красть золото до фокусническаго совершенства.

Случалось, что промывальщикъ успѣть спу-

(*) Становой — старшій приказчикъ, начальникъ стана, которыхъ бываетъ иногда нѣсколько на одномъ прискѣ.

стить въ карманъ или за голенище горсть, другую песковъ изъ головки шлюза и потомъ проноетъ ихъ ночью. Иные намазывали подошвы саломъ, и, наступя на золото, во время промывки его на важгерть, успѣвали утянуть золотникъ - другой. Бывали, наконецъ, и такие искусники, которые дѣлали въ подошвахъ западни, съ открывавшимися и закрывавшимися крышечками.

У меня былъ ссыльно - поселенецъ Федоръ Алексѣевъ, отличный промывальщикъ, но еще отличнѣйший воръ. Разъ на важгерть показался самородокъ золотника въ три. На нашемъ пріискѣ золото было вообще мелкое и самородки рѣдкость, а потому, какъ я самъ, такъ и управляющій смотрѣли во всѣ глаза, когда показался самородокъ. Но вдругъ онъ исчезъ.

— Послушай, Федоръ Алексѣевъ, обратился я къ промывальщику; самородокъ твой и еще

стаканъ спирту, только скажи, какимъ образомъ ты ухитрился стянуть его и гдѣ онъ теперь?

— А вонъ, у костра по правую руку лежитъ.

Костеръ находился въ сажени отъ важгерта. Пошли и дѣйствительно нашли тамъ самородокъ. Федоръ Алексѣевичъ такъ наметался, что промывая золота, подѣпилъ самородокъ концемъ гребка и швырнуль его совершенно для насть незамѣтно, на разстояніе сажени!

Пески со шлюза несутъ, въ яндовахъ, на важгерты и тамъ промываютъ окончательно. За тѣмъ золото кладутъ въ желѣзнную ложку и «жарятъ», т. е. сушатъ на огнѣ костра. Потомъ въ мѣдную или желѣznую банку съ печатью и — въ контору вѣсить.

На пріискахъ съ богатымъ содержаніемъ золота и съ большимъ числомъ рабочихъ намываютъ золота до пуда въ день. Впрочемъ, такихъ пріисковъ осталось уже мало. Въ ста-

рые годы, одинъ золотопромышленникъ за-
вель на пріискѣ пушку, чтобы привѣтствовать
пудъ выстрѣлами!

Взглянете на эти горсти жаримаго золота, и
вамъ дѣлаются понятны города - пріиски съ
вѣчно дѣятельнымъ, капошащимся населеніемъ,
занесенными Богъ знаетъ въ какую дичь и
 даль, понятны эти дома, машины, конторы,
 шампанское и трюфели, которыми угостять
 васъ за обѣдомъ, и все, все завезенное за
 тридевять земель въ эту диковинную, глухую пу-
 стынью, по дорогамъ проложеннымъ по непро-
 ходимымъ дотолѣ мѣстамъ. Вамъ дѣлаются по-
нятны эти фабрики, вырабатывающія золото въ
 безлюдной тайгѣ; вы понимаете огромныя суммы,
 проживаemые въ городахъ и селахъ золото-
 промышленниками, ихъ управляющими, прика-
 щиками и рабочими; вы понимаете огромные
 обороты Ирбитской ярмарки и значительную
 торговлю города Томска; вамъ дѣляется поня-

тень пароходъ на Оби и Томи. Все вывозить
пустынная тайга, еще недавно покоившаяся
глубокимъ сномъ и теперь пробужденная По-
повыми, Рязановыми, Мошаровыми и имъ по-
добными смѣлыми людьми.

IV.

Въ золотопромышленности Восточной Сибири, по степени ея вліянія на край и по способамъ разработки золотоносныхъ розсыпей, можно отличить три периода:

Первый, когда главнѣйшую заботою золотопромышленника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и насущною для него необходимостю (безъ которой въ тотъ периодъ невозможно было разрабатывать пріискъ) было отыскать розсыпь съ очень богатымъ содержаніемъ, золотника въ три, четыре, и не менѣе двухъ золотниковъ золота отъ ста пудъ песковъ. Два обстоятельства были причиною такого условия: во первыхъ, слиш-

комъ большая стоимость рабочаго. Правда, съ самаго начала открытия золота, какъ самъ рабочій, такъ и его содержаніе стоили баснословно дешево; но такая дешевизна скоро замѣнилась дороговизною, подъ вліяніемъ сильной конкуренціи, возникшой между владѣльцами пріисковъ, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Другая причина, требовавшая очень богатой розсыпи (для возможности производительной разработки) заключалась въ крайнемъ несовершенствѣ способовъ разработки. Искусство какъ промывки, такъ и другихъ частей операций было тогда еще въ младенчествѣ: пески промывались на важгертахъ и бутаркахъ; подвозили ихъ и отвозили гальку, ефель, турфа на ручныхъ тачкахъ; механика, искусство, правильное устройство хозяйственной части, играли роль самую ничтожную. Всякіе промахи, нерасчетливость, беззаботность, малоопытность,

все подобное должно было вывозить на себѣ богатство содержанія розсыпи. Песковъ промывали мало и били только на то, чтобы промыть хоть и немного песковъ, но за то съ богатымъ содержаніемъ.

Вотъ характеристическая, основная черта перваго, горячаго или сумасшедшаго, какъ многие называли его въ Сибири, периода золотопромышленности.

Естественно, что при такомъ порядке могли разрабатываться лишь весьма богатыя розсыпи, а число ихъ очень и очень ограничено; большинство же розсыпей, которыя разрабатываются въ настоящее время, лежали тогда втунѣ. Мало того, даже на самыхъ богатыхъ пріискахъ выхватывали лишь богатѣйшую полоску, оставляя въ бокахъ и свозя въ турфовые отвалы пески съ такимъ золотомъ, какое въ настоящее время найдешь на рѣдкомъ пріиске въ самомъ богатомъ мѣстѣ.

Очевидно, что при такомъ направлениі золотопромышленность не могла пріобрѣсти того важнаго, для края, значенія, какое пріобрѣла въ послѣдствіи. Розсыпей съ очень богатымъ содержаніемъ, какъ я уже сказалъ выше, весьма не много, да и то въ пріискахъ, гдѣ находятся такие богатые куски, тянутся они — за рѣдкими исключеніями — очень узко. Слѣдовательно, подобныхъ кусковъ не могло достать на очень продолжительное время, да и кромѣ того подобная разработка не могла развиться въ такие размѣры, чтобы требовала весьма значительного числа рабочихъ и большаго количества товаровъ и припасовъ. Вліяніе золотого промысла, какъ рынка, не могло быть, при такомъ ходѣ дѣла, ни велико, ни продолжительно. Для самихъ золотопромышленниковъ промыселъ, въ этотъ первый періодъ своего существованія, походилъ скорѣе на игру, въ которой можно было урвать миллионъ, или

лечь костьми, чѣмъ на правильное, рационально-веденное коммерческое дѣло. Нѣсколько отдельныхъ лицъ обогатились съ баснословною быстротою. Въ этотъ періодъ составились, и составились въ самое короткое время, громадные состоянія Щеголева, Ивана Кузнецова, Голубкова, Ефима Кузнецова, Асташева, Рязанова, Никиты Мясникова, но въ благосостояніи массы населенія не было ничего прочнаго; край только пробуждался, приготавляясь къ другой болѣе обильной прочными результатами дѣятельности.

Повторяю, въ первый періодъ золотопромышленность лишена была прочнаго основанія и казалось простоять не долго; нужно было съ каждымъ годомъ открывать все новые и новые розсыпи съ очень богатымъ содержаніемъ, а открывать такія розсыпи выходить изъ предѣловъ власти человѣка и во всякомъ случаѣ есть не болѣе, какъ случайность.

И действительно, вскорѣ самые богатые содержаніемъ золота мѣста стали вырабатыватьсѧ. Въ настоящее время пріиски съ содержаніемъ не болѣе одного золотника отъ ста пудъ песковъ считаются (разумѣется при обыкновенныхъ, а не при какихъ нибудь исключительно неблагопріятныхъ, отношеніяхъ турфа и пласта) богатствомъ; пріисковъ же съ содержаніемъ въ два и болѣе золотника, кажется, всего только и есть три во всей Енисейской губерніи. Большинство же разрабатывающихся пріисковъ имѣть содержаніе долевое, т. е. меньше золотника.

Теперь ко всему этому уже привыкли и убѣдились, что промыселъ можетъ идти впередъ и при бѣдномъ содержаніи, но не такъ было вначалѣ: тогда начало устанавляться мнѣніе, что золотопромышленность рѣшительно и быстро клонится къ упадку и что конецъ ея не далеко; добыча золота стала постоянно уменьшаться.

Въ то время мысль о степени значенія золотого промысла для края не была еще уяснена вполнѣ, а потому горевали только золотопромышленники, недосчитывавшіеся нѣсколько миллионовъ ежегодно; но съ иной точки зрѣнія должно было представляться дѣло заботливому правителю края... что будетъ съ населеніемъ?... какое поприще найдутъ рабочія руки, если промыселъ будетъ падать постоянно и наконецъ закроется вовсе?

Въ этотъ-то рѣшительный кризисъ, искусство, уже скопленный капиталъ и пріобрѣтенный многолѣтнимъ трудомъ и наблюденіемъ опытъ подоспѣли на помощь золотопромышленности. Безъ нихъ тамъ, гдѣ теперь сотни пріисковъ разрабатываются десятками тысячъ рабочихъ и составляютъ рынокъ для хлѣба, овса, сѣна, мяса, желѣза, обуви, одежды и всякаго товару на миллионы рублей, — дорабатывались бы теперь вѣсколько богатыхъ розсыпей, подавляя рабо-

чаго и производителя отсутствіемъ всякой конкуренціи.

Появилась мысль, что розсыпи съ очень богатымъ содержаніемъ могутъ, безъ всякаго ущерба дѣлу, быть замѣнены розсыпями бѣднѣйшими, но которые залегаютъ широко, на значительное протяженіе, съ толстымъ пластомъ и въ которыхъ золото разсыпано хотя и бѣдно, но за то ровно и постоянно. Гавриловскій пріискъ, по рѣчкѣ Огне, съ содержаніемъ только за полтора золотника, но съ розсыпью около ста (если память не измѣняетъ мнѣ) сажень шириной и съ пластомъ за тридцать аршинъ толщиною, сдѣлался идеаломъ пріисковъ. А прежде не очень много обращали вниманія на подобные пріиски. Самъ открыватель Гавриловскаго пріиска, покойникъ Гаврила Мошаровъ, говорилъ мнѣ, что не придавалъ прежде важнаго значенія этому пріиску, а рвался къ такимъ, гдѣ содержаніе золотника четыре.

Дѣло основалось на томъ, чтобы усилить сколько возможно промывку песковъ и такимъ образомъ бѣдность содерянія золота наверстать количествомъ промываемыхъ песковъ.

Для достиженія этой цѣли, нужно было:
во первыхъ, улучшить способы промывки, введеніемъ усовершенствованныхъ промывальныхъ машинъ, на которыхъ возможно бы было промывать огромное количество песковъ;
во вторыхъ, замѣнить, гдѣ возможно, людей механизмами и лошадьми; и
въ третьихъ, удешевить стоимость рабочаго, усиливъ конкуренцію между ними, нанимая людей изъ Западной Сибири и даже изъ Европейской Россіи, и улучшивъ хозяйственную часть пріиска.

Три задачи эти были блестательно разрѣшены енисейскими золотопромышленниками. Промыселъ получилъ прочное основаніе, пересталъ быть случайностью и сдѣлался совершенно пра-

вильною промышленностию, основаною преимущественно на строгомъ и точномъ расчетѣ.

Разумѣется, и теперь случаются и промахи и нерасчетливость и вслѣдствіе того убытки, и даже огромные убытки; но, повторяю, общий характеръ дѣла потерялъ свойства игры, и въ убыткахъ теперь, въ большей части случаевъ, золотопромышленникъ долженъ винить только самого себя или своего управляющаго.

Въ техническомъ отношеніи, отъ важгерта и бутары постепенно переходили къ чашѣ, боронѣ и, наконецъ, къ бочкѣ, на которой можно промывать до тридцати пяти и даже болѣе тысячи пудъ песковъ въ день. На нѣкоторыхъ пріискахъ устроено по нѣскольку такихъ бочекъ. Подвозку песковъ къ машинѣ производятъ не на тачкахъ, въ которыхъ вмѣщается не болѣе трехъ пудъ, а на таратайкахъ, вмѣщающихъ двадцать пять и болѣе пудъ песковъ. Таратайки придумали чрезвычайно удобныя для свалки пес-

ковъ. Есть, наконецъ, пріиски, на которыхъ построены желѣзныя дороги съ вагонами вмѣсто таратаекъ.

Развѣдывая розыпи основательно и будучи, такимъ образомъ, обеспечены въ возможности разрабатывать пріискъ многіе годы, не боятся затрачивать огромные капиталы на различныя, иногда весьма сложныя, устройства, увеличивающія производительность человѣческой руки.

Понятное дѣло, что нигдѣ механика не можетъ найти столь выгоднаго примѣненія, какъ въ пріискѣ, ибо нигдѣ замѣна всякой живой силы механизмомъ не представляетъ такой разительной выгоды, по дороговизнѣ содержанія рабочаго и лошади.

Развѣдка пріиска производится вынче гораздо тщательнѣе, и если и случаются промахи, то виноваты въ этомъ собственная неосторожность или ужъ какое нибудь особенное несчастье, что случается рѣдко.

Хозяйственная часть на пріискѣ тоже улучшена значительно. Составляются точные подробные сметы какъ расходамъ, такъ и работамъ. Все расчитано на годъ впередъ: и количество нужныхъ припасовъ и число рабочихъ и лошадей и количество работы, которую они выполнить; расчитано время, потребное на выполнение каждой части операций; определено заранѣе количество турфовъ, которое нужно вскрыть; количество песковъ, предполагаемыхъ къ промыvkѣ; наконецъ, даже количество золота, которое будетъ къ 10 сентябрю сыпано въ банки. За исключениемъ какихъ либо случайностей, которыхъ ни наука, ни опытъ устранить не могутъ, золотопромышленникъ можетъ вести дѣло расчитанно и вѣрно, т. е. расчитать заранѣе свой расходъ и определить размѣръ барыша; если же промахнется, то въ большей части случаевъ виноватъ самъ. Есть розсыпи съ содержаниемъ столь постояннымъ, что хозяева

ихъ, живя гдѣ нибудь въ Парижѣ, могутъ сказать, что въ теченіи такой то недѣли у нихъ добыто столько то пудъ золота, или около того.

Теперь, бирки, счетъ по пальцамъ, записыванье мѣломъ крестовъ и палочекъ на стѣнѣ— давно брошены. А я еще засталъ золотопромышленниковъ, которые считали составленіе смѣты какимъ то грѣхомъ, приносящимъ несчастіе. Я зналъ два пріиска, на которые товары завозились безъ смѣты, а по поговоркѣ— вали больше! все уйдетъ... и на которыхъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ не могли употребить въ дѣло желѣза, завезеннаго вначалѣ.

Теперь проведены хорошія дороги на пріиски, покрайней мѣрѣ къ лучшимъ пріискамъ, какъ, напримѣръ, на сѣверную систему Енисейскаго округа проведено четыре дороги отъ различныхъ пристаней на берегу Енисея. А прежде случалось, что отъ бездорожья, да отъ бирокъ, приходилось возить припасы лѣтомъ на выюкахъ, и

я знаю случай, что каждый пудъ овса обошелся въ 10 цѣлковыхъ.

Въ отношеніи распорядка работъ сдѣланъ также большой шагъ впередъ, въ сущности весьма выгодный, какъ для хозяина, такъ и для рабочаго.

Жалованье рабочему по контракту, какъ было опредѣлено съ самаго начала золотопромышленности, по три рубля въ мѣсяцъ, такъ осталось и до сихъ поръ. Само собою разумѣется, что этимъ ничтожнымъ жалованьемъ не ограничивается плата рабочему. Кто же пойдетъ работать въ тайгу за три рубля? При заключеніи контракта, ни рабочему, ни нанимателю и въ голову не приходитъ торговаться объ этой платѣ. Всякій понимаетъ очень хорошо, что вся суть заключается не въ мѣсячномъ жалованьи, а въ такъ называемомъ *стараны*.

За три рубля жалованья и за свое содержаніе на пріискѣ, рабочій обязанъ выработать

ежедневно (кромъ праздниковъ и воскресеній) — опредѣленный урокъ. Урокъ этотъ обыкновенно успѣваютъ кончить до паужина, а при дружной артели даже и къ обѣду; остальную часть дня рабочій *стараєтсѧ*, т. е. работаетъ на себя. Всякій рабочій *обязанъ* стараться, хочешь не хочешь, а старайся. Такой обязательный трудъ есть крайняя необходимость, какъ для рабочаго, такъ и для хозяина, и сами рабочіе понимаютъ это такъ хорошо, что спорить очень рѣдко, и старательская работа производится даже во всѣ праздничные дни, кромъ трехъ первыхъ дней праздника Христова Воскресенія, да еще праздника Ильи пророка. Въ этотъ день рабочіе боятся, чтобы ихъ не убило громомъ, если будутъ работать; однакоже, высокая старательская плата, съ прибавкою стакана вина, успѣваетъ разсѣивать даже и этотъ страхъ. Очень рѣдко, и только въ такомъ случаѣ, если рабочіе находятся въ сильныхъ неладахъ,

дахъ съ пріисковымъ управлениемъ, они отказываются стараться въ праздники и такимъ образомъ наносятъ страшный убытокъ и себѣ, лишаясь высокой праздничной платы, и хозяину, для которого время дороже всего. Вѣдь капиталъ затраченъ, машины построены, лошадей и людей надо кормить, къ довершенню всего — промывка продолжается всего съ небольшимъ 100 дней, и вдругъ работа стоитъ въ праздникъ! Вотъ и еще причина, по которой надобно хорошо содержать рабочаго (*) и вообще не обижать его; вѣдь рабочие знаютъ очень хорошо, что по закону имѣютъ право

(*) Рабочему даютъ, на пріискѣ, фунтъ мяса, кашу съ масломъ, щи и проч. Табакъ, чай, одежду онъ покупаетъ на свой счетъ и покупаетъ по очень дорогой цѣнѣ. Цѣнѣ эта установилась въ старые годы и остается почти неизмѣнною. Я совѣтовалъ бы золотопромышленникамъ подумать объ этомъ и не барышничать въ столь мелкомъ дѣлѣ. Если дѣло идетъ хорошо, то это такая мелочь, объ которой не стоитъ и разговаривать; если же худо — то вѣдь этимъ не поправишь; а между тѣмъ это вредить рабочему и даетъ весьма сираведливый поводъ упрекать золотопромышленниковъ.

не работать въ праздникъ. Такимъ образомъ взаимныя выгоды улаживаются дѣло, и, повторяю, нѣтъ такого пріиска, на которомъ не работали бы въ праздникъ.

И такъ, для рабочаго главное — старанье, да и для хозяина оно составляетъ весьма значительную часть общей суммы работы.

Въ первый періодъ золотопромышленности старательскія работы производились, во первыхъ, *въ одиночку*; во вторыхъ, *на золотъ*, т. е. по окончаніи хозяйствской урочной работы, всякому рабочему дозволялось выбрать себѣ мѣстечко и промывать пески отдельно про себя. Добытое такимъ образомъ золото, рабочій обязанъ былъ сдавать въ контору, гдѣ ему платилось отъ двухъ съ полтиной ассигнаціями до рубля серебромъ за золотникъ; впослѣдствіи цѣна эта и еще увеличивалась подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ.

Такой порядокъ старательскихъ работъ былъ

вреденъ и для рабочаго и для хозяина. Для рабочаго, старанье, изъ правильнаго и вѣрнаго источника добыть деньги, обращалось въ азартную игру: напаль удачно на богатое мѣстечко — пропасть денегъ; промахнулся — проработалъ даромъ. Хозяинъ тоже терпѣлъ отъ такого порядка: рабочіе разбредутся по разрѣзу и старайтесь выхватывать мѣстечки побогаче, изрываютъ разрѣзъ и тѣмъ нарушаютъ правильное веденіе работы. Кромѣ того, вся сила механиз-
мовъ, все дорого стоящее устройство пропадали безъ всякой пользы, стояли неподвижно во время старательской работы, ибо рабочій промывалъ пески не на машинѣ, а каждый отдельно, про себя, гдѣ нибудь на важгерѣ, или небольшою артелью на бутаркѣ. Понятно, какъ велика была напрасная трата силы и силы столь дорого стоящей въ тайгѣ. Данною силою и въ данное время работы производилось въ нѣсколько разъ меньше.

Наконецъ, кража золота, при стараньи на золотъ (т. е. когда рабочему платится пропорціонально привезенному имъ въ контору золоту:) и въ одиночку, достигла баснословныхъ размѣровъ. Кража эта породила странный фактъ: хозяинъ краденой вещи самъ покупалъ ее у вора! На каждомъ пріискѣ назначался особый ловкій приказчикъ для покупки, вечеромъ и ночью, у своихъ же рабочихъ, золота, украденного ими изъ разрѣза хозяина, во время работъ. Мало кто рѣшался схватить вора и судить его военнымъ судомъ, ибо тогда все украденное золото было бы продано на сосѣдній пріискѣ. Произошло это такимъ образомъ: въ старые годы (да и теперь еще это водится кое гдѣ) золотопромышленники не считали за грѣхъ покупать золото (*), украденное у сосѣда. Кромѣ того ра-

(*) Для объясненія этого факта, скажу, что золото стоитъ больше 3 р. 50 к., за золотникъ, а цѣна его отъ рабочихъ не превышаетъ 1 р. 50 к.

бочіе могли унести съ пріиска и продавать его въ городахъ Енисейскѣ, Красноярскѣ и другихъ, гдѣ торговля краденымъ золотомъ производилась въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Перекупленное такимъ образомъ золото сбывалось въ Кяхту, Семипалатинскѣ, на ярмаркахъ Ирбитской и Нижегородской и даже въ Петербургѣ и Москвѣ. Было время, когда такая покупка золота у сосѣда считалась не воровствомъ, а просто торговлей, въ которой не только не стыдились сознаваться, но еще и хвастались ловкостію, съ которой она производилась.

Мнѣ разсказывали множество фактовъ въ родѣ нижеслѣдующихъ: одинъ золотопромышленникъ, имѣя въ своемъ распоряженіи плохинъкій пріискъ, но въ сосѣствѣ съ богатыми, ставилъ небольшія работы единственно съ цѣлью скупить золото и показывать его намытымъ на своемъ пріиске. Онъ запасся спир-

томъ и разными другими привлекательными для рабочаго товарами и покупалъ золото баснословно дешево, а именно золотникъ золота за стаканъ спирту. Вѣдь это выгоднѣе, чѣмъ Клико или Токайское. Злые языки увѣряли, будто золотопромышленникъ этотъ былъ въ компаніи съ исправникомъ.

Полицейскіе чиновники обязаны, разумѣется, прекращать зло; установлено правило, по которому спиртъ на пріискѣ можетъ быть прозвезенъ не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора и только въ опредѣленномъ, по числу рабочихъ, количествѣ. Но всѣ эти мѣры остаются дѣйствительными только на бумагѣ: какъ услѣдить за подобнымъ дѣломъ даже и въ томъ случаѣ, если услѣдить захотятъ? а ужъ если не захотятъ, то и говорить нечего.

Мнѣ рассказывали также случай, какъ одинъ золотопромышленникъ попался исправнику съ тремя пудами перекупленаго воровскаго зо-

лота, и такъ какъ за это предстояло лишеніе правъ состоянія и ссылка, то откупился сотнею тысячъ рублей на ассигнаціи. Тогда счетъ былъ еще ассигнаціонный.

Знаменитый таёжный Наполеонъ Г. Ф. М....ъ самъ разсказывалъ мнѣ про себя слѣдующую штуку: работалъ онъ пріискъ и такъ сильно покупалъ украденное у сосѣдей золото, чтососѣди наконецъ остервенились и, посовѣтавшись съ горнымъ ревизоромъ, рѣшились примѣрно наказать Наполеона, хотя сами дѣлали тоже, что и онъ, только ловкости той не хватало.

Подослали рабочаго съ обѣщаніемъ принести золото вечеромъ, расчитывая накрыть таёжнаго Наполеона въ то время, какъ онъ будетъ покупать принесенное золото. Но не на такого напали! Наполеонъ пронюхалъ штуку, сообразилъ все и рѣшился съ своей стороны наказать враговъ.

— Много ль у тебя?

— Да фунтика два побольше будетъ.

— Э, братъ, проваливай!... нѣтъ, ты прінеси фунтовъ десять, такъ куплю, а изъ двухъ фунтовъ и разговаривать не стоитъ. Убирайся откуда пришелъ.

Рабочій воротился на свой пріискъ и сообщилъ управляющему Василію Семеновичу свой разговоръ съ М..... Собрали совѣтъ, долго дебатировали вопросъ и наконецъ порѣшили дать 10 фунтовъ изъ банки Василія Семеновича.

Василій Семеновичъ, зная твердо Наполеона Федоровича и предчувствуя бѣду, отнѣкивался всячески, но общественное мнѣніе превозмогло; къ тому же, на радости, что придумали такой ловкій планъ, шампанского выпили гибель.

По предварительному соглашенію, рабочій принесъ 10 фунтовъ золота въ то время, когда нашъ Наполеонъ сидѣлъ въ конторѣ и

принималъ отъ своихъ рабочихъ старательское золото. Рабочій подошелъ.

— Сколько? шепнулъ М.....ъ.

— Десять фунтовъ, хоть и не вѣсьте.

М.....ъ вдругъ схватилъ золото и высыпалъ въ банку.

— Ты кто таковъ?

— Я... я... я? Рабочій оторопѣлъ.

— Ты кто таковъ? зачѣмъ сюда попалъ?!
грозно заревѣлъ М.....ъ. Ребята!... чужой,
воръ!... бери его варнака!... бери!!...

Рабочаго схватили. Въ ту же минуту вошли горный ревизоръ и всѣ соседи. Они надѣялись сконфузить, озадачить Гаврилу Федоровича и внезапнымъ появленіемъ и прочею обстановкою, а главное шампанскаго было выпито не вмѣру, а вѣдь оно, какъ известно, придаетъ человѣку излишнюю храбрость и подвигаетъ на такія дѣла, на которыхъ онъ никогда не рѣшился бы въ трезвомъ видѣ.

Но бывалъ Наполеонъ и не въ этакихъ передѣлкахъ!

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, обратился онъ къ ревизору, чужой мошенникъ зачѣмъ-то забрался; должно быть золото краденое привнесъ, да вѣдь я не изъ такихъ!... ни, ни!... Боже сохрани.

— Однакожъ, Гаврила Федоровичъ, вѣдь онъ понесъ сюда 10 фунтовъ, а теперь золота при немъ нѣтъ. Куда же оно дѣвалось?

— Должно на дорогѣ припряталъ, варнакъ. Десять фунтовъ?... а вы то, ваше высокоблагородіе, почему знаете, что понесъ?

Ревизоръ уже видѣлъ, что оплошали, но сдаваться не хотѣлось; сталъ подыматься на штуки.

— Какъ зототцо сегодня, Гаврила Федоровичъ? (*)

(*) Золото записывается въ шнуровую книгу и ревизоръ имѣть право какъ проверять книгу, такъ и перевѣшивать золото.

— Слава Богу, Иванъ Павлычъ; посылаетъ Господь по грѣхамъ и немощамъ нашимъ.

— А много ли?

— Одначе фунтовъ тридцать будетъ.

— Что такъ много? у васъ больше 20 фунтовъ не мыли.

— Богъ послалъ, мѣстечко такое вышло. Неизрѣченны суть милости Всевышняго.

— Странно!... не правда ли, господа?

— Странно, очень странно, заговорили со-сѣди.

М.....ъ окинулъ ихъ грознымъ взглядомъ.

— Ничего нѣть странаго!... на милость образца нѣть. А вотъ, продолжалъ онъ, воз-выся голосъ и поражая Василія Семеновича юпитеровскимъ взглядомъ, я имѣю доказательства, что у г. Василія Семеновича К....а дѣлаются всякія противузаконія: золото въ книгу, выданную отъ правительства, шнурковую, за печатями, записывается неправильно; десяти

фунтовъ не хватаетъ; а за это знаете что по военному суду?... Имѣю честь донести о семъ вашему высокоблагородію, при свидѣтеляхъ, и покорнѣйше прошу всѣмъ присутствіемъ, какъ есть, отправиться въ контору Василья Семенова сына К....ва, освидѣтельствовать золото и судить его по всей строгости законовъ.... Да-съ!

Мертвое молчаніе. Василій Семеновичъ врость въ землю. Смѣлость выходки поразила присутствующихъ, и — о! превратность человѣческихъ мнѣній и подлость человѣческой натуры — сочлены Василія Семеновича по совѣту, поджигавшіе его дать 10 фунтовъ, забывъ свои слова и свои собственные убытки, орали: свидѣтельствовать, свидѣтельствовать!

М..... сжалілся надъ несчастнымъ и шепнулъ ему: два ящика шампанскаго поставиши?

— Хоть три.

Кончилось, разумѣется, безобразнѣйшей по-пойкой.

Подобныхъ примѣровъ можно бы привести сотни. Кража золота была неизбѣжнымъ и неотвратимымъ послѣствiемъ старательскихъ работъ въ одиночку и на золнѣ. Никакiе на-истройшiе законы, ни военпый судъ и т. п. не помогали и не могли помочь. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, услѣдить за рабочимъ и помѣшать ему красть золото? сотни рабочихъ разбредутся по разрѣзу, каждый промываетъ про себя, въ контору несетъ сколько вздумалось, а остальное въ карманъ, или за голенище, и ночью на сосѣднiй прiискъ.

Говорятъ, бывали артисты, которые — послѣ тяжелаго труда въ теченiи цѣлаго дня — ночью успѣвали снести золото за пятнадцать верстъ, воротиться къ зарѣ и опять работать!

Понятно, что при такомъ положенiи вещей, единственнымъ средствомъ прекратить продажу золота въ постороннiя руки было покупать собственное свое золото, украденное своими

же рабочими, платя немножко дороже, чѣмъ платятъ въ конторѣ за старательское золото. Но понятія измѣнились: нынче покупка золота съ чужого пріиска считается просто воровствомъ и ею, по крайней мѣрѣ, хоть не хвастаются какъ ловкостю. И старики золотопромышленники уступили духу времени и многіе, въ особенности въ Енисейскомъ округѣ, перестали покупать золото съ чужого пріиска. Замѣчательно, что перемѣна понятій совершилась прежде всего именно тамъ, гдѣ золотопромышленное дѣло производится съ наибольшимъ умѣniемъ и знаніемъ т. е. на большихъ пріискахъ, гдѣ были введены лучшія машины и прочія устройства. Именно тамъ впервые стали пренебрегать воровскимъ золотомъ. Видно, цивилизациѣ дѣйствуетъ!

У меня былъ сосѣдъ старикъ и я, приступая къ разработкѣ, готовился вмѣстѣ съ тѣмъ

и къ потерямъ отъ перекупа золота, но ста-
рикъ сказалъ мнѣ:

— Золото не станешъ покупать?

— Не стану.

— Не врешь?

— Не вру.

— Ну и я не стану.

Удалили по рукамъ и выпили; и точно не
покупалъ.

Но золотопромышленники нашли средство
если не вовсе прекратить кражу золота (что и
невозможно), то сократить ее до возможно
меньшихъ размѣровъ, средство гораздо болѣе
дѣйствительное, чѣмъ измѣненіе нравовъ и по-
нятій, а равно и карательные мѣры, предста-
вляемыя закономъ.

Золотопромышленники приѣгли къ средству,
которое принесло важные результаты и не въ
отношениі только прекращенія кражи золота:
старанье въ одиночку и на золотѣ было замѣ-

нено платою съ выработанной кубической мѣры песковъ и турфовъ.

Само собою разумѣется, что мѣра эта была введена не вдругъ и не вездѣ: сначала отмѣнили старанье въ одиночку, сохранивъ старанье на золотѣ, т. е. рабочіе по окончаніи хозяйстваго урока производили промывку песковъ не въ одиночку и не каждый про себя, а всѣ вмѣстѣ, на машинѣ. Добытое такимъ образомъ золото дѣлилось между всѣми рабочими. Потомъ пошли далѣе и вовсе отмѣнили разсчеты по количеству добытаго золота, а стали расчитываться по количеству выработанной земли. Впрочемъ есть и теперь еще пріиски, на которыхъ стараются не только на золотѣ, но и въ одиночку. Съ старыми привычками разстаются не скоро, да и кромѣ того нѣкоторые изъ управляющихъ не замѣняютъ старый порядокъ новымъ потому, что видятъ въ этомъ свою личную выгоду. Но на большей части

пріисковъ, въ особенности же въ Енисейскомъ округѣ, который далеко опередилъ всѣ другіе, давно уже введенъ новый порядокъ.

Результаты были крайне полезны:

Во первыхъ, для рабочаго работа перестала быть игрою: мало ли, много ли золота окажется въ выработанной имъ землѣ, онъ все таки получаетъ свое. Промахнулся хозяинъ — повель разрѣзъ не туда куда слѣдовало, или поставилъ работы на такомъ бѣдномъ пріискѣ, который не стоитъ вовсе разработки, онъ одинъ и отвѣчаетъ за свой промахъ, а рабочій, не участвуя въ большихъ барышахъ, не страдаетъ и при убыткахъ. Правда, прекратились баснословные зарплатки, но они сдѣлались равномѣрнѣе и вѣрнѣе.

Во вторыхъ, при стараніи на машинѣ, всѣми вдругъ, когда старательская работа есть только прямое и непрерывное продолженіе урочной,

нисколько не разнящаяся отъ нее въ средстvахъ производства, — не теряется увеличеніе производительности человѣческой руки посредствомъ машинъ и прочихъ приспособленій. Разрѣзъ (*) уже не уподобляется (какъ это было прежде и какъ оно есть еще на нѣкоторыхъ пріискахъ) полю, обрабатываемому заступомъ въ то время, какъ есть подъ рукой плуги.

Въ третьихъ, кража золота при общемъ

(*) Кстати скажу поподробнѣе что такое разрѣзъ: это — широкій ровъ, въ которомъ производятся работы. Ровъ вырывается до почвы. Сначала снимаютъ верхній пустой слой земли (турфъ) во всю ширину золотоносной розсыпи; потомъ берутъ золотоносный пластъ, начиная съ одного конца, и гонятъ разрѣзъ впередъ, обыкновенно вверхъ по теченію рѣчки, пробѣгающей по площади. Если турфъ и пластъ толсты, то разрѣзъ ведется въ нѣсколько ярусовъ, уступами, чтобы бока не обваливались. Бока разрѣза называются *бортами*, а отдѣленія пласта, отмѣриваемыя на артель рабочихъ, — *забоями*, отчего и люди получили название *забойщиковъ*. При промывкѣ на бочекъ, забойщиковъ, вмѣстѣ съ вощиками песковъ, галечниками, эфельниками и прочею прислугою при машинѣ, выходитъ по

старанъ на машинѣ сократилась чрезвычайно. Теперь крадеть только пріисковая аристократія, т. е. промывальщики, иногда машинистъ и приказчики, да еще управляющій, если попадется ужъ такой отчаянныи воръ, что бываетъ, впрочемъ, весьма и весьма рѣдко. Илебеямъ, толпѣ рабочихъ красть нельзя. Пусть читатель вообразитъ одинъ золотникъ золотого порошку, разсыпанымъ во 100 пудахъ песку, и онъ пойметъ, что золота въ пескѣ вовсе не

три человѣка на кубическую сажень, а она заключаетъ въ себѣ 1200 пудъ, и такъ рабочій можетъ съ помощью машины промыть въ день до 400 пудъ песковъ. Послѣ этого читателю дѣлается понятнымъ, что разсыпь съ содержаніемъ въ одинъ только золотникъ золота отъ 100 пудъ песковъ можетъ считаться огромнымъ богатствомъ. Машина ставится въ самомъ разрѣзѣ и приводится въ движеніе водянымъ колесомъ въ родѣ мельничнаго, или паровою машиной, если воды мало и хватаетъ только собственно на промывку; или, наконецъ, лошадьми. Разрѣзовъ бываетъ иногда нѣсколько на одномъ и томъ же пріискѣ, и каждый называется становъ; отсюда название станової, т. е. приказчикъ, завѣдующій становъ.

видно простымъ глазомъ. Пески засыпаются въ машину и за тѣмъ промываются окончательно промывальщиками, которые одни и пользуются привилегіею кражи; промывальщиковъ же всего три-четыре при бочкѣ, да и то нужны разные, не для всякаго доступные пріемы, напримѣръ — намазываніе подошвъ саломъ, западни съ крышечками въ сапогахъ и т. п.; словомъ, ремесло кражи золота потребовало фокуснической ловкости, а она дается не всякому. Выдаются конечно на иныхъ пріискахъ такія богатыя мѣстечки, гдѣ золото видно простымъ глазомъ и рабочему стоять украсть шапку такихъ песковъ, чтобы получить полъ золотника золота. Но вѣдь такія мѣстечки составляютъ рѣшительное исключеніе и наблюдаютъ за ними во всѣ глаза.

Описанный мною теперь второй періодъ золотопромышленности можно, въ его главнѣйшихъ чертахъ, охарактеризовать слѣдующимъ

образомъ: приложеніе къ разработкѣ золотыхъ розсыпей капитала и искусства; усиленная промывка песковъ, удешевленіе рабочей силы и, наконецъ, какъ слѣдствіе всего этого — *разработка бѣдныхъ розсыпей*.

Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ появленія золотого промысла въ Сибири, рабочій мыль песковъ далеко менѣе 100 пудъ въ день; теперь, на бочкѣ, онъ моетъ 400, а иногда и болѣе пудъ песковъ.

Понятно, слѣдовательно, что можно было приступить къ разработкѣ бѣднѣйшихъ розсыпей. И дѣйствительно, теперь — при выгодныхъ условіяхъ, т. е. при тонкомъ турфѣ и толстомъ пластѣ, при промывистыхъ пескахъ и прочая, можно, во многихъ мѣстахъ Енисейской губерніи, разрабатывать розсыпь съ содержаніемъ въ полъ-злотника золота отъ 100 пудъ песку. Къ Сѣверу, на слишкомъ удаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ пріискахъ, ко-

нечно это еще невозможнo, но за то есть мѣста, гдѣ содержаніе золота можетъ быть даже меньше полузолотника.

Конечно, бѣдныхъ розыпей находятъ вдеятеро, во сто разъ болѣе, чѣмъ очень богатыхъ, и слѣдовательно при возможности разрабатывать бѣдные розыпи, золотой промыселъ сталъ на болѣе широкое и прочное основаніе.

Нижеслѣдующій фактъ подкрѣпить еще болѣе такое заключеніе: многіе старые пріиски, на которыхъ давно уже, еще въ первый пе-ріодъ, не только выхвачена богатая полоса розыпи, но даже и борта выработаны значи-тельно, — пробавляются теперь промывкою пе-сковъ, отзившихся прежде въ турфовые от-валы, скребутъ кое-гдѣ борта, перемываютъ ефельные и галечные отвалы, уже прошедшіе всю операцию промывки, но заключающіе въ себѣ золото, ибо прежніе способы промывки были крайне несовершены и допускали значи-

тельный сносъ золота, которое и извлекается теперь перемывкою.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ явилась въ Енисейской губерніи новая золотопромышленная компанія, владѣвшая большимъ числомъ пріисковъ. Она имѣла громадныя денежныя средства и отъ нее по справедливости ожидали, что она доведетъ систему усиленной промывки бѣдныхъ розсыпей еще до лучшаго положенія. Но къ крайнему сожалѣнію, надежды эти не оправдались, какъ по случаю разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ, можетъ быть, и отъ излишней горячности распорядителей, далеко увлекшихся руководившею ихъ мыслю, и по другимъ причинамъ, объяснять которыхъ считаю неумѣстнымъ въ моей книгѣ. Такимъ образомъ компанія вынула много золота безъ всякой для себя пользы; напротивъ, убытки ея простирались, говорятъ, до двухъ миллионовъ рублей. Съ другой стороны,

рабочіе, торговля, промышленность, земледѣлье, вообще край не пострадали, если только не считать за вредъ того обстоятельства, что рынокъ вдругъ увеличился неестественно и слѣдовательно долженъ будетъ сократиться, когда компанія, образумленная убытками, вынуждена будетъ уменьшить размѣры своихъ операций, что она, говорятъ, уже и дѣлаетъ.

Само собою разумѣется, что переходъ отъ первого періода золотопромышленности ко второму, т. е. отъ разработки богатыхъ розсыпей къ системѣ усиленной промывки бѣдныхъ песковъ, — совершился не вдругъ. Трудно провести, даже и приблизительно, черту ихъ разграничитывающую.

Надо замѣтить, что появлению мысли о преимуществахъ розсыпей, хотя и бѣдныхъ содержаниемъ, но широкихъ, длинныхъ и постоянныхъ, предшествовало изподвольное подготовленіе средствъ разрабатывать ихъ. Собственно

говоря, только подготовленіе этихъ средствъ и могло породить самую мысль, т. е. видя возможность промывать огромное количество песковъ, убѣдились опытомъ въ возможности разрабатывать бѣдныя розсыпи.

Не знаю съ точностью, до какой степени совершенства были доведены въ то время способы промывки на Уралѣ и въ другихъ мѣстахъ, но въ Енисейской губерніи средства, давшія возможность разрабатывать бѣдныя розсыпи, подготовлены на пріискахъ богатыхъ, которые вначалѣ могли обходиться и безъ этихъ усовершенствованныхъ способовъ. Въ прежнее время почти на всѣхъ пріискахъ начинали съ того, что разрѣзъ вели только въ ширину богатой полоски розсыпи. Самая сила обстоятельствъ вынуждала золотопромышленниковъвести работы такимъ порядкомъ, который теперь считается очень нерасчетливымъ и къ тому же запрещенъ закономъ: людей капитальныхъ между

золотопромышленниками въ то время было очень мало, и естественно, что всякий старался заручиться поскорѣе капиталомъ, для чего и выхватывалъ богатѣйшее мѣсто. Что касается до запретительного закона, то его конечно обходили, при помощи всѣмъ извѣстныхъ средствъ. Здѣсь, какъ и везде, отъ несоответственнаго обстоятельствамъ закона, спасались взятками. Но выработавъ богатую полоску, невольно приступали къ разработкѣ ея боковъ или бортовъ и другихъ менѣе богатыхъ мѣстъ. Я говорю *невольно*, ибо содержаніе золота въ этихъ мѣстахъ было таково, что найди золотопромышленникъ розсыпь съ такимъ содержаніемъ въ тѣ времена, онъ обошелъ бы ее, не обративъ вниманія, не сталъ бы ставить работъ, строить зданій, вести канавъ и прочая, считая, что не стоитъ того, а пошелъ бы дальше искать счастья. Но разъ заведя уже все это для богатой полосы,* золотопромышленникъ, за не-

имъніемъ лучшаго золота, постепенно свыкался съ мыслю промывать не только борта, но даже и верхніе слои пласта, которые прежде свозились въ отвалъ; даже сталь перемывать ефеля и гальку; словомъ, сталь — какъ выражаются на пріискахъ — «мыть отвалы». — Не бросать же было всего пріисковаго устройства, когда былъ уже, въ распоряженіи хозяина, свободный капиталъ и когда можно было все таки извлечь хорошую выгоду, хотя и несравненно меньше прежней. И прежде уже думали объ усовершенствованіяхъ, но когда дошли до перемывки отваловъ, усовершенствованія эти сдѣлались насущною необходимостью; иначе игра не стоила бы свѣчъ. Да къ тому же и денегъ скопилось пронасть, многіе сдѣлались богачами и стали довольствоваться и небольшими процентами, вродѣ 25 копѣекъ на рубль.

Не знаю навѣрное гдѣ и кто первый сталъ вводить значительныя усовершенствованія, но

знаю, что до отличного состоянія, которое и до сихъ поръ остается едва ли не образцо-вымъ, пріисковое устройство было доведено г. Токаревымъ на пріискахъ сѣверной системы Енисейскаго округа.

Передъ самымъ отъездомъ моимъ изъ Сибири появился тамъ новый способъ разработки, известный подъ названіемъ Пакулевскаго или Американскаго. Не смотря на крайнія неудачи, обыкновенно сопровождающія всякое новое дѣло, я убѣжденъ, что способу этому суждено произвести рѣшительный переворотъ не только въ технической сторонѣ дѣла, но въ самомъ характерѣ золотаго промысла и даже въ золотопромышленномъ законодательствѣ.

Какъ ни велики достоинства системы усиленной промывки бѣдныхъ розсыпей, однако жъ система эта заключаетъ въ себѣ и весьма важные недостатки, изъ которыхъ главнѣйший и вреднѣйший состоитъ въ томъ, что въ большей

части случаевъ, для занятія золотымъ промысломъ требуется теперь значительный капиталъ.

Дѣло стало въ такое положеніе, что въ настоящее время, безъ значительного капитала, нечего и соваться въ золотой промыселъ.

Бывало, къ поискамъ золота приступали съ самыми ничтожными средствами, теперь приступить къ поискамъ золота безъ значительного капитала все равно, что играть въ лотерею. Кроме мѣстъ самыхъ неприступныхъ по своей отдаленности или другимъ препятствіямъ, тайга Енисейской и Иркутской губерній вся испробована на пространствѣ тысячу верстъ. Рѣчка, ключъ, логъ, на которыхъ не выбито шурповъ, теперь — истинная рѣдкость. Щедшъ по тайгѣ, да только подумываешь: посѣяно же тутъ кредитныхъ билетовъ! Слѣдовательно, всѣ мѣстности сколько нибудь доступныя человѣку съ незначительнымъ капиталомъ, т. е. такія, гдѣ разведка стоитъ не очень дорого, —

давно

*

уже заявлены и разрабатываются. Теперь остались только мѣста, къ которымъ уже приступались, да не даются; доступныя не труду только, хотя бы самому искусному и энергическому, а капиталу и большому капиталу, ибо золото залегаетъ въ нихъ на значительной глубинѣ, или притокъ воды въ шурфахъ такъ силенъ, что требуетъ большого числа рабочихъ для откачки. Кому известна стоимость рабочаго въ поисковой партии, гдѣ все — одежда, продовольствие, инструменты, помпы, всякий гвоздь и кусокъ кожи, даже важгерть со всѣми принадлежностями — возятся на выюкахъ, тотъ пойметъ, что основательное исканіе золота доступно теперь только богачу; для человѣка же небогатаго это чистая азартная игра. Тутъ авось играетъ самую важную роль.

Наконецъ, пріискъ найденъ и надобно приступить къ разработкѣ. Прежде и на это не требовалось очень большихъ средствъ: дѣло ве-

лось кое-какъ, пріисковыя машины и прочія устройства были очень просты. Правда, рабочій песковъ промывалъ очень мало, но за то пески эти были очень богаты содержаніемъ золота; золотопромышленникъ все таки получалъ баснословный барышъ и очень скоро изъ человѣка съ самыми ограниченными средствами дѣлался богачемъ. Теперь не то. Большая часть богатыхъ содержаніемъ золота розсыпей давно выработаны; теперь приходится выѣзжать преимущественно на количество промытыхъ песковъ, а для этого потребовались и машины и прочія дорого стоющія устройства; словомъ, нуженъ значительный капиталъ.

Слова эти могутъ показаться противорѣчащими тому, что говорилъ я въ первой части моего сочиненія, сравнивая золотой промыселъ съ разработкою другихъ металловъ; но тогда я говорилъ сравнительно. Капиталъ нужный золотопромышленнику вообще все таки меньше,

чѣмъ капиталъ, потребный для желѣзного или серебро-свинцового завода; къ тому же условія золотого промысла должны измѣниться вскорѣ, о чѣмъ я буду говорить ниже.

Наконецъ, описываемая мною система усиленной промывки бѣдныхъ розсыпей требуетъ известнаго числа рабочихъ и не менѣе, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Есть такие пріиски, на которыхъ коли поставилъ пятьсотъ рабочихъ — хороший барышъ; поставилъ двѣсти — убытокъ. Поставилъ число рабочихъ меньше требуемаго условіями мѣстности, и не справился ни съ рѣкою, ни съ другими приготовительными работами: турфа ко времени не вскрыты, песковъ не хватаетъ; смотришь къ 10 сентябрю въ банкѣ — пустота.

Только весьма немногія розсыпи, расположенные необыкновенно счастливо, избѣгаютъ такой необходимости, да и то не совсѣмъ; все таки требуется известное число рабочихъ,

чтобы прісковой механизмъ двигался правильно, не останавливалась и не разстраиваясь. Положимъ, что бочка промываетъ въ день 25,000 пудъ; все таки нужно рабочихъ, съ разночинцами, не менѣе ста человѣкъ, и за тѣмъ почти никого не остается для вскрыши турфовъ. Промывать меныше 25,000 пудъ опять не разсчетъ, хотя и можно. Употреблять же бутары и прочие способы прежняго времени невозможно по бѣдности содержанія золота. Повторяю, теперь весь расчетъ основанъ на томъ, чтобы при томъ же числѣ рабочихъ промывать песковъ какъ можно больше, а для этого нужны машины и прочія устройства, т. е. сильный капиталистъ.

Кромѣ того, какъ ни много понижено содержаніе золота, требующагося для производительной разработки (при системѣ усиленной промывки) тѣмъ не менѣе содержаніе это все таки мало гдѣ ниже полузолотника золота во ста пудахъ песку.

Вотъ причины, по которымъ въ послѣдніе годы многіе пришли къ убѣжденію, что золотой промыселъ падаетъ и скоро покончить свое существованіе. Я думаю, что это ошибка: я убѣжденъ, что это обыкновенный кризисъ, который переживаетъ всякое дѣло, во время перехода отъ одной системы къ другой; кризисъ, какой уже разъ пережилъ золотой промыселъ Енисейской губерніи. Упадутъ громадныя дѣла, не будуть болѣе наживать миллионовъ, но промыселъ устоитъ, только по всей вѣроятности раздробится и то, что прежде попадало въ одинъ карманъ, будетъ попадать въ десять. Словомъ, уничтожится установленная прежде самою силою обстоятельствъ монополія большого капитала и на сцену выдвинется мелочь. Плакать объ этомъ, кажется, нечего.

Для такого коренного переворота я расчитываю на способъ промывки, изобрѣтенный г. Пакулевымъ. По моему мнѣнію, главнѣйшими

достоинствами пакулевского способа должно считать именно устраненіе необходимости большого капитала и кромѣ того возможность разрабатывать производительно розсыпи съ содержаниемъ далеко меньшимъ полузолотника отъ ста пудъ песковъ, а такихъ розсыпей въ Восточной Сибири нѣсть числа; кромѣ того, возможно будетъ разрабатывать и гнѣздовыя розсыпи.

Въ основаніе новой машины, называемой Пакулевскими сплотками, положена все также наклонная плоскость, какъ и во всѣхъ другихъ промывальныхъ машинахъ, но она упрощена до крайности.

Въ то время какъ мы, Енисейскіе золопромышленники, глядя съ гордостью на наши боевые машины, воображали, что достигли совершенства и что искусство разработки золотосныхъ розсыпей не пойдетъ дальше, Сибирякъ, находившійся по разнымъ обстоятельствамъ въ Калифорніи и Австраліи и понасмо-

трѣвшійся тамъ кое на что, крестьянинъ Пакуловъ изобрѣлъ новый способъ промывки песковъ и вскрыши турфовъ, сокращающій расходъ производства по крайней мѣрѣ на одну треть.

Мы воздвигаемъ остроумнѣйшія и дорого стоющія машины и проч., а г. Пакуловъ гороритъ: бросьте этотъ громоздкій, сложный, великолѣпный вздоръ и замѣните его тремя простыми досками; не забудьте только сколотить ихъ американскимъ гвоздемъ; нашъ русскій не годится — дѣлаетъ трещину въ доскѣ, а держать все таки худо. Не думайте, однажъ, что гвозди надо возить изъ Америки: вотъ вамъ образецъ. Мы наитщательнѣйшимъ образомъ выравниваемъ, по ватерпасу, поверхность шлюза, выстрагивая ее настругомъ и тщасть придать ей гладкость паркета, а г. Пакуловъ говоритъ: да вѣдь гладкость поверхности шлюза увеличиваетъ сеось золота и вы

лишаетесь его безвозвратно! Употребляйте доску шероховатую, какъ она вышла прямо изъ-подъ пилы, и шереховатость поверхности будетъ задерживать золото, теперь сносимое, да и избавитесь вы отъ труда выглаживать доску. Ваша машина стоитъ все таки дорого; вслучай порчи въ ея довольно сложномъ механизмѣ, или такъ часто случающейся ошибки въ установкѣ, останавливается работа, требуются и руки и время на поправки, и какое время!... самое горячее, когда дороги каждый часъ, каждая минута. Напилите побольше досокъ, лѣсь подъ рукой, не стоитъ ничего, — и не нужны вамъ знающіе машинисты: всякий плотникъ съ топоромъ да долотомъ устроить вамъ въ нѣсколько часовъ переносныя пакулевскія сплотки, замѣняющія и бочку, и дороги, и мосты и таратайки. Содержаніе лошадей стоитъ вамъ страшныхъ суммъ, — возьмите силу, которую природа даетъ вамъ даромъ, воду и

она не только замѣнить вамъ лошадь, но удвоить производительность человѣческой руки, стоящей такъ дорого.

Вы отвозите прочь турфа, расходуя для этого и людей и лошадей и экипажъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свозите въ отвалъ золото, которое — хотя и въ маломъ количествѣ — всегда заключается въ турфѣ. Чтобы не свезти въ отвалъ слишкомъ много этого золота, вы вынуждены безпрерывно брать пробы въ турфахъ и пескахъ, чтобы опредѣлить черту ихъ раздѣляющую; но развѣ пробы эти вѣрны и точны? развѣ поверхность золотоноснаго пласта горизонтальная плоскость? развѣ не выдается она бугорками въ одномъ мѣстѣ и не составляетъ впадинъ рядомъ? вѣдь земля — не стекло: золота не видно глазомъ, и вы отвозите его довольно много въ отвалы. Промывайте турфа какъ промываете вы пески, но только пакулевскимъ способомъ, и

во первыхъ, избавитесь отъ необходимости отвозить турфъ; его будетъ размывать токомъ воды и въ видѣ грязи и муты выносить прочь;
во вторыхъ, рабочій выработаетъ турфа вдвое больше;

и въ третьихъ, золото, теперь свозимое въ отвалы, будетъ тогда осаждаться на нижніе слои и, наконецъ, попадеть въ банку.

Мало того, пакулевскій способъ разработки уничтожаетъ — и это, въ моихъ глазахъ, одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ его для настоящей минуты — непремѣнную обязанность давать работамъ известный, часто весьма значительный размѣръ, чтобы мыть золото съ выгодаю. Читатель видѣлъ, что во второмъ періодѣ золотопромышленности, который я называлъ системою усиленной промывки бѣдныхъ розсыпей, — размѣръ этотъ весьма значителенъ. При пакулевскомъ способѣ могутъ работать хоть 10 человѣкъ, и работать, если не съ

большею, то ужъ и никакъ не съ меньшою выгодою, какъ и сотни рабочихъ. Такимъ образомъ золотой промыселъ дѣляется доступнымъ самыми мелкими капиталистами, а можетъ быть, со временемъ, сдѣляется доступнымъ даже и простымъ артелямъ рабочихъ.

Мы ставимъ теперь, при легкихъ турфахъ и пескахъ, на полторы кубическихя сажени турфа — лошадь и двухъ рабочихъ, и два съ половиною человѣка и одну лошадь на кубическую сажень песковъ, а г. Пакулевъ обѣщалъ, что при его способѣ одинъ рабочій безъ лошади будетъ въ силахъ выработать около кубической сажени песковъ и турфовъ!

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, пакулевскій способъ имѣть и свои недостатки, изъ которыхъ главнѣйшій заключается въ томъ, что не всякую мѣстность можно разрабатывать по этому способу.

Я, однакожъ, не стану входить въ подробн-

ное разбирательство этихъ недостатковъ, счи-
тая это излишнимъ въ такой книгѣ, какъ моя.
Способъ усовершенствуется постепенно, на са-
момъ дѣлѣ. Я считаю здѣсь гораздо болѣе
умѣстнымъ взглянуть на пакулевскій способъ
съ экономической точки зрења, т. е. разъяс-
нить тѣ экономические результаты какъ для
золотого промысла, такъ равно и для края,
которые будутъ, по моему мнѣнію, непремѣн-
нымъ послѣдствіемъ удачнаго примѣненія и раз-
витія пакулевскаго способа промывки.

Главнымъ изъ этихъ результатовъ будетъ,
или по крайней мѣрѣ можетъ быть, какъ я
уже сказалъ выше, устраненіе монополіи боль-
шого капитала. Промыселъ пойдетъ въ раз-
дробъ. Самые мелкіе капиталисты будутъ въ
состояніи разрабатывать золотоносную розсыпь.
Понятно, какъ благопріятно подѣйствуетъ об-
стоятельство это какъ на самый промыселъ,
такъ равно и на край. Всѣ управляющіе, всѣ

приказчики, работающіе теперь на золотопромышленника, будуть въ силахъ сами сдѣлаться золотопромышленниками и возбуждаемые личнымъ интересомъ, конечно подвинуть дѣло очень далеко впередъ.

Другой результатъ успешнаго примѣненія пакулевскаго способа будетъ заключаться въ томъ, что возможно разрабатывать самыя бѣдныя розсыпи, а слѣдовательно золотой промыселъ разовьется въ болѣе размѣры и получитъ еще болѣе прочное основаніе, ибо бѣдныхъ розсыпей въ Восточной Сибири великое множество; кроме того, примутся, по всей вѣроятности, за новую переработку старыхъ, уже брошенныхъ промысловъ: будутъ перемывать отвалы, промывать пески, оставлявшіеся, по бѣдности содержанія, въ бортахъ старыхъ разрѣзовъ и т. п.

Я оставилъ Восточную Сибирь въ то самое время, когда пакулевскій способъ только что

появился. Само собою разумѣется, что всѣ занимающіеся золотымъ промысломъ раздѣлились на двѣ партіи: на горячихъ приверженцевъ и такихъ же противниковъ новаго способа. Споръ былъ горячій и упорный; авторитеты стараго порядка улыбались насмѣшиливо, приверженцы новаго горячились по обыкновенію; обѣ стороны ждали съ нетерпѣніемъ практическихъ результатовъ примѣненія способа въ обширныхъ размѣрахъ, на Ново-Маріинскомъ пріискѣ К° Григорова, г. Лавровскимъ. Еще прежде того способъ былъ испробованъ на Зотовскихъ пріискахъ; но пробу эту считали недостаточною.

Къ сожалѣнію, г. Лавровскій сдѣлалъ страшный фіаско: на Ново-Маріинскомъ пріискѣ намывалось, по старому способу, болѣе 50 пудъ золота; по новому намыли только семь пудъ! Понятно впечатлѣніе, которое произвелъ на золотопромышленный людъ подобный результатъ. Никто не хотѣлъ и слышать, какъ, что

и почему; всѣ говорили только — «на Ново-Маріинскомъ 7 пудъ. Вотъ вамъ и пакулевскій способъ!»

Я не стану входить въ разсмотрѣніе такихъ причинъ подобной неудачи, которая не имѣютъ ничего общаго съ самимъ способомъ, какъ напримѣръ преждевременное закрытіе работъ, вслѣдствіе возникшаго процесса и т. п. Я скажу лишь нѣсколько словъ о причинахъ неудачи, которая могутъ быть отнесены прямо къ самому способу промывки. Мне кажется, что г. Лавровскій погорячился и тѣмъ сильно повредилъ репутаціи новаго изобрѣтенія. Работы были поставлены въ значительныхъ размѣрахъ, какъ привыкли вести дѣло богачи-золотопромышленники.

Я сказалъ уже выше, что пакулевскому способу суждено, по моему мнѣнію, произвести рѣшительный переворотъ въ золотопромышленномъ мірѣ; всѣ пріисковые порядки должны

измѣниться; золотой промыселъ, изъ рукъ немногихъ богачей золотопромышленниковъ долженъ перейти въ руки сотенъ, а можетъ быть и тысячь людей съ самыми ограниченными средствами.

Понятное дѣло, что и вводить новый способъ надо было постепенно, примѣняя къ маленькимъ работамъ; обстоятельства указали бы, на сколько онъ примѣнимъ или непримѣнимъ къ работамъ въ большихъ размѣрахъ; а г. Лавровскій поставилъ вдругъ 600 человѣкъ или около того! Такимъ образомъ способъ былъ примененъ при такихъ порядкахъ, которые, по моему мнѣнію, противорѣчать самой его сущности.

И такъ, попытка г. Лавровского, вместо того, чтобы сразу выдвинуть новое изобрѣтеніе на поприще золотопромышленности, подорвала его кредитъ и слѣдовательно отложила быть можетъ на долго его рѣшительную побѣду.

Само собою разумѣется, что противники новаго способа воспользовались этой неудачей.

*

Въ иныхъ дѣйствовало оскорбленное самолюбіе давно установившагося авторитета, въ другихъ личный расчетъ. На новое изобрѣтеніе накинулись со всѣхъ сторонъ, приверженцамъ его занимали рты страшною неудачей г. Лавровскаго. Тѣмъ не менѣе даже и самые упорные противники пакулевскаго способа не рѣшились отвергать его безусловно; говорили, что весь способъ никакуда не годится, но что изъ него многое можно позаимствовать, напримѣръ, промывать ефеля и гальку, зарабатывать пріиски и т. п.

Что касается до меня лично, то всѣ дошедшія до меня свѣдѣнія привели меня къ заключенію, что рано или поздно, а пакулевскій способъ возьметъ рѣшительный перевѣсъ. Я съ тѣмъ большею увереностію говорю объ этомъ, что въ Калифорніи и Австраліи способъ имѣлъ же успѣхъ. Главная идея способа заключается въ томъ, чтобы неподвижную промывальную машину, къ кото-

рой подвозятся теперь пески, замѣвть такими маленькими машинками (пакулевскія сплотки), которые могли бы быть, по мѣрѣ выработки, переносимы куда надобно. Такимъ образомъ лошади дѣлаются ненужными. Эта главная идея останется всегда, но способъ долженъ быть усовершенствованъ и видоизмѣненъ во многомъ, т. е. примѣненъ къ разнообразію характера различныхъ мѣстностей и т. п. Способъ имѣеть весьма много недостатковъ, которые могутъ быть устраниены впослѣдствіи; но главная идея останется и будетъ способствовать развитію золотого промысла, сдѣлавъ возможной разработку самыхъ бѣдныхъ розсыпей. Несмотря на крайнюю неудачу г. Лавровскаго, новый способъ не погибъ однакоже окончательно, только обращаться съ нимъ стали гораздо осторожнѣе. Мнѣ известно, что онъ уже введенъ, правда не въ большихъ размѣрахъ, на многихъ прискахъ и я твердо убѣжденъ, что чѣмъ дальше,

тѣмъ новое изобрѣтеніе все болѣе и болѣе будетъ распространяться. У П. Н. Латкина работали по пакулевскому способу на трехъ пріискахъ и работали весьма удачно.

Этимъ я вовсе не хочу сказать, что новый способъ окончательно и непремѣнно вытѣснить старый. Можетъ быть и правы тѣ, которые утверждаютъ, что есть мѣстности, къ которымъ новый способъ рѣшительно не примѣнимъ, напримѣръ къ пріискамъ страдающимъ недостаткомъ воды, къ пескамъ мясниковатымъ и т. п., хотя мнѣ известно, что уже придумали приспособленіе, которое позволяетъ съ успѣхомъ мыть по новому способу и мяснику. Но я хочу только сказать, что новый способъ получить перевѣсь, когда усовершенствуется и когда вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются понятія, порядки и законы, которые преобладаютъ теперь въ золотопромышленномъ мірѣ.

Можетъ быть я ошибаюсь, но только въ

обширномъ примѣненіи пакулевскаго способа вижу я средство дальнѣйшаго развитія золотого промысла Енисейской губерніи, ибо розсыпей, которая удовлетворяли бы требованіямъ старой системы разработки, становится съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе и надо довести дѣло до того, чтобы мыть съ выгодою розсыпи въ $\frac{1}{4}$ золотника содержанія, а это возможно лишь тогда, когда будетъ примененъ и усовершенствованъ пакулевскій способъ. Тогда золотой промыселъ разовьется въ большіе размѣры, ибо розсыпей бѣдныхъ, лежащихъ теперь втунѣ — великое множество.

Однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ противниковъ новаго изобрѣтенія служить то обстоятельство, что кража золота рабочими достигнетъ огромныхъ размѣровъ. Совершенно справедливо, ибо при пакулевскомъ способѣ наблюденіе за рабочимъ, въ этомъ отношеніи, почти невозможно. Но дѣло въ томъ, что,

какъ я говорилъ уже нѣсколько разъ, паку-
левскій способъ сдѣлаетъ переворотъ въ золо-
томъ промыслѣ, огромные работы въ 1000
человѣкъ прекратятся. Вместо большихъ капи-
талистовъ явятся маленькие, которые будутъ
ставить по 25 рабочихъ, а при такомъ по-
рядкѣ наблюденіе очень и очень легко. Самъ
хозяинъ пріиска будетъ жить на мѣстѣ, а не
гдѣ нибудь въ Петербургѣ или Парижѣ, и бу-
детъ вѣчно торчать въ разрѣзѣ, какъ не очень
разбогатѣвшіе еще купцы сами сидятъ въ сво-
ихъ лавкахъ, отчего, какъ известно, торговля
всегда почти идетъ лучше, чѣмъ у приказчи-
ковъ. Если же дѣло дойдетъ до того, что хо-
зяиномъ сдѣлается рабочая артель (какъ было
въ Калифорніи и что, по моему мнѣнію, не
невозможно, со временемъ, и у насъ), тогда
кража золота прекратится сама собою.

И такъ, въ настоящее время, идетъ борьба
между старымъ и новымъ порядками. Законъ

можетъ сдѣлать многое въ этомъ дѣлѣ. Я не предлагаю и, конечно, никогда не предложу вмѣшательства закона въ пользу той или другой стороны. Напротивъ, противникамъ надо предоставить полную свободу дѣйствія; обстоятельства покажутъ, на чьей сторонѣ истина. Но зная, что золотой промыселъ падаетъ, понимая очень хорошо великое значеніе его для края и будучи глубоко убѣжденъ, что только пакулевскій способъ можетъ извлечь его изъ упадка (на открытие новыхъ богатыхъ розсыпей расчетъ плохой), я думаю, что законъ долженъ устранить всѣ тѣ косвенные препятствія, которыя онъ поставляетъ теперь распространенію новаго порядка, и за тѣмъ предоставить противникамъ бороться какъ знаютъ.

V.

Уставъ о частной золотопромышленности въ Сибири заключаетъ въ себѣ много недостатковъ, которые выступаютъ съ особеною яркостью теперь, когда барыши золотопромышленниковъ уменьшились страшно, а слѣдовательно всякое затрудненіе, поставляемое закономъ, сдѣлалось гораздо чувствительнѣе.

Правительство наше уже обратило свое вниманіе на упадокъ золотого промысла и изыскиваетъ средства возстановить его. Министръ Финансовъ и генераль-губернаторъ Восточной Сибири приглашали золотопромышленниковъ выяснить дѣло и предложить мѣры для возстановленія золотого промысла. Многіе изъ золотопромышленниковъ, а въ томъ числѣ и я, подали свои записки. Но мнѣ кажется, что этого

недостаточно: естественно, что золотопромышленники смотрятъ на дѣло лишь съ своей точки зрѣнія, а между тѣмъ съ золотымъ промысломъ связаны неразрывно интересы не однихъ только золотопромышленниковъ, но и обширнаго края. Вотъ почему законодатель долженъ искать и другихъ источниковъ, для уясненія себѣ вопроса, не ограничиваясь записками золотопромышленниковъ и мнѣніями чиновниковъ.

Печать можетъ служить однимъ изъ такихъ источникомъ. Желая, съ своей стороны, содѣйствовать общему дѣлу, я намѣренъ изложить здѣсь и свои воззрѣнія, и такимъ образомъ, по мѣрѣ силы и возможности, расчистить путь законодателю. Я буду очень доволенъ, если вызову возраженія, въ надеждѣ, что преія могутъ лучше всего выяснить дѣло (*).

(*) Такъ какъ у насъ теперь выходитъ такъ много периодическихъ изданій, что нѣть никакой возможности услѣдить за всѣми,

Это то обстоятельство и побудило меня войти въ довольно подробныя объясненія о пакулевскомъ способѣ промывки. Само собою разумѣется, что я не имѣю ни малѣйшей претензіи на то, чтобы писать полный проэктъ золотопромышленного устава; я желалъ бы только заявить въ общихъ чертахъ тѣ мысли, которыя, по моему крайнему убѣжденію, должны быть вводимы постепенно въ этотъ уставъ.

Я сказалъ выше, что въ настоящее время въ золотопромышленномъ мірѣ идетъ борьба между прежнею системою работъ и пакулевскимъ способомъ промывки, т. е. между системою, которая требуетъ непремѣнно значительного капитала, и такою, которая можетъ сдѣлать золотой промыселъ доступнымъ самому

то я покорнѣйше прошу людей, которые пожелаютъ возражать мнѣ присыпать экземпляръ ихъ статей по слѣдующему адресу: въ Петербургъ, у Банковскаго моста, домъ Стенбока, Владиміру Дмитріевичу Скарятину. Я позволяю себѣ надѣяться, что въ видахъ общей пользы, никто не откажется сдѣлать это.

мелкому капиталисту. Я сказалъ также, что законъ долженъ оставаться нейтральнымъ въ этой борьбѣ.

Кто не знакомъ близко съ ходомъ золотопромышленныхъ операцій, тотъ, прочитавъ нашъ горный уставъ, можетъ подумать, что законъ дѣйствительно сохраняетъ эту нейтральность. Въ самомъ дѣлѣ, законъ не даетъ, по видимому, никакого преимущества той или другой системѣ. Золотопромышленникъ малокапитальный имѣеть тѣже права и пользуется, по видимому, точно такимъ же покровительствомъ закона, какъ и миллионеръ. Но когда вникнешь въ дѣло поглубже и узнаешь всѣ обстоятельства золотопромышленного дѣла, тогда видишь ясно, что законъ даетъ золотому промыслу такую обстановку, которая дѣлаетъ его почти недоступнымъ мелкому капиталисту.

Въ сущности въ этомъ не было очень большого зла прежде, когда самая сила обстоя-

тельствъ ставила золотой промыселъ въ такія условія, при которыхъ онъ требовалъ непремѣнно значительного капитала. Тогда неудобства, проистекающія собственно изъ закона, были мало замѣтны, хотя и увеличивали размѣръ капитала, потребнаго для занятія золотымъ промысломъ. Но не то теперь, когда пакулевскій способъ дѣлаетъ золотой промыселъ доступнымъ самому мелкому капиталу; обстоятельства измѣнились, а законъ остался тотъ же, и недостатки его выступаютъ теперь съ особеною яркостію.

Дѣло въ томъ, что законъ нашъ окружаетъ золотой промыселъ множествомъ формальностей часто — по моему мнѣнію — вовсе не нужныхъ и не достигающихъ цѣли, а известно, что гдѣ формальности, тамъ и деньги. Формальностей этихъ столько, такъ много приставлено къ золотому промыслу разныхъ опекуновъ и надзирателей, что еслибы поставили въ

подобные тиски любую мануфактуру — ни одна не выдержала бы и году.

Взятки составляютъ общую нашу язву, и было бы странно ожидать, чтобы ихъ не было въ золотопромышленности, гдѣ все идетъ на широкую ногу и деньги часто бросаются зря. Понятное дѣло, что русскій человѣкъ, не будучи вообще очень расчетливымъ и не привыкшій къ акуратному веденію дѣла, — попавъ на широкій золотопромышленный путь, гдѣ приобрѣтаетъ деньги скоро, не очень задумывается въ своихъ расчетахъ съ чиновникомъ.

Взятки эти не особенно тяжелы теперь, когда золотой промыселъ находится въ рукахъ людей капитальныхъ, напротивъ, въ большей части случаевъ золотопромышленники были очень довольны, что могли спасаться взятками отъ разныхъ формальностей, точное соблюденіе которыхъ часто и невозможно. Кроме того — и въ этомъ многіе золотопромышленники показа-

ли себя не лучше иныхъ чиновниковъ — они часто прибѣгали ко взяткѣ, чтобы избавиться отъ самыхъ законныхъ требованій или чтобы подкапывать другъ подъ друга; чтобы, наконецъ, заводить нескончаемые и самые несправедливые процессы.

Повторяю, взятками не очень тяготились до сихъ поръ, но онѣ раздаваятъ дѣло, когда оно раздробится и пойдетъ въ мелочь, гдѣ всякий рубль будетъ на счету. Теперь, если пріискъ идетъ хорошо, то всѣ эти посторонніе расходы почти незамѣтны; этимъ я вовсе не хочу сказать, что устраненіе ихъ не облегчило бы дѣло; я хочу только выставить съ большею яркостію невозможность осуществленія новаго вида золотаго промысла, при старыхъ порядкахъ.

При новомъ изобрѣтеніи, эти посторонніе расходы останавливаютъ развитіе дѣла при самомъ его началѣ, мѣшаютъ коренному преобразованію золотого промысла; они останавлива-

ваютъ мелкаго капиталиста, т. е. мѣшаютъ развитію такого порядка, отъ котораго, по крайнему моему разумѣнію, только и можно ожидать въ будущемъ процвѣтанія промысла, съ которымъ связано неразрывно благоденствіе обширнаго края.

Я чувствую, что повторяюсь безпрерывно, но рѣшительно предпочитаю надѣсть читателю, чѣмъ оставить неразъясненнымъ этотъ пунктъ дѣла т. е. вопросъ о раздробленіи золотаго промысла; тѣмъ болѣе, что такія воззрѣнія мои едва ли найдутъ большое сочувствіе между многими сотоварищами моими по золотопромышленности. Я не стану упрекать ихъ за это: «своя рубашка ближе къ тѣлу», и очень можетъ быть, что и самъ я пѣлъ бы совсѣмъ другую пѣсню, или молчалъ, еслибы личные мои пріисковые интересы были очень велики, еслибы, словомъ, я стоялъ въ рядахъ сильнейшихъ золотопромышленниковъ.

И такъ, законъ долженъ, по моему крайне-

му убѣжденію, устранить по возможности весьма многія формальности, которыми онъ окружаетъ теперь золотой промыселъ, и всячески облегчить доступъ къ нему самому мелкому капиталисту. Это — одна изъ главныхъ идей, которые должны руководить законодателя; тогда только вовсе не подходящій къ громаднымъ работамъ пакулевскій способъ промывки и разовьется вполнѣ и будетъ въ силахъ вступить въ равносильное состязаніе съ старымъ порядкомъ. На чьей сторонѣ окажется перевѣсъ — покажутъ обстоятельства, но если пакулевскій способъ не оправдаетъ всѣхъ возлагаемыхъ на него надеждъ, то пусть же виноватъ въ этомъ будетъ онъ самъ, а не законъ.

Мнѣ могутъ возразить на это, что было бы больше чѣмъ странно требовать, чтобы законодатель писалъ законъ, основываясь на дѣлѣ, еще не вполнѣ оправданномъ на практикѣ. Но я, съ своей стороны, замѣчу, что во первыхъ,

новый порядокъ и не можетъ развиться вполнѣ при существующемъ законѣ; во вторыхъ, мнѣ никогда и въ голову не приходило, и конечно никогда не придетъ, предлагать мѣры, для подавленія стараго въ пользу новаго; я желаю только полной равноправности и мѣры, которая я намѣренъ предложить, — таковы, что давая новому порядку возможность развиться и вырости, если онъ заключаетъ въ себѣ здоровыя сѣмена, онъ въ тоже время облегчать старый порядокъ, если ему суждена побѣда и если причина такой побѣды заключается въ самыхъ его достоинствахъ и въ силѣ обстоятельствъ, а не въ одномъ только законѣ.

Начну съ права заниматься золотымъ промысломъ. По закону нашему, занятіе золотымъ промысломъ въ Восточной Сибири дозволяется потомственнымъ дворянамъ, которыхъ между Сибиряками очень не много, купцамъ первыхъ двухъ гильдій и потомственнымъ почетнымъ гра-

жданамъ и личнымъ дворянамъ, съ запискою ихъ въ одну изъ первыхъ гильдій. Такимъ образомъ, большинство Сибириakovъ, т. е. людей, которые сживаются съ золотымъ промысломъ съ самаго дѣтства, лишены права заниматься имъ.

Мнѣ могутъ возразить, что никому не запрещено выйти въ купцы и получить свидѣтельство на право искать и разрабатывать золотоносныя розсыпи и что, наконецъ, золотой промыселъ долженъ, какъ и всякий другой, нести повинности. Справедливо, но вотъ уже начинаются обстоятельства, подавляющія развитіе новаго порядка. Да впрочемъ, и справедливо то оно только повидимому: при старомъ порядке, когда самая сила обстоятельствъ требовала значительнаго капитала, взносъ гильдейскихъ повинностей не обременителенъ. Человѣку, который пускаетъ въ оборотъ десятки и сотни тысячъ, вовсе не чувствительно запла-

тить какихъ нибудь 500 или 1000 рублей въ годъ. Не будь даже записка въ гильдію обязательнаю, навѣрное всѣ теперешніе золотопромышленники, не изъ дворянъ и почетныхъ гражданъ, записывались бы въ гильдію, если не изъ одной амбиціи, то чтобы пользоваться правами купечества первыхъ двухъ гильдій. Но когда возможно приступить къ разработкѣ съ какими нибудь тремя-пятью тысячами и даже меньше того, тогда заплатить 500 рублей впередъ, еще не выдавши пріиска и не зная, будетъ ли онъ, — крайне обременительно. Позвольте искать всякому, а когда найдетъ и будетъ добывать золото, тогда и облагайте его податями и повинностями.

Кромѣ того, гильдейский порядокъ уже давно признанъ вообще не рациональнымъ и правительство изыскиваетъ средства замѣнить его, а потому и слѣдовало бы устранить его поскорѣе въ золотомъ промыслѣ, гдѣ онъ находится

въ прямомъ противорѣчіи съ обстоятельствами. Я съ тѣмъ большею увѣренносью говорю объ этомъ, что нашъ же законъ разрѣшаетъ занятіе золотымъ промысломъ на Кавказѣ людямъ всякаго состоянія и званія, кроме лицъ опороченныхъ судомъ и исключенныхъ изъ службы. Если это возможно на Кавказѣ, гдѣ не добывается ви одного золотника золота и гдѣ о золотомъ промыслѣ никто не имѣеть понятія и никто не думаетъ (а стоило бы!) (*), то не

(*) Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе опытныхъ золотопромышленниковъ на Кавказъ. Въ путешествіе мое по этому краю, я встрѣчалъ въ изобиліи породы, доказывающія присутствіе золота въ кавказскихъ горахъ, да и кроме того, въ прежнее время золото обнаружено было тамъ шурфовкой и если не напали на хорошее золото, то это могла быть простая неудача, какія очень часто случаются въ Сибири, или просто недостатокъ умѣнья и средствъ, а между тѣмъ неудача эта поселила недовѣріе къ золотому промыслу во многихъ мѣстныхъ жителяхъ. Сибиряки знаютъ сколько времени, денегъ, труда потрачено было понапрасну прежде, чѣмъ напали на Енисейскія и Бирюсинскія розсыпи. Сибиряковъ не испугали бы такія ничтожныя неудачи, какія случились на

еще больше ли основанія допустить это въ Сибири, гдѣ всѣ и все, начиная со ссыльного и до миллионера, живутъ и дышать золотымъ промысломъ?

Наконецъ, законъ лишаетъ права заниматься золотымъ промысломъ тѣхъ лицъ, которыхъ

Кавказъ. Искаль тамъ золото и одинъ напѣ богатый Сибирякъ, но такъ какъ (если переданные мнѣ слухи вѣрны) ему нужно было вовсе не золото, а какой то орденъ, или что-то въ этомъ родѣ, то и понятно, какъ онъ искалъ. Самъ я имѣлъ рѣшительное намѣреніе искать золото на Кавказѣ, но обстоятельства сложились такъ, что я долженъ былъ отступиться. Теперь, когда я не нахожусь болѣе подъ впечатлѣніемъ окружавшей меня мѣстности, и обсуживаю дѣло хладнокровно я радуюсь что желаніе мое не удалось, ибо у меня осталось въ карманѣ тысячу десять, которыхъ было конечно недостаточно, чтобы приниматься основательно за подобное дѣло, но въ то время я очень досадовалъ, что неудалось пошурфовать, ибо находился подъ постояннымъ вліяніемъ попадавшихся мнѣ на глаза всегдашихъ спутниковъ золота. Я еще разъ обращаю на это вниманіе опытныхъ золотопромышленниковъ, которые могли бы посвятить дѣлу и свой досугъ и достаточные денежные средства. На Кавказѣ я не встрѣтилъ ни одного человѣка, который имѣлъ бы практическія свѣдѣнія о золотомъ промыслѣ. Между тѣмъ я убѣжденъ (разумѣется, на сколько можно быть убѣжденнымъ въ надобномъ дѣлѣ), что на Кавказѣ золото есть; по крайней мѣрѣ

отставлены отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь не опредѣлять и оглашены по суду изобличенными въ поступкахъ предосудительныхъ. Я думаю, что такой законъ не имѣть достаточнаго основанія и есть не болѣе, какъ остатокъ

есть всѣ данные, чтобы рисковать поисками. Я видѣлъ мѣсто, гдѣ по шурфовкѣ произведенной лѣтъ 20 тому назадъ золото, оказалось около золотника содержанія. Къ сожалѣнію, въ этомъ мѣстѣ мало воды; но Сибиряки согласятся, что эта шурфовка есть достаточный поводъ для поисковъ въ окрестности. Кроме того, Кавказъ представляетъ условія несравненно благопріятнѣйшія, чѣмъ Сибирь: промывка можетъ продолжаться чуть не круглый годъ; рабочихъ можно выписывать изъ Персіи сколько угодно; да даже я полагаю, что туземцы будутъ тоже работать на золотомъ пріискѣ, и я желалъ бы обратить на это обстоятельство вниманіе правительства, какъ на одно изъ средствъ къ умиротворенію края. Вѣдь бѣдность горцевъ составляетъ одну изъ причинъ ихъ разбоевъ. Опытомъ дознано, что съ развитіемъ золотого промысла разбои въ Сибири почти прекратились. Я говорилъ объ этомъ довольно подробно въ первой части моего сочиненія и, смѣю надѣяться, доказалъ достаточно сравненіемъ стараго съ новымъ

Многіе изъ нашихъ кавказскихъ офицеровъ и чиновниковъ увѣряли меня, что горцы никогда не пойдутъ работать на пріискѣ, ибо подобную работу считаютъ унизительною для своего достоинства.

того излишняго поклоненія золоту, которымъ отличалось прежнее время, когда въ понятіяхъ даже большинства образованныхъ людей золото было не товаромъ, какъ хлѣбъ, сало, сукно, сапоги, а чѣмъ то особеннымъ, къ чему мож-

Но я думаю, что такое мнѣніе едва ли основательно: предразсудки не легко выдерживаютъ борьбу съ очевидною выгодою. Наши горные офицеры, управляющіе Алагирскимъ серебро-свинцовыемъ заводомъ, пріучили же горцевъ къ работѣ; по крайней мѣрѣ я собственными глазами видѣлъ нѣсколькихъ горцевъ, работавшихъ за очень умѣренную плату, въ душныхъ, темныхъ, сырыхъ галлереяхъ рудника. Самъ я чуть не задохся въ этихъ галлереяхъ, по крайней мѣрѣ мнѣ нѣсколько разъ дѣжалось дурно и я былъ очень доволенъ когда выбрался изъ нихъ на свѣтъ божій. Воображаю, съ какимъ отвращеніемъ лѣзеть горецъ въ это подземелье, гдѣ думаетъ еще — я полагаю — встрѣтиться съ шайтаномъ: и однако же лѣзутъ! Послѣ этого нѣть никакой основательной причины предполагать, чтобы горцы отказались работать на золотомъ пріискѣ, на открытомъ воздухѣ, при свѣтѣ дня и за такую плату, какой не можетъ давать никакое производство, кромѣ золотого.

На Кавказѣ есть препятствіе, для золотого промысла, какого нѣть въ Сибири: это — частное владѣніе землями, но, во первыхъ, много земель и казенныхъ, а во вторыхъ, при средствахъ и настойчивости и это препятствіе можетъ быть устранено. Вла-

ро было приступать не иначе, какъ чистымъ и непорочнымъ. Я рѣшительно не понимаю, почему человѣкъ, имѣющій право сѣять хлѣбъ или разводить барановъ, не можетъ добывать золо-

дѣльцы земли не могутъ не понять, что безъ капитала, знанія и труда, золото находящееся быть можетъ въ ихъ землѣ еще далеко отъ того, чтобы лежать въ ихъ сундукѣ.

Мнѣ неизвѣстенъ ходъ операцій Алагирскаго завода за послѣдніе годы; но если дѣло идетъ также, какъ шло до меня и при мнѣ, то я думаю, что было бы гораздо лучше употребить на поиски золота тотъ огромный капиталъ (что то около миллиона¹), который потребленъ на Алагирскій заводъ. Повторяю, я не ручаюсь — и кто знаетъ золотой промыселъ, тотъ пойметъ, что и не могу ручаться за то, что золото *непремѣнно* найдутъ на Кавказѣ, но я утверждаю, что есть всѣ данные, чтобы рисковать.

Само собою разумѣется, что это приглашеніе къ риску относится не къ правительству, а къ частнымъ людямъ. Совершенно противно моимъ кореннымъ понятіямъ совѣтовать правительству пускаться въ какія бы то ни было коммерческія операціи. Напротивъ, я совѣтовалъ бы правительству сокращать по возможности тѣ горные операціи, которыми оно теперь занимается, и давать все большій и большій просторъ частной дѣятельности. Да впрочемъ, правительство такъ и поступаетъ, и можно только желать, чтобы оношло въ этомъ направленіи съ еще большею рѣшительностію.

то. Обстоятельство это весьма важно для Сибири, гдѣ весьма значительная часть населенія опорочена судомъ.

Повторяю, все это было не важно до сихъ поръ, когда по самой силѣ обстоятельствъ (не зависимо отъ закона) рѣдкому изъ ссыльныхъ возможно было бы сдѣлаться золотопромышленникомъ, но не то можетъ быть теперь, съ изобрѣтеніемъ пакулевскаго способа промывки.

Получивъ свидѣтельство на право искать и разрабатывать золотоносныя розсыпи, золотопромышленникъ формируетъ поисковую партію и отправляетъ ее въ розыски.

Розсыпь, положимъ, найдена и надобно заявить объ этомъ земскому суду. Заявка эта совершенно необходима, какъ доказательство права золотопромышленника на найденную имъ розсыпь. Въ сущности, законъ долженъ бы былъ заботиться только объ огражденіи этого права, но къ сожалѣнію, въ прежнее время на золо-

той промыслъ смотрѣли какъ на нѣчто осо-
бенное, требующее опеки и надзора, а пото-
му въ законъ вошли идеи совершенно посто-
ронніе собственно доказательствамъ права золо-
топромышленника на розсыпь; понятія перепута-
лись между собою, откуда и произошли фор-
мальности, ни мало недостигающія цѣли, но за
то дающія широкій произволъ чиновнику. До-
казательства этому видимъ каждый день: кто
хоть мало мальски знакомъ съ золотопромышлен-
ными порядками, тотъ знаетъ, что рѣдко встрѣ-
чается такая заявка, къ которой нельзя было
бы придраться такъ или иначе, если придрать-
ся захотятъ — и что отводы производятся ча-
сто по весьма неправильнымъ явкамъ.

Бывали примѣры, что если пріискъ подаетъ
надежды, то за отводъ площади плачивали по
десяти и даже болѣе тысячу рублей! Во вся-
комъ случаѣ ужъ никакъ не обойдется безъ
денегъ. Плата отводчику вошла уже въ такой

обычай, что кажется страннымъ не заплатить, и даже никому не приходитъ въ голову протестовать. Обыкновенные расходы не велики и они не обременительны теперь, когда золотымъ промысломъ занимаются только люди капитальные, но не то будетъ при пакулевскомъ способѣ. Тогда сотня-другая рублей будетъ составлять счетъ. Да даже и теперь очень было бы не худо устраниТЬ собственно тѣ формальности, которые ни мало не достигаютъ главной цѣли заявки, а между тѣмъ понапрасну увеличиваютъ расходы.

Въ самомъ дѣлѣ, единственная цѣль заявки, какъ я уже сказалъ выше, должна заключаться въ томъ, чтобы дать доказательства права золотопромышленника на розсыпь. Между тѣмъ, законъ обязываетъ выбить на полный отводъ (250,000 квадратныхъ сажень) не менѣе 10 шурfovъ; кромѣ того хоть одинъ шурфъ долженъ быть пробитъ до почвы, или покрайней

мѣръ пройдено не менѣе аршина золотоноснаго пласта. Для чего 10 шурfovъ? почему не одинъ или не сто? Зачѣмъ пробивать непремѣнно до почвы или хоть аршинъ золотоноснаго пласта? Очевидно, что тутъ къ заботѣ оградить право золотопромышленника примѣшиваются еще что то постороннее, а именно забота о томъ, чтобы золотопромышленникъ, прежде чѣмъ заявить розсыпь, убѣдился бы въ ее благонадежности. Цѣль эта однакоже никогда не достигается и на дѣлѣ превращается въ простую формальность. По моему мнѣнію, такая забота законодателя излишня. Пусть тебѣ золотопромышленникъ заявляетъ пустыя мѣста, если это ему нравится; никто отъ этого не страдаетъ и не можетъ страдать, кромѣ самаго заявителя. И такъ, пусть же законъ и положится въ этомъ случаѣ на личный интересъ золотопромышленника. Кромѣ того, кому же неизвѣстенъ тотъ порядокъ, которымъ исполняется или лучше

сказать не исполняется законъ? Дѣйствительная развѣдка площи, т. е. такая развѣдка, кото-
рая производится для дѣйствительного опредѣ-
ленія достоинства розыпи, дѣлается всегда по-
слѣ, а не прежде заявки. Съ явочною же шурфов-
кой поступаютъ слѣдующимъ образомъ: выры-
ваютъ десять кое какихъ ямокъ вмѣсто десяти
шурfovъ, чтобы только соблюсти форму, и за тѣмъ
подаютъ явку. Бываютъ и дѣйствительные шурфы,
если по обстоятельствамъ считаютъ это нуж-
нымъ, но вовсе не для того, чтобы исполнить
законъ. За тѣмъ подаютъ явку и вступаютъ въ
переговоры съ отводчикомъ. Впрочемъ, надо
замѣтить, что даже самый точный и добросо-
вѣстный отводчикъ не могъ бы вполнѣ испол-
нить предписаній закона. Отводъ производится
обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ
явки, въ которой обыкновенно пишется, что въ
девяти шурфахъ, за притокомъ воды, до золо-
тоноснаго пласту не дойдено. Какимъ образомъ

можетъ отводчикъ повѣрить, что въ шурфахъ дѣйствительно былъ такой притокъ воды, который помѣшалъ дальнѣйшей работѣ? Остается десятый шурфъ, въ которомъ обязаны пройти не менѣе аршина золотоноснаго пласта, но и этотъ шурфъ уже обвалился и отводчикъ не имѣеть ни возможности, ни охоты, ни надобности дѣлать повѣрку.

Такимъ образомъ законъ остается мертвую буквою, если золотопромышленникъ въ ладахъ съ отводчикомъ; если же не въ ладахъ, что случается впрочемъ очень рѣдко, то — служить только средствомъ прижать заявителя.

Я предложилъ бы дѣло это устроить такимъ образомъ: отводить золотопромышленнику всякую указанную имъ свободную мѣстность, не требуя ни шурfovъ и никакихъ другихъ указаний, если не встрѣтилось спора. Въ случаѣ же спора, дѣло разбираетъ судъ и при этомъ каждая сторона обязывается представить такія

доказательства, какія найдеть нужнымъ и какія будетъ въ состояніи представить. Такимъ образомъ заявителю предоставляется доказывать свое право свидѣтелями, столбами, шурфами, которыхъ пусть бьетъ хоть тысячу, вмѣсто десяти, если считаетъ это нужнымъ, наконецъ — подробнымъ описаніемъ мѣстности.

Все это будетъ, разумѣется, еще лучше при новомъ устройствѣ нашихъ судовъ и совершенно сообразно съ ихъ главнымъ характеромъ.

Я полагаю, что при такомъ порядкѣ главная цѣль явки, т. е. доказательства права заявителя на мѣстность, будетъ достигаться ни чуть не хуже, какъ и при настоящемъ порядкѣ, а между тѣмъ будутъ устранины излишнія формальности, а слѣдовательно и излишніе расходы. Въ прежнее время явку дозволялось дѣлать въ волостномъ правленіи; потомъ, во избѣженіе злоупотреблений посредствомъ подкупа волост-

ныхъ писарей, явку предписано дѣлать въ земскомъ судѣ. Но опытъ показалъ, что въ земскомъ судѣ можно подскабливать книги точно также, какъ и въ волостномъ правленіи, а между тѣмъ отъ волостного правленія до земского суда надобноѣхать иногда сотню и болѣе верстъ. Опять расходы!

Я думаю, что явку можно производить и въ волостномъ правленіи, предоставивъ заявителю приглашать нѣсколькихъ крестьянъ въ качествѣ свидѣтелей, если впрочемъ сочтеть это нужнымъ. Вообще мнѣ кажется, что съ золотопромышленникомъ не слѣдуетъ обращаться, какъ съ малѣтнимъ, предоставивъ ему самому заботиться о заготовлениіи доказательствъ на случай спора. Законъ долженъ только сказать, что мѣсто принадлежитъ тому, кто первый занялъ его и заявилъ, въ опредѣленный закономъ срокъ, о желаніи своемъ получить отводъ, а ужъ если дойдетъ до спора, то пусть сами спорящіе и

доказывают — какъ знаютъ — кто изъ нихъ былъ первымъ.

Я намѣренъ поговорить еще о весьма тягостномъ для золотого промысла обстоятельствѣ, а именно о неопредѣленности и шаткости права владѣнія пріискомъ. Я разумѣю частые и разорительные процессы, возникавшіе вслѣдствіе обнаруживающейся впослѣдствіи (т. е. уже послѣ отвода пріиска) неправильности въ заявкѣ и т. п.

Кому неизвѣстны громадные процессы, со всѣми ихъ послѣдствіями, тянувшіеся десятки лѣтъ и такъ вредно дѣйствовавшіе на золотой промыселъ? Всякій знаетъ силу впечатлѣнія, производимаго на золотопромышленника и всѣхъ его кредиторовъ этими немногими словами: «наложили запрещеніе на золото!» а такое запрещеніе можетъ быть наложено судомъ по малѣйшему поводу. Всякій знаетъ то разстройство всего дѣла, ту невозможность продолжать разработку пріиска иначе, какъ подъ опекою чиновниковъ

со всѣми атрибутами такой опеки,—всѣ тѣ ги-
бельные для золотопромышленника послѣствія,
которые неизбѣжно влечетъ за собою наложе-
ніе судебнаго запрещенія на пріискъ.

Я всячески избѣгалъ, въ моей книгѣ, пово-
довъ къ безплодному раздраженію и прибѣгалъ
къ обличительнымъ описаніямъ въ такомъ только
случаѣ, когда надѣялся прямой отъ нихъ поль-
зы. И теперь, желая только лучшаго въ насто-
ящемъ и будущемъ, а не раздражительной по-
лемики за прошедшее, я не стану распространяться
о законахъ объ очередныхъ, о перемѣр-
кахъ пріисковъ по доносамъ и т. п., ибо за-
коны эти уже отмѣнены. Исторія разскажетъ
подробно — когда наступить ее время — о той
энергіи, о той ничѣмъ несокрушимой настойчи-
вости, которая проявили золотопромышленники
въ борьбѣ какъ съ этими, такъ и съ другими
обстоятельствами. Такие золотопромышленники,
какъ Мошаровъ, Поповъ, Рязановъ, Кузнецовъ,

Федоръ Соловьевъ (не называю людей, еще живущихъ) и многіе другіе представляютъ особенный типъ, совмѣстившій въ себѣ русскую удаль съ англійскою настойчивостію; недостовало имъ только нѣмецкой акуратности! Когда наступить ее время, исторія разскажетъ также не мало истинно подлыхъ дѣлъ и объяснить на сколько они вредили золотому промыслу и краю. Я съ своей стороны укажу только на тотъ источникъ нескончаемыхъ процессовъ, который еще сохранился въ нашихъ законахъ и который могъ бы быть устраниенъ безъ всякаго ущерба для кого бы то ни было.

Я говорю о правѣ казны или правильнѣе о правѣ всѣхъ и каждого изъ золотопромышленниковъ на пріискъ, вслучаѣ обнаруженной неправильности въ его заявкѣ. Я считаю безпользнымъ доказывать, что казна въ такомъ правѣ ни мало ни нуждается; мнѣ достаточно сказать, что казна, отобравъ пріискъ у золото-

промышленника, тотчасъ же объявляеть его свободнымъ для новыхъ заявокъ. Такимъ образомъ вся исторія ограничиваеться въ сущности тѣмъ, что пріиска лишится Петръ, добывшій его трудомъ и капиталомъ, а достанется онъ Ивану, подкопавшему подъ Петра или кому нибудь другому.

Пріискъ или часть его, отходящіе въ казну, объявляются свободными для заявокъ каждымъ золотопромышленникомъ. Кто первый захватилъ, тотъ и правъ. Но какъ? когда? съ какой минуты, жадно сторожимой тысячами глазъ (я разумѣю пріиски, богатство которыхъ уже известно), считать ихъ свободными, имѣть право поставить столбъ со своей фамиліей, выбить десять ямокъ и, посредствомъ такой простой операциіи, завладѣть иногда миллиономъ? Придумали: съ той минуты, когда исправникъ получить и объявить предписаніе объ этомъ. Но ведь тутъ могутъ быть миллионы!.. напримѣръ, въ

находящемся теперь подъ запрещенiemъ Ново-Маринскомъ пріискѣ. Гдѣ же набрать аристидовъ для исправничихъ должностей? Наконецъ пришла вѣсть, страстно ожидаемая на мѣстѣ нѣсколькими партіями, составленными изъ людей рѣшительныхъ, побывавшихъ и подъ плетьми, и въ сотнѣ остроговъ и на эшафотѣ. Такие люди, да еще возбуждаемые спиртомъ и сладкою перспективою пить безъ просыпу мѣсяцы, вслучаѣ удачи, и вернуться домой, повѣся нось, вслучаѣ неудачи, — не задумаются схватить топоръ и разсадить голову пріятелю изъ чужой партіи.

Заявка провѣрена и найдена правильною высшими мѣстными властями, пріискъ отведенъ, золотопромышленнику выданы, за подпісомъ генераль-губернатора, планъ и актъ на право владѣнія, пріискъ разрабатывается нѣсколько лѣтъ кряду и добытое на немъ золото сдается въ казну; въ Барнаулѣ золото это принимаютъ и

подъ залогъ его, даютъ взаймы кредитные билеты. Какихъ еще доказательствъ на право владѣнія пріискомъ, особенно въ глазахъ людей, непосвятившихъ своей жизни на изученіе тонкостей? Вы покупаете паи въ пріискѣ, употребляя на это большія деньги. Вдругъ обнаруживается, что лѣтъ девять назадъ не было соблюдено что нибудь подвергающее сомнѣнію право золотопромышленника на пріискъ: запрещеніе, и пошло дѣло гулять по судамъ на десятки лѣтъ! Остается одно изъ двухъ: или бросить разрѣзы, канавы, плотины, машины, строеніе, словомъ, все пріисковое устройство, которое погибнетъ въ ожиданіи рѣшенія дѣла; или — если толстъ 'карманъ и есть кредитъ — работать, представляя смѣту въ губернскій судъ. Деньги выдаются по сметѣ, которая конечно увеличивается до безобразія, а остальные за добытое золото, сверхъ расходовъ, деньги отсылаются въ кредитное учрежденіе, гдѣ и хра-

няться до рѣшенія дѣла и со временемъ доста-
нутся неизвѣстно кому.

Понятенъ вредъ, наносимый золотому про-
мыслу подобной процедурой; процессовъ было
множество и разумѣется все на лучшіе пріис-
ки; о плохихъ никто спорить не станетъ. Это
одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ золотого
промысла: золотопромышленники, привлекаемые
возможностю отобрать пріискъ у товарища, за-
водили и заводягъ громадные и нескончаемые
процессы. Вѣдь есть возможность ни за что ни
про что пріобрѣсти миллионы! многіе ли усто-
ятъ противъ подобнаго искушенія?

И такъ, нечего расчитывать на совѣсть людей,
а законъ долженъ, по возможности, устранить са-
мый источникъ подобныхъ искушеній. Повто-
ряю, я не вижу для казны ни выгоды, ни на-
добности пользоваться правомъ на пріискъ, не
правилько заявленный, и полагаю, что съ тѣхъ
поръ, какъ золотопромышленнику выданъ планъ

и актъ на пріискъ, всякая претензія со стороны казны должна прекращаться, хотя бы впослѣдствіи и было обнаружено, что пріискъ заявленъ неправильно. Какое дѣло до этого казнѣ, когда ей пріискъ вовсе не нуженъ? это только поводъ къ безполезнымъ для правительства и общества, и очень вреднымъ для золотого промысла, доносамъ и процессамъ.

Но, могутъ возразить мнѣ, казна служить, въ этомъ случаѣ, представителемъ общества, т. е. она какъ бы отстаиваетъ не свое право, а право всякаго русскаго подданнаго (занимающагося золотымъ промысломъ) на пріискъ, неправильно заявленный. Справедливо, но, мнѣ кажется, справедливо только повидимому. Вѣдь никто же не хлопочетъ объ отобраніи пріиска, пока достоинство его неизвѣстно, а начинаютъ обыкновенно подкапываться подъ золотопромышленника тогда уже, когда онъ затратилъ капиталъ на разведку и прочая, и затѣмъ спра-

ведливо ли отбирать разъданный и разработываемый пріискъ во имя основанаго лишь на принадлежности къ русскому народу права всякаго? Съ какой стороны ни смотрите на это дѣло, — съ теоретической ли, съ практической ли, — а истиннымъ основаніемъ права на пріискъ служить единственно затрата труда и капитала; и такъ, оставьте же пріискъ тому, кто дѣйствительно произвелъ эту затрату.

По моему мнѣнію, право казны должно прекращаться безвозвратно послѣ выдачи актовъ. Пусть оспаривають правильность явки прежде окончательной выдачи актовъ, т. е. тогда еще, когда достоинство пріиска неизвѣстно; а за тѣмъ, право владѣнія должно быть безспорнымъ.

Наконецъ, ужъ ежели бы казна могла извлекать какую нибудь пользу изъ отобраннаго у золотопромышленника пріиска, то пусть же не объявляеть его свободнымъ для новыхъ заявокъ, а продаетъ и тѣмъ устраниТЬ, по крайней

мѣрѣ, поводъ къ дракѣ между партіями. Впрочемъ, я съ своей стороны думаю, что отбирать пріискъ было бы справедливо въ такомъ только случаѣ, когда были бы устранины всѣ излишнія формальности, а до тѣхъ поръ несправедливо отбирать пріискъ, пріобрѣтенный нерѣдко пѣтомъ и кровью, за несоблюденіе какой нибудь формальности. Вѣдь девять-десятихъ приказчиковъ, пишущихъ явки, едва учены грамотѣ. Да впрочемъ, если устранины будутъ формальности, то уничтожится сама собою и возможность отобрать пріискъ.

Другое дѣло, если возникаетъ споръ между частными лицами; тутъ должно быть ограждено право истиннаго владѣльца. Но число такихъ споровъ, въ сравненіи съ числомъ процессовъ по праву казны, незначительно. Не будучи самъ юристомъ, я не рѣшаюсь предложить мѣрѣ, которыя согласили бы въ этомъ случаѣ справедливость съ необходимостю большей прочно-

сти въ правѣ владѣнія пріискомъ, предоставляя это людямъ, занимающимся юридическою наукой. Скажу только, что, по моему мнѣнію, общий срокъ десятилѣтней давности плохо идетъ къ характеру золотопромышленныхъ операций и долженъ быть весьма и весьма сокращенъ.

Размѣръ отводимой на одно лицо площади простирается до 250,000 квадратныхъ сажень, т. е. обыкновенно пять верстъ въ длину и сто сажень въ ширину; впрочемъ, золотопромышленнику дозволяется уменьшать длину и увеличивать ширину отводимой площади, лишь бы не болѣе 250,000 квадратныхъ сажень. (*)

(*) Этотъ законъ былъ однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ развитію промысла. Еслибы отводы были малы, то промыселъ никогда не могъ бы достичь той степени развитія, какой достигъ въ Енисейской губерніи. Еслибы отводы были малы, не видать бы намъ всѣхъ тѣхъ пріисковыхъ устройствъ, которые такъ сильно развили дѣло въ періодъ, который я назвалъ системою усиленной промывки бѣдныхъ розсыпей, ибо при маломъ отводѣ невозможна была бы производительная затрата значительного капитала на машины, канавы, плотины, дороги и т. п.

Отводить подъ рядъ всю открытую розсыпь, если она больше 250,000 сажень, — не дозволяется. Законъ этотъ установленъ конечно для того, чтобы не захватывали слишкомъ много мѣста въ однѣ руки и такимъ образомъ не мѣшали бы другимъ. Но и эта формальность, какъ всегда почти бываетъ съ формальностями, ни мало не достигаетъ цѣли. По закону можно взять на одно лицо нѣсколько площадей, но съ тѣмъ чтобы онѣ отстояли другъ отъ друга не менѣе, какъ на пять верстъ. И такъ, чтобы захватить все мѣсто, промежуточныя площади заявляютъ на имя жены, брата, отца, сына, пріятеля. Отсюда опять только поводъ къ ссорамъ, надувательствамъ и процессамъ.

Я думаю, что дѣло это можетъ быть устроено иначе: по моему мнѣнію, можно бы было отводить сколько угодно и рядомъ, но съ тѣмъ, что известное пространство даромъ, а оставльное за ежегодную подать. При этомъ еще за-

мѣчу — и вѣроятно не сойдусь въ этомъ отношеніи съ большинствомъ теперешнихъ золотопромышленниковъ — что даровой отводъ можетъ быть значительно уменьшенъ. Для работы по старымъ способамъ, большой отводъ, конечно, необходимъ, ибо способы эти требуютъ затраты значительного капитала, а потому золотопромышленнику нужна полная увѣренность въ продолжительности работъ. Но при пакулевскомъ способѣ промывки, капиталъ нуженъ самый ничтожный, а слѣдовательно нѣть никакой надобности въ очень большомъ отводѣ. Чтобы предоставить старому и новому порядку полную свободу дѣйствія въ ихъ борьбѣ между собою, слѣдовало бы отводить даромъ мѣсто меныше 250,000 квадратныхъ сажень, а за тѣмъ желающему отвести хоть всю Сибирь, но за плату; я полагаю, что это была бы найдѣйствительнѣйшая узда противъ захватовъ. Само собою разумѣется, что такая пере-

мѣна должна быть произведена не вдругъ: пусть размѣръ отводовъ уменьшается постепенно, когда такой новый порядокъ будетъ оправдываться на практикѣ. Впрочемъ, я думаю, что можно, безъ всякаго существеннаго ущерба дѣлу, немедленно же приступить къ такому уменьшенію, напримѣръ, тысячу на пятьдесятъ квадратныхъ сажень. Само собою разумѣется, что я говорю только о новыхъ отводахъ, а не объ уменьшении площадей уже отведенныхъ.

Я говорилъ уже о томъ, что законъ, опредѣляющій 10 сентября общимъ срокомъ окончанія работъ, можетъ быть отмѣненъ. По моему мнѣнію, для такого закона нѣтъ никакого основанія, а между тѣмъ отъ его существованія теряется двѣ недѣли (а иногда и болѣе) времени весьма удобнаго для промывки. Законъ установленъ съ тою цѣлью, чтобы рабочіе не запоздали выходить съ пріисковъ въ жилыя мѣста; но для этого нѣтъ надобности назначать

срока, ибо къ главнѣйшимъ пріискамъ уже про-
ведены хорошія дороги, по которымъ рабочій
можетъ выдти во всякое время года; наконецъ,
можно установить, что золотопромышленникъ,
желающій продолжать промывку послѣ 10 сен-
тября, обязывается принять всѣ мѣры къ бе-
зопасному выходу рабочихъ, напримѣръ: посы-
лать ихъ артелями и въ сопровожденіи вьюч-
ныхъ лошадей съ припасами и еще запасными
лошадьми, которые могли бы довезти до мѣста
заболѣвшихъ или изнурившихся въ пути рабо-
чихъ. Я съ тѣмъ большею увѣренностью пред-
лагаю эту перемѣну, что вѣдь законъ запре-
щаетъ послѣ 10 сентября собственно только про-
мывку песковъ, но не другія работы: и такъ
рабочіе могутъ оставаться и остаются на прі-
искѣ послѣ 10 сентября и занимаются тамъ
вскрышею турфа; почему же нельзя мыть зо-
лота?

Я думаю, что обстоятельство это надобно

предоставить на волю хозяина съ одной и рабочаго съ другой стороны: хотятъ продолжать работу, сошлись въ условіяхъ — пусть и работаютъ, а законъ, выказывающій излишнюю заботливость о рабочемъ, всегда въ ущербъ не только золотому промыслу, но и самому рабочему, — долженъ быть устраниенъ. Большинство рабочихъ, посвящающихъ себя золотому промыслу, не имѣютъ въ жилыхъ мѣстахъ никакихъ прочныхъ занятій и потому большую часть времени (во время нахожденія не на пріискѣ) употребляютъ на кутежъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ короче будетъ срокъ этого кутежа, тѣмъ лучше. Я конечно не предложу закона, который — въ видахъ уменьшевія кутежа — удерживалъ бы рабочаго на пріиске противъ его воли; но я предлагаю отмѣнить законъ, который мѣшаетъ продолжать работу далѣе 10 сентября, если и хозяинъ и рабочій пожелаютъ этого.

Имѣя въ виду сдѣлать золотой промыселъ доступнымъ самому мелкому капиталисту, законъ долженъ сокращать, по возможности, чи-сло пріисковыхъ чиновниковъ и ихъ канцелярій. Все это, часто безъ всякой нужды, увеличива-етъ непроизводительные расходы. Я, напримѣръ, не вижу никакой особенной надобности въ гор-ныхъ ревизорахъ, съ ихъ помощниками и кан-целяріями, а вѣдь все это приходится кормить, поить и, главное, перевозить съ пріиска на пріискъ и часто въ самое горячее время работы, когда дороги всякой части, всякая лошадь, всякий ко-нююхъ.

Главная обязанность ревизора по закону — наблюдать за правильнымъ ходомъ пріисковыхъ работъ; но кому же неизвѣстно, что никакого наблюденія, въ дѣйствительности, не существуетъ и существовать не можетъ, а замѣняется оно жуировкою по пріискамъ съ мая и по сентябрь? «Какъ?!.. а хищническая разработка?

возопять вѣкоторые охотники до опеки. Вѣдь не смотри за вами, такъ вы всю Сибирь выработаете хищнически».

Недостаточно здраваго смыслу и знанія русскаго языка, чтобы понять эти хитрыя слова — «хищническая разработка». Иной неопытной читатель подумаетъ, что какіе нибудь хищники сдѣлали набѣгъ на пріискъ и похитили золото. Пусть такой читатель узнаетъ, что разрабатывать хищнически можетъ хозяинъ собственный свой пріискъ!

Хищническая разработка изобрѣтена людьми, которые воображаютъ, что личный интересъ золотопромышленника не можетъ считаться достаточной гарантіей для правильнаго веденія дѣла, а нужны еще надзоръ и опека чиновника.

По моему крайнему убѣжденію, работать хищнически значитъ работать производительно, съ барышемъ, оставляя въ сторонѣ то, что работать невыгодно. Работать же не хищнически зна-

чтъ быть обязаннымъ работать какъ можно
чище, выбирая и промывая всѣ пески, содер-
жащіе въ себѣ не менѣе пятнадцати, напри-
мѣръ, доль золота во ста пудахъ песку. Такъ
объясняю я себѣ этотъ плодъ попечительности
о малолѣтнихъ ребятахъ — золотопромышлен-
никахъ; изобрѣтено это попечительство горны-
ми чиновниками прежнихъ временъ, да такъ и
остается до сихъ поръ на бумагѣ, но конечно
не на дѣлѣ. Прекрасно, но отчего же не брать
и этихъ 15 доль и не заставить промыть всю
Сибирь, разоривъ на этой работе всю Россію?

Наконецъ, надоѣло писать особый законъ
для каждого пріиска и переписывать его смотря
по времени, т. е. по способамъ разработки.
Можетъ быть такой пріискъ, гдѣ выгодно рабо-
тать въ 30 доль, и можетъ быть такой, гдѣ
нельзя работать меньше золотника и даже бо-
льше, и это — не въ какихъ либо различныхъ
мѣстахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга тыся-

чами верстъ, а на двухъ смежныжъ пріискахъ, и даже на одномъ и томъ же пріискѣ.

Что касается до времени, то одинъ горный полковникъ, завѣдывавшій казенными промыслами, работалъ хищнически и, на упреки за это, отвѣчалъ, что работаетъ для барыша, а не для того, чтобы забавляться промывкою песковъ; бѣдныя же мѣста оставляеть для будущихъ временъ, когда способы разработки будуть такъ усовершенствованы, что сдѣлается выгоднымъ промывать и эти бѣдные, теперь оставляемые пески. Кажется, разумно.

Всѣ эти опеки, надзоры и ограниченія ведутъ лишь къ безполезному для дѣла и убыточному для золотопромышленника вмѣшательству чиновника. Кому же неизвѣстно, что законъ остается мертвой буквой? Работаютъ не хищнически если это выгодно, а ужъ если не выгодно, то чистоту промывки замѣняютъ кредитными билетами.

Странное положеніе! приходится благословлять взятки, ибо безъ нихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, просто хоть брось дѣло. Бѣда, если бы въ золотопромышленности появились аристиды.

Кромѣ того ревизоръ обязанъ учить настъ нашему дѣлу!... обѣ этомъ пунктѣ многое распространяться нечего, ибо я полагаю, что у настъ иной приказчикъ научить многихъ горныхъ офицеровъ.

Нѣкоторые ревизоры, поставленные лицомъ къ лицу съ дѣломъ, а не съ бумагой только, давно поняли, что существенѣйшая и едва ли не единствено-возможная часть ихъ обязанностей заключается въ томъ, чтобыѣздить въ гости съ пріиска на пріискъ и собирать дань. Они, слава Богу, такъ и поступаютъ.

Я зналъ одного горнаго ревизора (онъ уже умеръ и дай Богъ царство небесное этому хорошему человѣку), который никогда не загля-

дывалъ въ разрѣзы, и, право, это былъ отлич-
нѣйшій ревизоръ. Дѣло оттого ни мало не стра-
дало.

А отводы, планы, свидѣтельства на золото,
порядокъ на пріискахъ?

Да неужели мало для этого отводчиковъ съ
помощниками и урядниками, и исправниковъ
тоже съ помощниками, съ козаками и съ жан-
дармскимъ полковникомъ? Я того мнѣнія, что
и этотъ послѣдній могъ бы быть устраниенъ во-
все, а число остальныхъ сокращено.

При настоящемъ порядкѣ вещей, разрѣзы
чиновниковъ съ ихъ канцеляріями, содержаніе
ихъ и прочая.... хотя и обременительны но все же
сносны, но вѣдь все это просто разоритъ мелкаго
золотопромышленника, а между тѣмъ, я вижу спа-
сеніе для золотого промысла именно въ раздробле-
ніи на мелочь. Правъ я или ошибаюсь, покажутъ
обстоятельства, но законъ долженъ бы быть
устранить всѣ тѣ препятствія, которыя постав-

ляеть онъ раздробленію золотого промысла. Если же самою силою обстоятельствъ промыслу этому суждено оставаться въ рукахъ сильныхъ капиталистовъ, то вѣдь и они будутъ довольны, что избавятся отъ лишнихъ расходовъ.

За преступленія, совершенныя на пріискѣ, судятъ, во многихъ случаяхъ, военнымъ судомъ. Нѣкоторые золотопромышленники считаютъ такой порядокъ весьма полезнымъ для большей острастки рабочихъ. Я рѣшительно не раздѣляю такого странного, чтобы не сказать больше, воззрѣнія. Ни въ какой особенной острасти пріисковые рабочіе не нуждаются, да и плохо вѣрится мнѣ въ могущество такихъ острастокъ. Рабочіе ведутъ себя на пріискѣ не только не хуже, но, напротивъ, лучше, чѣмъ въ деревняхъ и городахъ, гдѣ вѣдь не судятъ же ихъ военнымъ судомъ. Рабочій на пріискѣ занятъ съ утра и до вечера постоянно. Во все время пребыванія на пріискѣ, рабочій

не напьется ни разу. Ему даютъ иногда стаканъ вина, но напиться до безобразія негдѣ. Случается, конечно, что рабочій успѣваетъ достать водки и на пріискѣ, но это рѣшительное исключеніе, ни сколько не относящееся до массы рабочихъ, а слѣдовательно и понятно, что они на пріискѣ гораздо смиренѣе, чѣмъ вблизи кабаковъ.

Но люди, къ которымъ примѣняется очень хорошо поговорка — « у страха глаза велики », приводятъ иногда слѣдующій аргументъ: « Помилуйте, говорятъ они, да вѣдь это ссыльные! развѣ долго до бунта съ этими мерзавцами? вѣдь на пріискахъ средства полиціи крайне ограничены; скорой помощи, вслучаѣ надобности, получить неоткуда, и потому не худо малочисленность полиціи замѣнить угрозою военного суда ».

На это я скажу, что бунты бываютъ очень рѣдко; въ теченіи болѣе 10 лѣтъ, я не слы-

халъ ни объ одномъ; да и кромѣ того бунты эти вовсе не такого свойства, чтобы нужны были военныя средства — ведь весь бунтъ заключается обыкновенно въ томъ, что рабочіе отказываются работать. Въ прежнее время разъ на Бирюсъ *взбунтовались* такимъ образомъ нѣсколькоъ тысячъ рабочихъ изъ за какихъ то неладовъ съ управляющимъ. Впрочемъ, на этотъ разъ, кромѣ отказа работать, прибили еще кого-то. На пріиски пріѣхалъ адъютантъ генераль-губернатора и сразу усмирилъ бунтъ. Это фактъ. Теперь пусть читатель вообразить себѣ съ одной стороны адъютанта со шпагой и нѣсколько козаковъ съ тѣмъ жалчайшимъ оружіемъ, какое имѣли сибирскіе козаки въ то время; а съ другой — тысячи раздраженныхъ рабочихъ съ ломами, топорами, кайлами и т. п.; пусть прибавить еще къ этому, что дѣло происходило въ пустынной тайгѣ, за сотни верстъ бездорожья отъ тѣхъ мѣстъ, откуда можно было

получить вооруженную силу, и за тѣмъ спросить себя — нуженъ ли военный судъ? Тутъ, какъ это случается очень часто, рабочіе сопротивлялись до тѣхъ только поръ, пока думали, что право и высшая мѣстная власть будутъ на ихъ сторонѣ; а за тѣмъ покорились адъютанту.

Къ тому же, вѣдь въ Енисейской губерніи есть же цѣлые деревни и села, состоящія больше чѣмъ на половину изъ ссыльныхъ и ихъ потомства, и однакоже преступленія, совершенныя въ этихъ поселеніяхъ, судятся обыкновеннымъ, а не военнымъ судомъ. Для чего же нуженъ военный на пріискѣ? Да вѣдь и не однихъ ссыльныхъ судятъ военнымъ судомъ; есть случаи, когда суду этому подвергаются и дворяне и купцы и крестьяне, по дѣламъ относящимся къ золоту. Все это, мнѣ кажется, остатки того излишняго поклоненія золоту, которымъ отличалось прежнее, давно минувшее время.

Находятся и такие господа, которые предлагають судить военнымъ судомъ за побѣги съ пріиска. Побѣги эти дѣйствительно наносятъ золотому промыслу весьма значительный ущербъ, но противъ этого зла надобно искать спасенья не въ военномъ судѣ надъ бѣглецами, а въ такихъ мѣрахъ, которая устраниять общіе недостатки нашего законодательства по неисполнению договоровъ и обязательствъ.

Въ заключеніе моего взгляда на золотопромышленный уставъ, я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о порядкѣ полученія денегъ за сданное золотопромышленниками золото. Извѣстно, что законъ обязываетъ золотопромышленника сдавать въ казну все добытое имъ золото. Кто хоть разъ сдавалъ золото, тотъ знаетъ что это за исторія!... не то, чтобы золотопромышленнику было ужь очень нужно самое золото; напротивъ, почти всегда онъ очень радъ промѣнять поскорѣе свой золотой поро-

шокъ на кредитные билеты. Но я говорю о тѣхъ хлопотахъ, потерѣ времени, поклонахъ, тратѣ денегъ и т. п., которыми сопровождается, и при настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ не сопровождаться, этотъ промѣнъ.

Везти золото приходится за тысячу и болѣе верстъ, посыпать довѣреннаго, тратить деньги, кланяться всѣмъ и каждому, начиная со сторожа, и ждать денегъ въ то время, когда дорогъ каждый часъ. Подрядчики приступаютъ, рабочихъ надобно расчитывать, а въ кассѣ — хоть шаромъ покати! Я по собственному опыту знаю, что это за адъ.

Бывали и такие случаи, что золотопромышленникъ привезетъ въ Красноярскъ пудъ пять золота и долженъ занимать тысячи двѣ-три рублей (платя безобразные проценты), чтобы доставести эти пять пудъ, т. е. болѣе 50,000 рублей, до Барнаула!

Извѣстны громадные золотопромышленные бан-

кротства. Я вовсе не говорю, чтобы исключительнымъ источникомъ этихъ банкротствъ было несвоевременное получение денегъ за золото, но оно много помогало имъ. Вѣдь эти люди плативали до 10% въ мѣсяцъ и переписывали векселя, какъ хотѣлъ кредиторъ.

Послѣ моего отѣзда изъ Сибири дѣло это значительно облегчено возможностю занимать деньги, подъ залогъ золота, въ Красноярскѣ. Тѣмъ не менѣе обязанность сдавать золото въ казну и невозможность распоряжаться имъ, какъ всякимъ другимъ товаромъ, влекутъ за собою множество хлопотъ, затрудненій, потери времени и денегъ и разныхъ другихъ обстоятельствъ, которые тяжело ложатся на золотой промыселъ.

Извѣстно, что взятки вообще у насъ вовсе не рѣдкость, а потому странно было бы ожидать, чтобы ихъ не было и въ золотопромышленности. Извѣстно также, что этой язвы не-

возможно истребить ни указами, ни даж есамъ строгими наказаніями. Однакожъ, часто бываетъ во власти закона уменьшить значитель-но число случаевъ, падающихъ поводъ къ взят-кѣ. Въ такомъ то именно положеніи находится золотой промыселъ во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, въ отношеніи сбыта золота: взятки были бы сокращены больше чѣмъ на половину, еслибы правительство рѣшилось из-бавить золотопромышленниковъ отъ обязанно-сти сдавать золото въ казну.

Можетъ ли оно рѣшиться на подобную мѣру?

Правительство можетъ желать оставить за собою это право на все добываемое золото, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, для того, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ металль; но въ наше время и послѣ финансовыхъ реформъ, самимъ правительствомъ совершенныхъ, едва ли нужно доказывать, что оно — вслучаѣ финансовыхъ затрудненій — не извлекаетъ никакой дѣй-

ствительной пользы изъ права сосредоточивать въ своихъ рукахъ все добываемое въ Сибири золото. Наконецъ, ужъ если правительству нужно это золото, то вѣдь оно можетъ учредить конторы въ Красноярскѣ, Енисейскѣ и другихъ городахъ, чтобы покупать золото по вольной цѣнѣ. Золотопромышленники будутъ продавать его съ величайшимъ удовольствіемъ.

Мнѣ случалось слышать противъ этого слѣдующее возраженіе: продавцы золота будутъ подсыпать мѣдь въ золотой порошокъ и вообще надобно сплавлять золото, чтобы опробовать, а для этого нуженъ Барнаульскій заводъ. Не знаю, какъ именно, но знаю, что въ Калифорніи и Австраліи — гдѣ нѣть Барнаула — покупаютъ же золото. Почему же нельзя у насъ?

При предполагаемомъ мною способѣ покупки золота выиграетъ золотой промыселъ, а слѣдовательно и край. Сразу будутъ устраниены и излишніе чиновники — надзиратели и опекуны,

и значительная часть взятокъ и, наконецъ, вся эта длинная процедура формальностей (записка золота въ шнуровыя книги, свидѣтельства на золото, проверка книгъ, поклоны при сдачѣ золота и т. п.), которыми законъ окружаетъ теперь добычу и сдачу золота.

Другая причина, по которой правительство можетъ желать удержать за собою исключительное право покупать все добываемое въ Сибири золото, заключается въ томъ, что золотопромышленники платятъ налогъ пропорционально количеству добытаго металла, а следовательно обязанность сдавать золото въ казну служить вѣрнымъ средствомъ усчитать количество подати.

Я не стану предлагать, какъ дѣлали это некоторые золотопромышленники, совершенного уничтоженія податей съ золота, хотя и думаю, что еслиъ возможно, то это было бы истиннымъ благодѣяніемъ для края, все благоденствіе котораго держится золотымъ промысломъ.

Прежде, чѣмъ дѣлать такія предложенія, надоѣло знать, на сколько для казначейства возможно отказаться отъ податей съ золота. Но я думаю, что обязанность здавать золото въ казну влечетъ за собою столь обременительные для золотого промысла порядки, что налогу слѣдовало бы дать другую форму, напримѣръ, взыскивать подать по числу рабочихъ, находящихся на пріискѣ, какъ это дѣлается въ Австралии.

Но, возразятъ мнѣ, въ такомъ случаѣ налогъ будетъ падать не на чистый доходъ, и золотопромышленники будутъ скорѣе сокращать, чѣмъ увеличивать число рабочихъ. Справедливо, но развѣ и при теперешней системѣ налога не видимъ того же? И теперь налогъ падаетъ не на чистый, а на валовой доходъ золотопромышленника. Кому неизвѣстны примѣры, что золотопромышленникъ, намывшій какихъ нибудь 5 пудъ золота, получалъ барышъ,

а намывшій 50 пудъ быль въ убыткѣ? между тѣмъ послѣдній платилъ подать съ 50 пудъ, а первый только съ 5-ти.

И такъ, изъ двухъ золъ остается выбирать меньшее. При налогѣ по числу рабочихъ, золотопромышленникъ долженъ будетъ только уведомить исправника о числѣ рабочихъ (онъ обязанъ дѣлать это и теперь) и за тѣмъ всѣ счеты его со шнуровыми книгами, со свидѣтельствами на золото, съ поѣздками въ Барнаулъ, съ необходимостю имѣть довѣреннаго въ Петербургѣ, при монетномъ дворѣ, и, наконецъ, со всѣми поклонами, столь отяготительными для кармана, — окончены навсегда.

Какъ все это тяжело и непріятно, знаютъ всѣ, занимающіеся золотымъ промысломъ. Промыселъ этотъ уже пережилъ одинъ кризисъ и всталъ тогда на ноги безъ коренныхъ измѣненій въ горномъ уставѣ. Въ первый періодъ золотопромышленности, барыши были баснослов-

ны, а слѣдовательно было изъ чего вычитать. Теперь же законъ долженъ помочь дѣлу, устранивъ по возможности посторонніе расходы.

Расходы эти сносятся теперь, когда золотопромышленникомъ можетъ быть только значительный капиталистъ, но они просто раздаваятъ дѣло, когда оно пойдетъ въ раздробъ. Я не могу и вообразить себѣ, какимъ образомъ будетъ вывертываться человѣкъ, добывающій всего какихъ нибудь 10 фунтовъ золота. Да на одни прогоны и довѣренныхъ разорится.

Повторяю, я вижу средство для процвѣтанія золотого промысла Енисейской губерніи только въ раздробленіи его на мелочь, а потому и вошелъ въ тѣ подробности, которыхъ поясняютъ возможность такого раздробленія.

Приводимая мною мысль нова у насъ, по крайней мѣрѣ я не встрѣчалъ ничего подобнаго между нашими золотопромышленниками, а потому — независимо отъ ея достоинствъ или

недостатковъ — она встрѣтить конечно оппозицію въ привычкахъ и понятіяхъ, сложившихся издавна. Впрочемъ, я и не предлагаю привести ее въ исполненіе вдругъ и немедленно; но я думаю, что въ этомъ заключается цѣль, къ которой долженъ стремиться законъ постепенно и щадя, по возможности, издавна укоренившіеся порядки.

Существуютъ весьма важныя причины, которые заставляютъ желать, чтобы всякая коренная реформа въ золотомъ промыслѣ совершилась съ величайшею осмотрительностію. Промысломъ этимъ живетъ и дышетъ обширный край, а потому удачная или неудачная реформа отразится на всемъ населеніи. Послѣ этого понятно, что не слѣдуетъ разрушать стараго, а дать только новому достаточный просторъ, чтобы — вслучаѣ неудачи этого новаго — старое могло уцѣлѣть.

Набрасывая эти мысли, я вовсе не имѣлъ въ

виду писать проекта устава о частной золотопромышленности; я желалъ только хоть слегка очертить тотъ порядокъ, къ которому идетъ золотой промыселъ, и такимъ образомъ дать вѣкоторыя указанія законодателю.

Промыселъ этотъ очевидно переживаетъ кризисъ. Розсыпей не только съ богатымъ содержаниемъ, но даже и съ весьма посредственнымъ, которое удовлетворяло бы требованіямъ старого способа промывки, — такихъ розсыпей съ каждымъ днемъ становится все меньше и меньше; расчитывать на открытие новыхъ значитъ расчитывать на случайность: такія открытия могутъ быть и не быть. Между тѣмъ въ Енисейской губерніи есть множество розсыпей столь бѣдныхъ, что онѣ не могутъ быть разрабатываемы производительно, при преобладающихъ теперь способахъ промывки и всякихъ пріисковыхъ порядкахъ. И такъ, для поддержанія дѣла надобно, во-первыхъ, устраниТЬ, по возмож-

ности, всякие посторонніе расходы и другія прев-
пятствія; и, во-вторыхъ, удешевлять стоимость
работъ. Подобное удешевленіе достигается обык-
новенно усиленною затратою капитала, т. е.
введеніемъ усовершенствованныхъ, и обыкно-
венно дорого стоящихъ, машинъ. Но къ сча-
стію, съ нашимъ золотымъ промысломъ случи-
лось совершенно на оборотъ: пакулевскій спо-
собъ промывки, по своимъ крайнимъ дешевиз-
нѣ и простотѣ, устраниетъ необходимость силь-
наго капиталиста и даетъ ходъ самому мелко-
му. Только онъ влечеть за собою измѣненіе
всѣхъ давно укоренившихся пріисковыхъ поряд-
ковъ, а потому борьба ему предстоитъ упор-
ная и продолжительная.

Само собою разумѣется, что я не предла-
гаю такихъ мѣръ, которые помогали бы паку-
левскому способу вытѣснить бочку и прочія
машины; это было бы тѣмъ болѣе неоснова-
тельно, что есть пріиски, на которыхъ, по без-

водью или другимъ причинамъ, пакулевскій спо-
собъ вовсе непримѣнимъ; кромѣ того, новому
изобрѣтенію предстоитъ еще много усовершен-
ствованій и приспособленій, а такія усовершен-
ствованія являются всегда постепенно, на са-
момъ дѣлѣ; и такъ, желательно, чтобы новый
порядокъ вводился безъ разстройства стараго и
вводился не какимъ-либо постороннимъ влія-
ніемъ, но самъ собою, по мѣрѣ признанія его
превосходства. Законъ, какъ я уже сказалъ
выше, долженъ оставаться нейтральнымъ; его
дѣло не направлять въ ту или другую сторону,
а только устраниять, по возможности, всѣ пре-
пятствія. Законъ можетъ съ тѣмъ большею увѣ-
ренностью вступить на указываемый путь, что
въ большей части случаевъ отъ него не тре-
буется ничего, кромѣ такихъ мѣръ, которыя,
давая ходъ новому, облегчатъ и старое, если
это старое можетъ еще держаться своею соб-
ственою, а не постороннею силой.

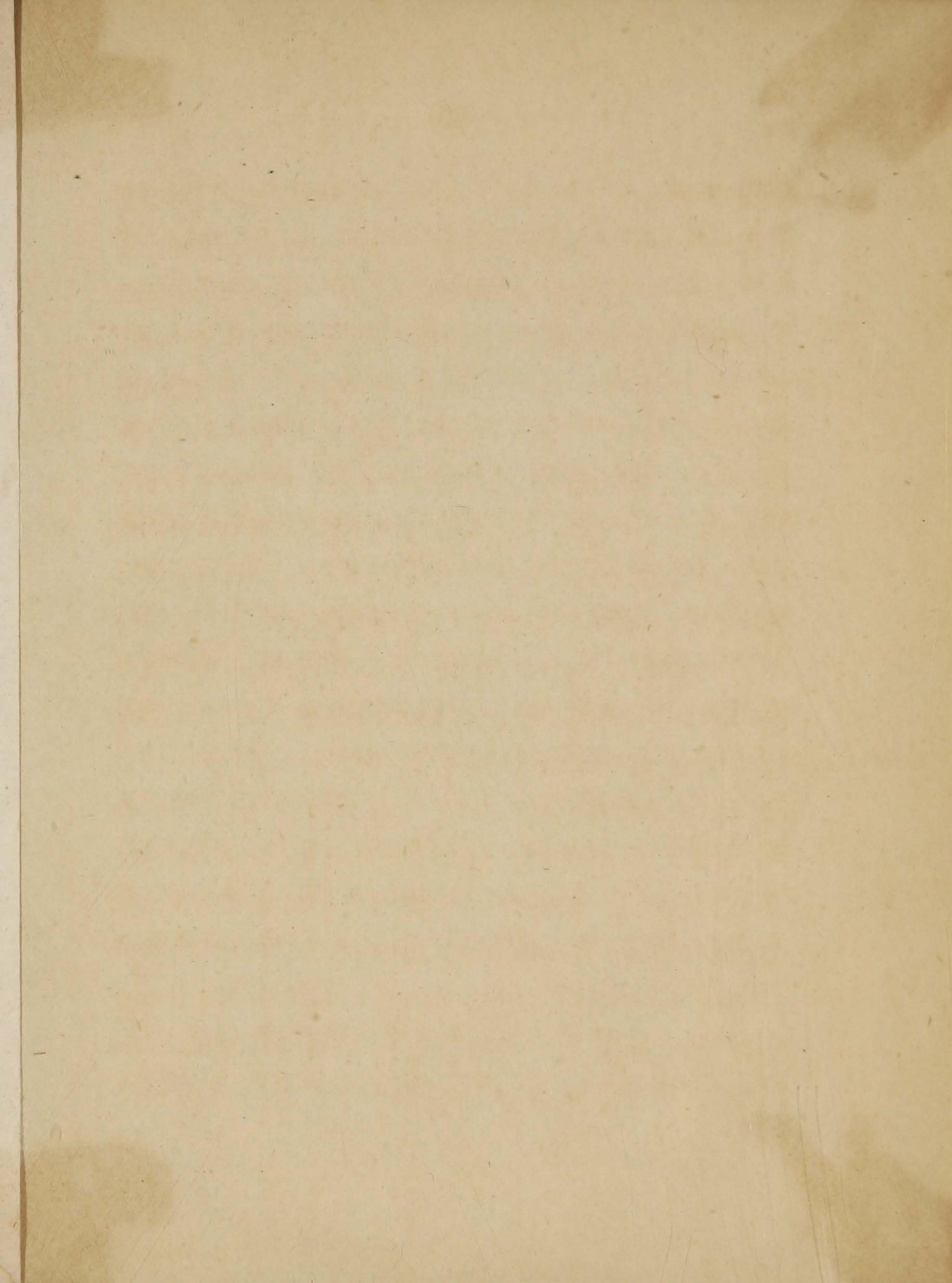
Я кончилъ, и теперь мнѣ остается только повторить то, что сказано въ предисловіи къ этому сочиненію: не мнѣ писать полную картину золотопромышленности; я не ученый и кроме того, живя въ Сибири, никогда не думалъ о томъ, что мнѣ придется писать о золотомъ промыслѣ, а потому и не собиралъ материалаовъ. Я просто золотопромышленникъ, шлявшійся по тайгѣ, искавшій золота, разрабатывавшій розсыпь и видѣвшій развѣ тысячу (да и того менѣе) часть нашей необъятной тайги. Пользуясь досугомъ, я рѣшился написать и напечатать мои впечатлѣнія, мои мысли и плоды моего недолговременнаго опыта. Я не сдѣлалъ бы этого, еслибы о золотопромышленности писали люди, которые, что называется, зубы съѣли на золотомъ промыслѣ. Но они писать не охотники, да имъ и не до того. Пусть же читатель не осудитъ меня за промахи и неполноту.

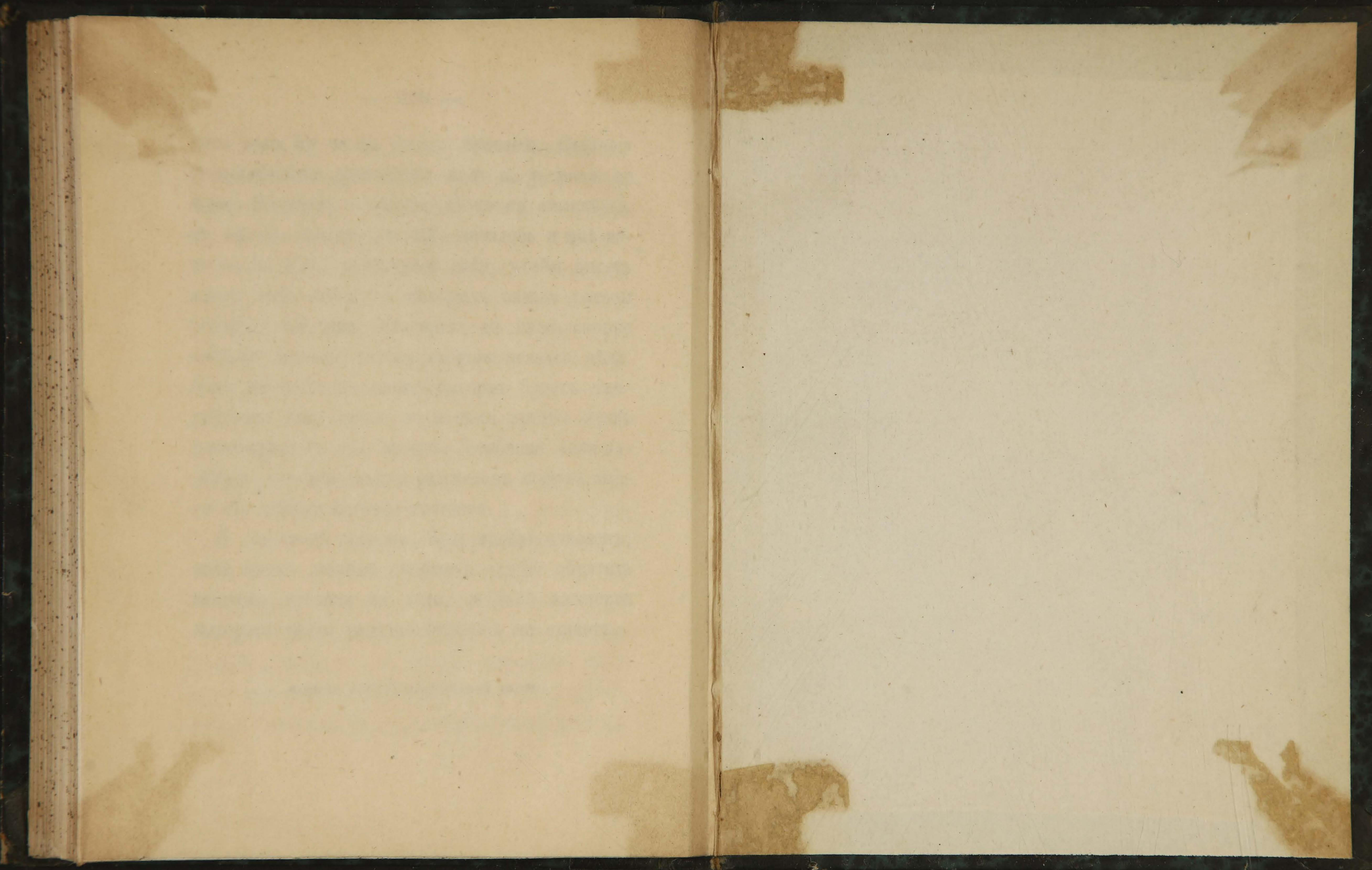
Можно сказать, что я написалъ панегирикъ золотопромышленности. Я видѣлъ въ золотомъ промыслѣ единственный и обильный источникъ благоденствія обширнаго края и смотрѣлъ на дѣло съ этой свѣтлой точки зрења. Я думаю, что заслуга золотого промысла, въ этомъ отношеніи, такъ велика, что передъ нею блѣднѣютъ всякия подлости, меркнутъ всякия черныя дѣла. Золотой промыселъ, какъ и всякое человѣческое дѣло (особенно гдѣ рѣчь идетъ о миллионахъ) имѣеть, конечно, и свои весьма и весьма темные стороны. Я говорилъ лишь вскользь объ этихъ сторонахъ; я избѣгалъ всячески личностей и раздраженія, ибо считалъ ихъ, въ настоящемъ случаѣ, безплодными. Я прибѣгалъ къ изобиличенію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣялся извлечь изъ этого непосредственную пользу, т. е. измѣненіе закона къ лучшему. Можетъ быть, даже и въ этомъ я не всегда умѣлъ сохранить надлежащую мѣру, но намѣренія оскор-

бить кого бы то ни было, привлечь внимание скандалёзными рассказами и т. п. у меня не было. Наконецъ я писалъ въ этомъ смыслѣ... ну, просто оттого, что такъ писалось и мнѣ надобно было насыщовать себя, чтобы писать иначе: есть люди, у которыхъ складъ головы таковъ, что имъ бросается въ глаза скорѣе свѣтлая нежели темная сторона всякаго дѣла. Если же найдутся люди, которые будутъ смотрѣть на дѣло иначе, то и тѣмъ лучше: пусть рассказываютъ что знаютъ, особенно если надѣятся, что изъ такихъ разсказовъ можетъ выдѣти чтонибудь истинно-полезное.

Я, съ своей стороны, буду крайне доволенъ, если моимъ легкимъ очеркомъ успѣю обратить внимание публики на дѣло, великой важности котораго никто конечно отрицать не стаетъ.

конецъ второй и послѣдней части.

313

313

313

313

313

313